

ISSN 2949-3463



СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН
наука, образование, культура

4/2023

Сургут

12+

ISSN 2949-3463

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 4 (56)
2023**

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный № Эл № ФС77-85691 от 03 августа 2023 г.

Издается с 2000 г.
Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор
Косенок Сергей Михайлович, д-р пед. наук, профессор

Заместитель главного редактора
Муллер Ольга Юрьевна, канд. пед. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Антилогова Лариса Николаевна, д-р психол. наук, профессор
Бражник Евгения Ивановна, д-р пед. наук, профессор
Быков Анатолий Карпович, д-р пед. наук, профессор
Врублевский Евгений Павлович, д-р пед. наук, профессор
Демчук Анастасия Владимировна, канд. пед. наук, доцент
Духновский Сергей Витальевич, д-р психол. наук, доцент
Загrevская Александра Ивановна, д-р пед. наук, доцент
Загrevский Валерий Иннокентьевич, д-р пед. наук, профессор
Зебзеев Владимир Викторович, д-р пед. наук, доцент
Исполитова Наталья Викторовна, д-р пед. наук, профессор
Калимуллина Ольга Анатольевна, д-р пед. наук,
профессор, чл.-корр. РАО
Калинов Вячеслав Викторович, д-р ист. наук, доцент
Камалеева Алсу Рауфовна, д-р пед. наук, доцент
Карпов Виктор Петрович, д-р ист. наук, профессор
Кириллук Денис Валериевич, канд. ист. наук, доцент
Колмогорова Людмила Степановна, д-р психол. наук,
профессор
Кольванова Лариса Александровна, д-р пед. наук, доцент
Кретинин Геннадий Викторович, д-р ист. наук, профессор
Лубышева Людмила Ивановна, д-р пед. наук, профессор

Маджуга Анатолий Геннадьевич, д-р пед. наук,
д-р психол. наук, профессор
Манжелей Ирина Владимировна, д-р пед. наук, профессор
Мищенко Владимир Александрович, д-р пед. наук, доцент
Насырова Эльмира Фанилевна, д-р пед. наук, профессор
Пастухова Лариса Сергеевна, д-р пед. наук, доцент, чл.-корр. РАО
Пешкова Наталья Виллиевна, д-р пед. наук, доцент
Повзун Вера Дмитриевна, д-р пед. наук, профессор
Подымова Людмила Степановна, д-р пед. наук, профессор
Пузанов Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, доцент
Родермель Татьяна Алексеевна, канд. филос. наук, доцент
Смолянинова Ольга Георгиевна, д-р пед. наук,
профессор, академик РАО
Солодкин Янкель Гутманович, д-р ист. наук, профессор
Степанова Галина Алексеевна, д-р пед. наук, профессор
Хохлова Наталия Ивановна, канд. психол. наук, доцент
Циринг Диана Александровна, д-р психол. наук, профессор
Черный Евгений Владимирович, д-р психол. наук, профессор
Шibaева Людмила Васильевна, д-р психол. наук, профессор
Ярычев Насруди Увайсович, д-р пед. наук, д-р филос.
наук, профессор, чл.-корр. РАО

Выпускающий редактор
Кулишова Елена Петровна

Сетевое издание. Полные тексты статей размещаются на официальном сайте издания <https://www.sev-reg.ru>,
в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте eLibrary.ru и включаются
в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел. (3462) 76-30-76, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	4
---	---

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Цысь В. В.</i> Становление школьного образования в Югре в 1760–1800-х гг.	6
<i>Задорожня О. А.</i> Эволюция казачьей школы в Сургутское мужское училище в Тобольской губернии (1835–1920 гг.)	13
<i>Цысь О. П.</i> Сосьвинская церковно-приходская школа в истории просвещения на Обском Севере в конце XIX – начале XX вв.	19
<i>Носова М. С.</i> Ученье – свет: организация работы школ в годы Великой Отечественной войны (на примере омских школ)	29
<i>Лешукова Е. В.</i> Проблемы национальной политики и образованности коренного населения Югры в партийной документации 1941–1944 гг.	35
<i>Алексеева Л. В.</i> О школьном образовании Ларьякского района Ханты-Мансийского округа (1945 – начало 1960-х гг.)	43
<i>Номогоева В. В., Иванова Л. Б.</i> Высшая школа Республики Бурятия в 1960–1980-е гг. Опыт и проблемы	52
<i>Павленко Ю. М.</i> Досуг учителей Ленинграда в 1982–1991 гг.	57
<i>Кириллюк Д. В.</i> Идея создания первой гимназии в г. Сургуте в 1990–1991 гг.: к истории кейса городского и общесоюзного кризисов	62

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Уважаемые читатели и авторы статей научного журнала «Северный регион: наука, образование, культура»!

Вашему вниманию предлагается специальный тематический номер журнала, который посвящен описанию исторического опыта развития образования на территории Сибири, а также других северных областей нашей страны. Несмотря на то, что вопросы развития образования уже много десятилетий являются предметом общих и специальных исследований ученых различных научных направлений, история школьного и высшего образования в Сибири и на Дальнем Востоке по-прежнему сохраняет множество загадок.

Результаты представленных в журнале научных исследований приближают нас к пониманию целого ряда событий и явлений школьной и вузовской жизни на огромном пространстве Сибири в XVIII – XX столетиях, проливают свет на многие проблемы истории учебных заведений края и педагогического сообщества.

В формировании данного номера приняли участие известные, а также молодые исследователи из Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Омска, Нижневартовска, Сургута. Широкая география авторов обеспечила не только разнообразие тематик исследований, их хронологических рамок, но и позволила увидеть региональную специфику в истории образо-

вания на территории Сибири и других северных областей государства. Это подтверждает необходимость дальнейших межрегиональных, сравнительных исследований.

Начальный этап становления школьного образования на территории Северо-Западной Сибири в 1760–1800 гг. представил в статье нижевартовский историк В. В. Цысь, в которой на основе редких документов раскрыта роль Русской православной церкви в развитии просвещения в регионе, выявлены основные проблемы в деятельности первых учебных заведений на Обском Севере. Схожие сюжеты на примере работы одного из старейших учебных заведений Югры – Сургутского мужского училища в XIX в. исследованы сургутским ученым О. А. Задорожной, а нижевартовский исследователь О. П. Цысь раскрыла их применительно к деятельности Сосьвинской церковно-приходской школы.

Следующий блок представленных в номере материалов посвящен состоянию, достижениям и трудностям развития школьного образования в Сибири в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. При этом, каждая из работ отражает региональную специфику состояния школьного дела на территории одной только За-

падной Сибири. Так, молодой омский историк М. С. Носова проанализировала трудности организации обучения детей и подростков в 1941–1945 гг. на примере омских школ. Сургутский исследователь Е. В. Лешукова сумела показать, что на севере Омской области местные власти решали еще более сложную задачу – привлечение к учебе детей коренных народов Севера. Известный специалист по истории Обского Севера из г. Нижневартовска Л. В. Алексеева убедительно продемонстрировала преимущество данных проблем в школах Югры и в последующие годы.

Наконец, немалый интерес представляют материалы номера, касающиеся особенностей развития образования в северных областях страны в 1960–1980 гг. Так, крупный специалист по истории образования в Восточной Сибири В. В. Номогоева в соавторстве с Л. Б. Ивановой выявили динамику развития высшего образования в республике Бурятия, перечень решенных советской властью и нерешенных вопросов в этой сфере. Исследователь из г. Санкт-Петербурга Ю. М. Павленко на основе широкого круга материалов интервью выявила особенности досуга ленинградских учителей в 1980-е гг., а сургутский уче-

ный Д. В. Кириллук на примере города Сургута представил картину кризиса советской системы образования и появления новых типов учебных заведений в 1990–1991 гг.

Представляется особенно важным, что практически все авторы, принявшие участие в составлении этого специализированного номера, помимо сухих фактов и цифр, большое внимание уделили личностям педагогов и просветителей, представителей властей, которые внесли свой посильный вклад в дело развития образования в Сибири и других северных регионов страны. Сохранение и распространение памяти о них, вне всякого сомнения, является нашей профессиональной задачей. Именно поэтому выпуск данного номера журнала в Год педагога и наставника приобретает особую значимость.

Благодарю всех сотрудников журнала «Северный регион: наука, образование, культура» за напряженную работу, а наших авторов – за интереснейшие публикации! Уверен, что в новом году эта важная созидательная деятельность принесет нам еще больше научных открытий и удовлетворения от достигнутых результатов.

С наступающим Новым годом, друзья!

Сергей Михайлович Косенок,
главный редактор, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Сургутского государственного университета

Научная статья
УДК 37.014.521(091)(571.122):27
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-1

СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЮГРЕ В 1760–1800-Х ГГ.

Валерий Валентинович Цысь^{1, 2}

¹ Экоцентр, Мегион, Россия

² Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия
roshist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9695-3900>

Аннотация. В статье рассматривается история создания первых учебных заведений на территории Югры – латинских и русских (славяно-русских) школ, предназначенных, преимущественно, для детей духовенства. Отмечено, что попытки организации системы образования во второй половине XVIII – начале XIX веков нельзя назвать в полной мере успешными. К началу XIX века лишь около четверти детей духовенства мужского пола состояли в учебных заведениях различных типов. Налаживанию работы школ мешали отсутствие подготовленных педагогических кадров, нехватка учебной литературы, разбросанность приходов по огромной территории, недостаток финансирования, бедность священно- и церковнослужителей, неиспользование достижений педагогической науки в практической деятельности. Однако этот не очень удачный опыт оказал влияние на процесс создания в регионе образовательных учреждений в последующий период.

Ключевые слова: Тобольский Север, Югра, латинские школы, русские (славяно-русские) училища, Русская православная церковь, приходское духовенство

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Цысь В. В. Становление школьного образования в Югре в 1760–1800-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 6–12. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-1.

Original article

DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION IN UGRA IN 1760–1800

Valery V. Tsys^{1, 2}

¹ Ecocenter, Megion, Russia

² Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
roshist@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9695-3900>

Abstract. The article considers the history of the first educational institutions in Ugra – Latin grammar schools and Russian (Slavic-and-Russian) schools which were intended for children of the clergy mainly. It is noted that the attempts to develop the system of education in the second half of the 18th and beginning of the 19th centuries cannot be called successful to the full. By the beginning of the 19th century only the fourth part of all male children of the clergy attended educational institutions of different types. Lack of well-trained teaching staff, shortage of textbooks, dispersion of parishes over the vast territory, lack of financing, poverty of church- and clergymen, and the failure to use the achievements of pedagogics in practice prevented schools from development. However, this bad experience had an impact on development of educational institutions in the region later.

Keywords: the Tobolsk North, Ugra, Latin grammar schools, Russian (Slavic-and-Russian) schools, the Russian Orthodox Church, parish clergy

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Tsys V. V. Development of school education in Ugra in 1760–1800. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):6–12. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-1.

ВВЕДЕНИЕ

Школьное образование на территории Югры проделало долгий путь, насчитывающий более двух с половиной веков. Несомненный интерес представляет обращение к его истокам, к первым пока еще робким попыткам создать образовательные учреждения, в которых усилиями Русской православной церкви стремились посеять семена «разумного, доброго, вечного» в душах молодых северян.

До настоящего времени тема затрагивалась преимущественно в статьях дореволюционных исследователей [1, 2], а также в современных трудах обобщающего характера, но лишь в виде краткого описания [3, с. 242]. Как правило, историю становления школьного образования в крае начинают с открытия в 1818 г. Березовского уездного училища, поэтому предыстория события выпадает из сферы научных интересов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проведено на основе анализа опубликованных источников, научной литературы с привлечением архивных материалов фондов канцелярии Синода Российского государственного исторического архива [4, 5] и Тобольской духовной консистории Государственного архива в г. Тобольске [6].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Большое внимание духовному образованию стало уделяться со времен Петра I. Великий реформатор 9 января 1701 г. издал указ, которым повелевал архиереям заводить училища «для поповских, диаконских и церковниковых детей – робятков учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгами и катехизису православной веры». В указе 1708 г. говорилось: «Поповым и дьяконовым детям учиться в школах греческих и латинских; а которые в тех школах учиться не похотят, и их в попы и во дьяконы на отцовы места никуда не посвящать, и в подьячие и в иные ни в какие чины, кроме служилого чина, принимать не велено. И о том во все приказы послать памяти» [Цит. по: 7, с. 18].

В написанном Феофаном Прокоповичем и утвержденном в 1721 г. «Духовном регла-

менте» было определено открывать школы во всех епархиях. Их следовало содержать как за счет архиерейских сумм, так и различных сборов: 30-й доли хлебного дохода с церквей и 20-й с монастырей. Для привлечения детей в школу высшее духовное начальство стало требовать, чтобы на церковные должности назначались только обучившиеся в школе.

На Тобольском Севере исполнение данных указов связано с деятельностью митрополита Павла (Конюскевича) (1758–1768). Его, как выпускника Киевской академии, по прибытию в Сибирь поразил низкий уровень образованности местного духовенства. Он решил устранить этот недостаток с помощью организации системы начального образования, предназначенной для детей священно- и церковнослужителей.

22 декабря 1760 г. и 9 января 1761 г. преосвященный Павел приказал учредить во всех приказах (благочиниях) Тобольской и Сибирской епархии славяно-русские и латинские школы. Славяно-русские школы, дававшие лишь начальные знания (изучались такие предметы, как русское и славянское чтение, письмо, нотное пение, катехизис), предназначались для детей 5–10 лет. Это была первая ступень для последующего обучения в латинских школах. В последних должны были состоять дети 10–15 лет. Они учились читать и писать по-латински, изучали грамматику, этимологию и синтаксис [8, с. 31–32]. В качестве учебника использовалась латинская грамматика португальского иезуита Эмануила Альвара (1526–1582), называвшаяся в обиходе «Великий Альвар» (в трех томах).

Указ о создании латинской школы в селе Самарово был получен 25 февраля 1761 г. Открытие школы состоялось, предположительно, в марте. Учителем был определен священник самаровской Покровской церкви Петр Протопопов. Школа помещалась в домах местных обывателей за плату в размере 50 коп. в месяц. Обучаться в ней должны были дети священно- и церковнослужителей Самаровского, Березовского, Сургутского и Демьянского приказов [2, с. 474]. Однако первое время необходимых учебных пособий в школе не имелось, а запрос на их присылку из Тобольской духовной семинарии не был

удовлетворен [8, с. 5]. Впоследствии для обеспечения учебного процесса в Самарово выслали пять «Великих Альваров» [9, с. 63].

Сын пономаря Болчаровского прихода Самаровского заказа Василий Караульчиков для взятия в Тобольскую духовную семинарию к смотру 15 июня 1759 г. (ему в это время исполнилось 14 лет) выслан был «и при рассмотрении в ту семинарию был взят в коей находился в школе фаре до 3 числа февраля 1761 года: в школьной ведомости учителем Васильем Копыловым показыван понятным; а того 3 числа отправлен с прочими нижних школ учениками в учрежденную в Самарове латинскую школу при писмянном виде», чему там обучался за неприбытием ведомости – неизвестно. Сам же В. Караульчиков показал, что при отсылке его в Самаровскую латинскую школу «в той школе не точию он Василий Караульчиков не обучался, но и все того заказа также и сургуцкого священно и церковнослужителей дети не обучались и поныне не обучаются... И за неимением школе как учитель [подписано сверху над строкой «священник Петр Обский»] так и закащик протопоп Иосиф Нагибин отпустили ево Василия Караульчикова со словесным приказанием в дом отца ево пономаря Федота Караульчикова... где и поныне находится» [6, л. 4–4 об.].

Из документа видно, что, хотя Самаровская латинская школа должна была отчасти стать подготовительной ступенью или даже альтернативой для Тобольской духовной семинарии, уровень обучения в ней стоял ниже всякой критики. Низкая эффективность работы латинских школ способствовали их закрытию. 18 июня 1767 г. митрополиту Павлу духовной консисторией было представлено определение следующего содержания: «1) в заказах латинские школы оставить... 2) Вместо тех латинских школ русские школы в каждом заказе учредить на содержании священно- и церковнослужителей и велеть закащикам у всех священно- и церковнослужителей детей от 5 до 10 лет взять в те школы», а также создать русскую школу при архиерейском доме [Цит. по: 2, с. 476–477]. В донесении Св. Синоду Варлаам сообщал, что от тех заказных латинских школ, не-

смотря на то, что они существуют уже 9 лет, невидно никакой пользы [2, с. 478].

По определению преосвященного Варлаама, указами духовной консистории от 30 марта, 21 октября, 14 ноября 1779 г. предписывалось учредить славяно-русские школы для детей от 7 лет и старше при монастырях и в заказах [2, с. 482]. В них необходимо было изучать азбуку, часослов, псалтирь, нотное пение, катехизис, первую часть арифметики. Школы содержались, как и ранее, за счет местного духовенства.

Вскоре в соответствии с данным указом были организованы школы в Березове и при Кондинском монастыре. На отопление и освещение, покупку бумаги и чернил производился денежный сбор со священно- и церковнослужителей, который поручался выборному из своей среды «надежному человеку».

В 1783 г. в связи с передачей части приходов Кондинского заказа в Березовский, от местного духовного правления последовала просьба к преосвященному Варлааму перевести детей духовенства данных приходов в березовскую школу. Кроме того, в прошении отмечалось, что в Кондинском монастыре нет учителей, искусных в нотном пении и письме, а духовенство, приезжая в город по служебным делам, могло бы доставлять детям все необходимое для их содержания [2, с. 489]. Варлаам не только удовлетворил данную просьбу, но решил вообще закрыть школу при Кондинском монастыре. Однако надежды на повышение в связи с этим качества обучения не оправдались. В мае 1791 г. правление доносило в консисторию, что «так как в березовском заказе не было священно-церковнослужителей, умеющих исправно читать, петь по ноте, писать и знающих первую часть арифметики, то и учителя в школе порядочного нет» [Цит. по: 2, с. 489].

Обязанности педагога исполнял дьячок (затем – дьякон) Воскресенской церкви Василий Скосырев. Он приходил в школу редко, раз в 3–4 дня. Ученики, будучи без всякого надзора, шалили, портили школьное имущество, сломали печку и оконные рамы. В августе 1791 г. товарищ заказчика отремонтировал школу, но ученики вновь сломали печку,

а рамы сожгли. Предписания духовного правления, обращенные к В. Скосыреву, оставались им без внимания, «совсем от учения слушанием своим и по упрямству отозвался, да и приказа не принял» [Цит. по: 2, с. 489]. По просьбе правления пришлось вмешаться преосвященному Варлааму, который 16 апреля 1792 г. велел В. Скосыреву заняться обучением детей. Присматривать за работой школы поручили священнику Федору Булатникову. Несмотря на то, что занятия возобновились в июне того же года, успехи учеников оказались очень скромными. В марте 1801 г. архиепископ Варлаам написал следующее: «В гор. Березове русская школа состоит в несоответственной исправности: ибо многие дети распущены по домам и в обучении малый успех показывают» [Цит. по: 2, с. 490]. Преосвященный принял решение восстановить школу при Кондинском монастыре, куда перевести детей священно- и церковнослужителей от 7 лет и старше. Игуменом Ювеналием учителем определен проживавший при монастыре отставной унтер-офицер Стефан Горюшин. Однако уже в сентябре 1801 г. преосвященный разрешил вновь учредить школу в Березове, велел заказчику протоиерею Тимофею Родюкову «рачительное непременно иметь смотрение как за учителем, так и за учениками» [Цит. по: 2, с. 490–491]. Учителем стал все тот же В. Скосырев, а его помощником – соборный дьячок Яков Кокоулин. Уже в апреле 1802 г. В. Скосырева уволили, а вместо него учителем назначен Я. Кокоулин, его помощником – соборный пономарь Назарий Вологодский. Оба педагога были мало способны к обучению и 30 апреля 1802 г. духовенство г. Березова с общего согласия выбрало учителем дьячка Воскресенской церкви Василия Бешкильцева. 5 июня 1802 г. преосвященный утвердил это постановление.

В Березовской русской (славяно-русской) школе в 1810 г. обучалось 11 учеников. Кроме того, с 1786 г., по мнению В. Ю. Софонова, действовала какое-то время русская школа в Сургуте, а ее учителем являлся дьячок соборной церкви Евстафий Кондаков [9, с. 70]. Н. А. Миненко отмечала, что школа в Сургу-

те была создана в 1779 г. в одно время с Березовской и Кондинской [10, с. 121].

Некоторые из детей духовенства обучались также в Тобольской духовной семинарии. Так, согласно ведомости за 1800 г., в первом (инфимическом) классе с 5 сентября 1800 г. состоял ученик Варлаам Попов (12 лет), Сургутского заказа Юганского села священника сын. В его характеристике отмечено: «Понятен. Успевае нехудо, благонравен. На своем содержании» [4, л. 93 об.]. В третьем (синтаксическом) классе состояли с 1797 г. Иван Кожевников (16 лет), соборный певчий, «Кондинского монастыря умершего дьячка сын... Обучен грамматике и латинскому синтаксису. Обучается переводам с русского на латинский и обратно. На своем содержании. По нерадению безуспешен, скромн»; с 29 января 1795 г. – Иван Пономарев (14 лет), Березовского заказа Троицкого села дьяческий сын, который «обучен грамматике и латинскому синтаксису. Обучается переводам с русского на латинский и обратно. На своем содержании. Понятия слабого, безуспешен, благонравен» [4, л. 88 об.].

О методах обучения в первом (инфимическом) классе семинарии сохранилось следующее свидетельство: «Во все учебные дни по полуночи с начала второй четверти восьмого часа на конец десятого, по полудни же в понедельник, среду и пяток с первой четверти второго по конец четвертого часа, по Грамматике Лебедевой [речь идет об одном из изданий В. И. Лебедева: «Краткая грамматика латинская, в пользу учащагося латинскому языку российскаго юношества, прежде сего переведенная и исправленная Академии наук переводчиком Васильем Лебедевым» – В. Ц.] обучались ученики читать, писать и из Латинского словаря назначаемы были к выучиванию слова» [4, л. 105].

В 1803 г. вместо славяно-русских школ решением Св. Синода от 18 марта были учреждены новые русские духовные школы. 19 июня 1803 г. Тобольская духовная консистория предписала монастырям епархии, в том числе и Кондинскому, завести такие школы на основе «начертания», присланного из Св. Синода. Дети в этих школах должны были содержаться за счет родителей, но так-

же предписывалось оказывать помощь сиротам и бедным, «сколько достаток и усердие настоятеля с братиею тому споспешествовать будут» [Цит. по: 1, с. 524]. Учителей следовало назначать из числа монахов или же по найму со стороны. Преосвященный Антоний (Знаменский) (1803–1806) распорядился представить детей духовенства березовского и сургутского края в возрасте от 8 до 18 лет в Кондинскую русскую духовную школу к 1 сентября 1803 г. Однако за дальностью расстояния лишь к 20 числам ноября сюда прибыло 4 ученика, а обучение началось в конце месяца [1, с. 535]. В 1806 г. в русской школе при Кондинском монастыре состояло 6 учеников, занимавших одну комнату [5, л. 2].

Всего же по данным на 1806 г. из сыновей духовенства Тобольского Севера соответствующего возраста 34 состояли «при отцах», 2 – не учились «по увечью и болезни», в семинарии состояли 10, готовились к отправке в семинарию – 11, еще 4 – обучались в русских училищах [Подсчитано по: 5, л. 3–10]. Из обучавшихся в семинарии по двое представляли Самаровский и Сухоруковский приходы, по одному – Сургутский Богородице-Рождественский (упраздненный), Нахрачинский, Леушинский, Мало-Атлымский, Чемашевский, Ваховский приходы. В русских училищах состояли двое из Сосвинского, по одному – из Чемашевского и Шоркальского приходов. Таким образом, даже из детей духовенства мужского пола, по определению предназначенных для замещения священно- и церковнослужительских должностей, получали образование в учебных заведениях лишь 23 % человек (14 из 61). О других же сословиях говорить вряд ли приходится. При архиепископе Амвросии (Келембете) (1806–1822) школы постепенно ликвидировались.

В целом же следует признать попытки создания школьного образования не очень удачными. Можно выделить следующие проблемы, которые мешали его развитию.

1. Нехватка образованных, просто грамотных людей, имевших возможность и желание заниматься педагогической деятельностью. В 1791 г. и 1802 г. Березовское правление доносило консистории, что в среде священно-

и церковнослужителей «способных к учительской должности не имеется... так как в заказе не было умеющих исправно читать, петь по ноте и знающих первую часть арифметики, то и учителя порядочного нет» [Цит. по: 5, с. 7]. Профессия учителя была трудной, малооплачиваемой, сопряженной с выполнением множества различных обязанностей, она не воспринималась в качестве оптимального выбора жизненного пути. Поэтому учителя часто менялись, стараясь перейти на более спокойную канцелярскую чиновничью работу.

2. Недостаток учебной литературы, книг в целом.

3. Бедность сибирского духовенства. Немногочисленность паствы создавала материальные затруднения у причта. Содержать же начальные школы предполагалось, прежде всего, за счет самого духовенства и прихода. Не обладали значительными средствами и епархиальные власти. Поэтому учителя и ученики вынуждены были терпеть большую нужду. Даже на одну тобольскую школу, открытую стараниями святителя Феодора (Филофея Лещинского), деньги набирались с немалым трудом, что уж говорить про обычную сельскую школу, обладавшую несравненно меньшими возможностями.

4. Разбросанность приходов на огромной территории, в связи с чем духовенству приходилось тратить основное время на разъезды для окормления верующих, исполнения религиозных обрядов. Не было времени для самообразования, в том числе и передачи знаний собственным детям.

5. Недостатки системы образования, низкий уровень педагогической науки, точнее говоря, неиспользование ее новейших достижений в практической деятельности. Отношения между учителями и учениками строились исключительно на официальных началах. Поступая в школу, ребенок автоматически включался в государственную систему, в своего рода бюрократическую иерархию в качестве ее низшего служителя. Добросердечных отношений между учителем и учеником из таких принципов редко можно было достичь. Ученик смотрел на наставника как солдат на строгого командира. Широко применялись различные телесные наказания –

сечение лозой, плетью и батогами, стояние на коленях, таскание за уши и т. п. Методика обучения также была далека от совершенства. По словам А. И. Сулоцкого, «ученье их шло при приемах тяжелых: учили их... по книгам, непонятным для них, без всякого толкования, объяснения, словом сказать, учили механически – только механизму чтения и пения» [11, с. 441]. Хотя эти слова известного историка православия относятся к Тобольской архиерейской школе, вряд ли на Севере Западной Сибири ситуация могла существенно отличаться в лучшую сторону.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в течение рассматриваемого периода предпринимаются попытки создания на Севере Западной Сибири систе-

мы начального школьного образования, предназначенного для детей духовенства. Методом проб и ошибок велся поиск оптимальных организационных форм, в рамках которых можно было бы наладить подготовку кадров священнослужителей. По ряду причин эти попытки не увенчались успехом. Лишь с конца 1810-х гг., с проведением образовательной реформы Александра I, учреждения Березовского уездного училища школы стали функционировать на более стабильной, регулярной основе. Но понадобилось еще более чем полвека, чтобы развитию образовательных учреждений был передан дополнительный импульс, в результате чего система начальных школ густой сетью покрыла далекую сибирскую окраину [Подробнее см.: 12].

Список источников

1. Ксенофонов И. Об учреждении русских духовных училищ при архиепископе Антонии (Знаменском) // Тобольские епархиальные ведомости. 1885. № 23–24. Отдел неофиц. С. 521–543.
2. О заказных латинских и славяно-русских школах в Тобольской епархии, с 1759–1818 гг. // Тобольские епархиальные ведомости. 1885. № 21–22. Отдел неофиц. С. 471–497.
3. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург : Волот, 2000. 408 с.
4. Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» (РГИА). Ф. 796. Оп. 81. Д. 1064.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846.
6. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-156. Оп. 2. Д. 703.
7. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань : тип. Имп. ун-та, 1881. [4], 807 с.
8. Побединский М. Старинные Томские духовные школы. (1746–1820 гг.). Томск : паровая типолит. П. И. Макушина, 1896. [2], 89 с.
9. Софонов В. Ю. Духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.). Тобольск : Минитипография Тобольского гос. пед. ин-та им. Д. И. Менделеева, 2005. Ч. 3. 151 с.
10. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1975. 308 с.
11. Сулоцкий А. И. Сочинения в трех томах. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1: О церковных древностях Сибири. 496 с.

References

1. Ksenofontov I. Ob uchrezhdenii russkikh dukhovnykh uchilishch pri arkhiepiskope Antonii (Znamenskom). *Tobolskie eparkhialnye vedomosti*. 1885;(23–24):521–543. (In Russian). (In Russian).
2. O zakaznykh latinskikh i slaviano-russkikh shkolakh v Tobolskoi eparkhii, s 1759–1818 gg. *Tobolskie eparkhialnye vedomosti*. 1885;(21–22):471–497. (In Russian).
3. Redin D. A., Patrikeev N. B., editors. *Ocherki istorii Iugry*. Yekaterinburg: Volot; 2000. 408 p. (In Russian).
4. Federalnoe kazennoe uchrezhdenie “Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv” (RGIA). F. 796. Op. 81. D. 1064. (In Russian).
5. RGIA. F. 796. Op. 87. D. 846. (In Russian).
6. Gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv v. g. Tobolske” (GBUTO GA v g. Tobolske). F. I-156. Op. 2. D. 703. (In Russian).
7. Znamenskii P. V. *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda*. Kazan: Tipografiia Imperatorskogo Universiteta; 1881. 807 p. (In Russian).
8. Pobedinskii M. *Starinnye Tomskie dukhovnye shkoly*. (1746–1820 gg.). Tomsk: Parovaia Tipolitografiia P. I. Makushina; 1896. 89 p. (In Russian).
9. Sofonov V. Iu. *Dukhovno-prosvetitel'skaia deiatel'nost Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v Zapadnoi Sibiri (konets XVII – nachalo XX vv.)*. Tobolsk: Minitipografiia Tobolskogo gos. ped. in-ta im. D. I. Mendeleeva; 2005. Part 3. 151 p. (In Russian).
10. Minenko N. A. *Severo-Zapadnaia Sibir v XVIII – pervoi polovine XIX v.: Istoriko-etnograficheskii ocherk*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdelenie; 1975. 308 p. (In Russian).
11. Sulotskii A. I. *Sochineniia v trekh tomakh*. Tyumen: Izd-vo Iu. Mandriki; 2000. Vol. 1: O tserkovnykh drevnostiakh Sibiri. 496 p. (In Russian).

12. Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск : изд-во НГГУ, 2011. 305 с.

12. Tsys V. V., Tsys O. P. Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State Humanitarian University; 2011. 305 p. (In Russian).

Информация об авторе

В. В. Цысь – доктор исторических наук, доцент, Заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Information about the author

Valery V. Tsys – Doctor of Sciences (History), Docent, Honored Scientist of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra.

Научная статья
УДК 377.3(091)(571.12)
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-2

ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАЧЬЕЙ ШКОЛЫ В СУРГУТСКОЕ МУЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1835–1920 ГГ.)

Ольга Анатольевна Задорожня

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
zadorozhniaya.olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1305-9728>

Аннотация. Актуальность статьи состоит в том, что в научной литературе проблема появления учебных заведений на Обском Севере XIX – начала XX веков рассматривается в общем контексте истории образования. Но вопросы, связанные с деятельностью Сургутского мужского училища, организованного на базе казачьей школы, представляют большой интерес, так как позволяют выделить инициаторов, участников и наблюдателей. В статье затрагиваются темы, связанные не только с системой образования и воспитания, но и с отношением городского общества одного из важных населенных пунктов севера Тобольской губернии к учебным заведениям для мальчиков, указывается на осознание разными слоями общества необходимости увеличения численности грамотных людей для развития края как в имперский период, так и в советский.

Ключевые слова: училище, Обский Север, учащиеся, казачья школа, учитель, учебное заведение, обучение, мужское училище

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Задорожня О. А. Эволюция казачьей школы в Сургутское мужское училище в Тобольской губернии (1835–1920 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 13–18. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-2.

Original article

COSSACK SCHOOL EVOLUTION INTO SURGUT MEN-ONLY SPECIALIZED SCHOOL IN TOBOLSK PROVINCE (1835–1920)

Olga A. Zadorozhnyaya

Surgut State University, Surgut, Russia
zadorozhniaya.olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1305-9728>

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that in the scientific literature the issue of establishing educational institutions in the Ob North in the 19th and beginning of the 20th centuries is considered in the overall context of the history of education. But the issues of organization and functioning of Surgut men-only specialized school at the premises of a Cossack school are of the utmost interest as far as they allow us to identify the initiators, participants and observers. The article touches not only upon the issues of education and upbringing but also upon the attitude of the township of one of the most important settlements in the north of the Tobolsk province to the educational institutions for boys only. It is highlighted in the article that different layers of the society were aware of the need for increasing the number of literate people for the region development purposes both in the imperial and Soviet periods.

Keywords: specialized school, the Ob North, students, Cossack school, teacher, educational institution, training, men-only specialized school

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Zadorozhnyaya O. A. Cossack school evolution into Surgut men-only specialized school in Tobolsk province (1835–1920). *Severnoy region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):13–18. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-2.

ВВЕДЕНИЕ

В пореформенный период наблюдалось стремительное развитие не только отраслей экономики, но и системы образования и просвещения. В регионах появилась потребность в квалифицированных специалистах, способных работать в социально-экономических условиях пореформенного периода, и даже наличие ссыльных и переселенцев не решало эту проблему. Сургут, как северный город Тобольской губернии, переживал тогда непростые времена, но появление парового флота и оформление речных маршрутов давало надежду на возрождение населенного пункта. Появление новых и развитие традиционных промыслов на Обском Севере также приводило к потребности в новых кадрах, т. к. наблюдалось проникновение товарно-денежных отношений во все отрасли производства. Становление рыбоперерабатывающей отрасли, с одной стороны, позволило местному и русскоязычному населению продолжать заниматься рыбным промыслом, а с другой стороны, из-за увеличения объемов вылова рыбы требовало ее промышленной переработки. В этом населенном пункте Обского Севера численность населения увеличивалась незначительно, что определяло специфику при появлении учебных заведений разного уровня подчинения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При подготовке статьи использовались источники из государственных архивов Томска, Тобольска и Сургута, что позволило исследовать частично не опубликованные данные. Основным стал метод моделирования отдельного объекта системы образования в Тобольской губернии. Этот подход позволяет «реконструировать» объект исследования на разных этапах его развития, например, образование на базе казачьей школы учебного заведения для мальчиков с учетом контингента, учебного плана, кадрового состава и т. д.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 1835 г. в Сургуте по инициативе местного священника А. Я. Кайдалова появилась школа для детей служилых людей. В основном учебное заведение финансировалось из То-

больского городского полка на сумму около 60 руб. в год. Помимо этого, на школу выделялось до 200 руб. ассигнациями, из которых на жалованье учителю тратилось 120 руб., а остальные средства шли на хозяйственные нужды и канцелярские принадлежности. Обязанности учителя казачьей школы долгое время выполнял священник А. Я. Кайдалов. Из Тобольского городского полка присылали писарей, которые проводили в школе практические занятия, обучали грамоте, письму и счету. В качестве помощников учителя привлекались, как правило, грамотные военнослужащие. Например, казаки Тарасов, Шароглазов, сотник Бармин, которых после трехмесячной командировки вернули по месту основной службы в Тобольск. Для Сургута это было удобно, т. к. командированным на должности помощников не надо было платить жалованье, и присланная сумма из полка тратилась только на потребности школы и жалованье учителя. Но постоянная смена наставников в школе отрицательно отражалась на успеваемости учеников и их отношении к учебному процессу. По распоряжению смотрителя Березовского уездного училища В. Боголепова учитель ежемесячно должен был составлять «ведомости об усердии и поведении» учеников, которые после утверждения доставлялись в Тобольский городской полк. Благодаря жалобам смотрителя и «плохим отметкам» учеников в Сургутскую казачью школу по рекомендации директора училищ Е. Кочурина был отправлен на постоянную работу из Тобольской гимназии второй учитель, которым был гимназист Д. Бигаев. Так в штате учебного заведения появилось два учителя: один обучал чтению, письму, арифметике и грамматике, а второй – преподавал Закон Божий и следил за поведением учеников. Педагоги в школе вынуждены были сами заниматься всем делопроизводством: теперь желающий учиться приходил с родителями и подавал прошение на имя командира Тобольского городского полка. Эта система обеспечивала как школу учениками, так и полк рядовыми, которыми становились учащиеся Сургутской казачьей школы после достижения ими 16 лет.

Учебное заведение не имело своего помещения, пока отставной хорунжий А. Туполев не передал для этой цели собственное здание. Деревянный дом требовал серьезного ремонта, на который была потрачена часть средств, поступившая из Тобольского полка, и небольшая сумма, собранная среди горожан.

Только в 1842 г. учебное заведение приобрело статус училища, но это не могло значительно расширить численность учащихся. В 1840 г. здесь учился 51 мальчик, из них 7 человек являлись детьми штаб- и обер-офицеров, 30 – казаков, 9 – мещан, 3 – крестьян, по одному – из духовенства и инородцев. Через десять лет в учебном заведении училось более 70 человек, из них 34 были из казаков, 11 – из мещан, 4 – из обер-офицеров и по одному из чиновников и духовенства. Ученики после окончания учебного заведения, как правило, следовали сословной традиции: казачьи дети поступали на военную службу, крестьянские и мещанские сыновья занимались торговлей и ремеслом, дети инородцев – охотой и рыбной ловлей [1, с. 81–84; 9].

В связи с изменением статуса казачьей школы учащиеся могли переходить в следующий класс только в соответствии с показателями успеваемости. Помимо этого, по окончании училища сдавался экзамен специальной комиссии по изученным предметам. В состав комиссии включались представители местной исполнительной власти, военные чины Тобольского полка, священнослужители, представители городского общества и родителей. Как правило, возглавлял комиссию смотритель Березовского уездного училища и он же подписывал свидетельства об окончании обучения. Смотрители Березовского уездного училища оказали большое влияние как на формирование системы образования, так и на распространение просвещения среди местного населения. Так, при смотрителе В. Боголепове появилась практика не только оформлять отчетные документы об образовании, но и анализировать процесс обучения, указывая недостатки и причины неудач. Н. А. Абрамов неоднократно посещал общественные мероприятия с участием

учащихся и наблюдал за процессом обучения. В 1845 г. по поводу «исправляющего должность учителя Алексея Туполева» Абрамов написал: «При похвальном поведении показывает усердие к рачительной службе, но по недавнему вступлению в должность учительскую, еще не совсем опытен в обучении, а потому и поставлено ему в обязанность усовершенствоваться в лучшем способе преподавания» [2]. Оказывается, на тот момент финансирование задерживалось и учителя работали без жалованья месяцами, а городское общество нашло средства только на оплату труда сторожа. Такая ситуация заставляла учителей заниматься частными уроками и оформлением деловых бумаг в местной канцелярии за дополнительную плату. Смотрители Березовского училища, представители местных властей неоднократно обращались к городскому обществу с просьбой о пожертвованиях в пользу учебного заведения. Собираемые суммы в основном тратились на ремонт заведения, хозяйственные нужды, приобретение письменных принадлежностей для малообеспеченных учеников, но были незначительными. При школе действовала бесплатная библиотека, которая пополнялась из фондов Березовского уездного училища, а также благодаря пожертвованиям жителей Тобольской губернии. Только после передачи учебного заведения в подчинение Министерству народного просвещения ситуация с содержанием несколько улучшилась. В начале XX в. в фондах Сургутского мужского училища было 1 353 книги, в основном купленные на средства благотворителей.

В 1877 г. учебное заведение получило статус Сургутского мужского училища, но по-прежнему занимало бывший дом Туполева. Этот одноэтажный деревянный дом располагался на большом пустыре. По данным источников, с западной стороны училища длиной в 30 сажень располагалась церковь, с восточной стороны – здание бывшей казачьей казармы. Вокруг училища было большое свободное пространство, что позволяло в летний период учащимся играть на улице. В здании учебного заведения находились классное помещение, помещение для отдыха

и игр, прихожая и гардеробная комната. В классной комнате сложно было одновременно разместить более 40 учеников, т. е. на одного человека приходилось около 0,2 куб. сажени. В этом помещении располагались письменные столы с 12 классными скамьями без спинок, поэтому школьники сидели в полусогнутом положении. Для расширения пространства соседняя комната отдыха была всегда открыта, часть учеников нередко размещалась там при выполнении практических заданий или чтении. Как отмечали современники, в помещении была плохая вентиляция, поэтому чувствовался спертый воздух, хотя при ремонте помещения были устроены в стене около потолка два вентиляционных отверстия. Здание училища располагало 13 небольшими окнами со стеклами местного производства с двойными рамами. Уборка помещений проводилась нерегулярно из-за отсутствия средств. Хотя в доме было две печи, зимой одна печь топилась только по вечерам, а во второй огонь поддерживался весь учебный день. Но так как здание было старым и располагалось в удалении от строений, ветер обдувал его со всех сторон. Здание училища за период эксплуатации пришло в негодность, поэтому температура помещений понижалась до +10 °С.

Хотя Сургутское училище нуждалось в новом помещении, Министерство народного просвещения смогло выделить средства только на ремонт и расширение учебных площадей, устройство ограды. Лишь в 1905–1906 гг. приходское училище перевели в новое здание, что позволило через три года преобразовать приходское училище в 2-классное по причине малочисленности учеников, хотя общественность настаивала на 3-классном варианте [3, л. 236 об., л. 246; 4, с. 74]. Помимо учебных аудиторий в новом здании обстроили две квартиры для учителей, а во дворе – амбар с погребом.

К этому времени сложился график учебного процесса: летом уроки начинались с 9 часов утра и продолжались до 14 часов, а зимой – с 10 часов утра до 20 часов вечера. Последний факт был связан с отсутствием большого числа работ в домашних хозяйствах учеников. Помимо обычных уроков в мужском

училище два раза в неделю стали проводиться уроки гимнастики, урок пения – раз в неделю. Родители охотно отдавали детей учиться, но не из-за серьезного отношения к образованию. В училище учителя и их помощники присматривали за детьми, которые были постоянно заняты и не безобразничали. Еще одним важным аргументом для родителей стала возможность бесплатного обучения, поэтому в зимний период в школу ходили большинство из записанных учеников, а в летний период из-за участия детей в промысловой деятельности численность сокращалась. Но даже такое отношение к обучению положительно отразилось на показателях: на 1897 г. в Сургуте уровень грамотности среди мужского населения составлял более 63 %, в то время как в Березове – 54,37 %, в Тобольске – 52,31 %.

Многие учителя выполняли добросовестно свои обязанности несмотря на сложное материальное положение. Так, более четырех лет учителем в Сургутском училище проработал Г. А. Иванов, выпускник Омской учительской семинарии М. Григорьев, законоучителями были выпускники Тобольской духовной семинарии С. Тверетин, А. И. Сивиллов и др. [5, л. 5; 6, с. 169; 7, с. 193; 8, с. 178]. Учителя, как представители местной интеллигенции, занимались просветительской деятельностью: проводили разъяснительные беседы о необходимости продолжения обучения учениками, важности чтения книг, соблюдении правил личной гигиены и т. д. Важное значение имела пропагандистская работа по расширению учебной программы в Сургутском мужском училище за счет введения обучения владения каким-либо ремеслом. К этой деятельности в начале XX в. присоединились представители общест-венности Сургута, например, Г. С. Клепиков. С 1895 г. торгующий мещанин выполнял обязанности почетного блюстителя Сургутского приходского училища, на счет которого ежегодно вносил по 50 руб., а 30 руб. передавал на нужды малообеспеченных учеников. За свою активную общественную деятельность и поддержку учебных заведений Клепиков в 1910 г. был награжден золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте, в 1915 г. ему было пожаловано звание лич-

ного почетного гражданина города Сургута [6, с. 169–170].

Большую роль в распространении грамотности и привлечении горожан к обучению оказало появление различных общественных организаций, например, «Общество народной трезвости». Именно руководитель этой организации уездный исправник Сургутского уезда Г. А. Пирожников стал инициатором создания общественной библиотеки в Народном доме. По данным исправника, библиотеку при чайной-столовой посетило 14 500 человек, в том числе инородцев – 4 366. Сургутский купец К. В. Силин предложил открыть новые учебные заведения и готов был выделить для их размещения два собственных дома.

Но не видя практической пользы от образования, жители Сургута, как отмечалось выше, позволяли мальчикам учиться только в холодные сезоны. В отношении девочек считалось, что образование скорее испортит «нрав будущих жен». Отрицательное влияние оказывали порой сами учителя учебных заведений. Например, в 1905 г. директор народных училищ Тобольской губернии отмечал, что учителя Сургута нарушали общественный порядок и показывали примеры недостойного поведения ученикам и горожанам [10, с. 112]. Только летом 1917 г. «Сибирский листок» сообщил об открытии в Сургуте высшего начального училища, в котором уже через три года училось 76 мальчиков и 37 девочек [10, с. 9]. Также для инородческого населения при поддержке Тобольского епархиального комитета было создано несколько миссий, которые проводили большую работу. Например, при Сургутской миссии работала школа, в которой ежегодно училось до 12 детей инородцев образовательным предметам, получали навыки ремесла, земледелия и домоводства, а при Ларьякском училище Сургутского уезда при школе была открыта кузница для учащихся [3, л. 245–249 об.].

После создания нового государства с 1918 г. на Обском Севере действовало 16 учебных заведений разного типа [10, с. 10]. Безусловно, события политического кризиса, Гражданская война отрицательно сказались на численности обучающихся, но учебные заведения пытались работать. Новшеством для Сургута стало открытие в 1920 г. музыкальной школы в купеческом доме для 43 детей из разных социальных групп [11, л. 14]. Инструктор инородческих школ Обского Севера Ф. Ф. Ларионов в отчете 1921 г. писал: «Все школы [Сургутского уезда] испытывают острую нужду в письменных принадлежностях и учебниках, что создает такие условия работы, при которых трудно говорить о правильной постановке дела» [12, л. 25–27]. На 1925 г. в Сургутском округе действовало пять школ первой ступени, которые отвечали концепции создания единой трудовой школы для получения знаний и применения в практической деятельности [13, л. 52; 11, л.15; 14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление в Сургуте учебных заведений было связано с осознанием местной интеллигенцией важности образования для развития края. Однако эти взгляды не разделяло местное и русскоязычное население Обского Севера, т. к. практические навыки считались приоритетнее для жизни, чем изучение физики, химии или литературы. Второй проблемой для развития образования были материально-технические возможности Обского Севера, в котором развивались в основном традиционные промыслы, не приносящие больших доходов. Организация учебных заведений на Обском Севере скорее рассматривалась как метод проведения государственной политики. Но даже в этом случае появление учебных заведений давало возможность научиться чтению, письму, счету представителям всех сословий региона.

Список источников

1. Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв. : Хрестоматия. Тюмень : Вектор Бук, 2001. С. 81–84.
2. Белобородов В. Туполевы. URL: <https://остяковогульск.рф/2020/11/01/tupolevy> (дата обращения: 29.11.2023).

References

1. Shkola Tobolskoi gubernii v XVIII – nachale XX vv.: reading book. Tyumen: Vektor Buk; 2001. p. 81–84. (In Russian).
2. Beloborodov V. Tupolevy. URL: <https://ostyakovogulsk.rf/2020/11/01/tupolevy> (accessed: 29.11.2023). (In Russian).

- | | |
|--|---|
| <p>3. Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области» (ОГКУ ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2351.</p> <p>4. Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. : моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2011. 305 с.</p> <p>5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 483. Оп. 1. Д. 65.</p> <p>6. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размеры платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск : Паровая типография П. И. Макушина, 1897. 209 с.</p> <p>7. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размеры платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1900. 236 с.</p> <p>8. Тобольские Епархиальные ведомости. 1897. № 12.</p> <p>9. Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901. № 122, 123.</p> <p>10. Швецов С. П. Очерк Сургутского края. Б. м.; 1889. 87 с.</p> <p>11. Муниципальное казенное учреждение «Муниципальный архив города Сургута» (МКУ «Муниципальный архив города Сургута»). Ф. 169. Оп. 4. Д. 10.</p> <p>12. Клячкин В. Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным) // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень : Мандр и Ка, 2004. С. 94–120.</p> <p>13. Научный архив Муниципального бюджетного учреждения культуры «Сургутский краеведческий музей». Д. 28.5.</p> <p>14. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 1. Оп. 4. Д. 10.</p> | <p>3. Oblastnoe gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie “Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti” (OGKU GATO). F. 126. Op. 2. D. 2351. (In Russian).</p> <p>4. Tsys V. V., Tsys O. P. Obrazovanie i prosveshchenie na severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. Monograph. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State Humanitarian University; 2011. 305 p. (In Russian).</p> <p>5. Gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobolske” (GBUTO GA v g. Tobolske). F. 483. Op. 1. D. 65. (In Russian).</p> <p>6. Pamiatnaia knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zakliuchaiushchaia v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiia, istochnikov sodержaniia, razmery platy za uchene, chisla uchashchikhsia i lichnogo sostava sluzhashchikh. Tomsk: Parovaya tipografiya P. I. Makushina; 1897. 209 p. (In Russian).</p> <p>7. Pamiatnaia knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zakliuchaiushchaia v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiia, istochnikov sodержaniia, razmery platy za uchene, chisla uchashchikhsia i lichnogo sostava sluzhashchikh. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina; 1900. 236 p. (In Russian).</p> <p>8. Tobolskie Eparkhialnye vedomosti. 1897. No. 12. (In Russian).</p> <p>9. Kireev P. Shkoly v Surgute. <i>Sibirskaiia torgovaia gazeta</i>. 1901. No. 122, 123. (In Russian).</p> <p>10. Shvetsov S. P. Ocherk Surgutskogo kraia. N. p.; 1889. 87 p. (In Russian).</p> <p>11. Munitsipalnoe kazennoe uchrezhdenie “Munitsipalniy arkhiv goroda Surguta” (MKU «Munitsipalniy arkhiv goroda Surguta»). F. 169. Op. 4. D. 10. (In Russian).</p> <p>12. Kliachkin V. E. Sanitarnyi ocherk g. Surguta Tobolskoi gubernii (po statisticheskim dannym) // Podorozhnik: Kraevedcheskii almanakh. Tyumen: Mandr i K; 2004. p. 94–120. (In Russian).</p> <p>13. Nauchnyi arkhiv Munitsipalnogo biudzhethnogo uchrezhdeniia kultury “Surgutskii kraevedcheskii muzei”. D. 28.5. (In Russian).</p> <p>14. MKU “Munitsipalniy arkhiv goroda Surguta”. F. 1. Op. 4. D. 10. (In Russian).</p> |
|--|---|

Информация об авторе

О. А. Задорожная – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Olga A. Zadorozhnyaya – Candidate of Sciences (History), Docent.

Научная статья
УДК 37.014.521(091)(571.122):27-774
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-3

СОСЬВИНСКАЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА В ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ольга Петровна Цысь

Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия
tsyso@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6351-8259>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью системы образования на Севере Западной Сибири в дореволюционный период. История школьного образования в границах современного Ханты-Мансийского автономного округа еще только в становлении своей источниковой и научной базы.

Основой для исследования послужили документы текущей отчетности Сосьвинского прихода, которые содержат материал, позволяющий реконструировать этапы истории создания и деятельности одной из типичных приходских школ региона, рассказать о ее первых учителях и благотворителях. Вопросы становления образования рассмотрены в контексте истории православных приходов Березовского уезда. Процесс школьного строительства связан также с реализацией указа 1884 года о повсеместной организации церковно-приходских школ. Делается вывод о том, что у русского населения края (священников, купцов, мещан) существовала потребность в школьном образовании и распространении грамотности. Подчеркивается особая роль в материальном обеспечении сосьвинской школы представителей рода Бешкильцевых.

Ключевые слова: церковная школа, приход, Сосьвинская церковь, «инородцы»

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Цысь О. П. Сосьвинская церковно-приходская школа в истории просвещения на Обском Севере в конце XIX – начале XX вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 19–28. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-3.

Original article

SOSVINSKOYE PARISH SCHOOL IN THE HISTORY OF EDUCATION IN THE OB NORTH AT THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Olga P. Tsys

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
tsyso@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6351-8259>

Abstract. The relevance of the article is due to the insufficient study of the system of education in the North of West Siberia before the revolution. Scientific information sources on the history of school education in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug are in a formative stage.

Sosvinskoye parish accounting documents provided the basis for the research. The documents contain the information, which has allowed the author to restore the history of one of typical parish schools of the region and to narrate its first teachers and benefactors. The education development issues are considered in the frame of the history of Beryozovsky uyezd orthodox parish. Schools construction was dictated by the Executive Order of 1884 on organization of parish schools nationwide. A conclusion has been made that the Russian population of the region (priests, merchants and urban commoners) needed school education. It is highlighted in the article that the Beshkiltsev family played an important part in the material support of Sosvinskoye parish school.

Keywords: parish school, the parish, Sosvinskoye church, “non-Russians”

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Tsys O. P. Sosvinskoye parish school in the history of education in the Ob North at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):19–28. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-3.

ВВЕДЕНИЕ

XIX в. стал поворотным в организации системы образования в Российской империи. Благодаря предпринятым государством мерам, с 1880-х гг. активизировалась работа по распространению начального образования через церковно-приходские школы. Задача по их организации возлагалась на органы местного самоуправления, а также православное духовенство. По инициативе архиереев и при активном участии приходских священников, миссионеров, местных жителей в течение короткого времени удалось открыть ряд учебных заведений в северных уездах Тобольской губернии. Их общее число в границах современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в начале XX в. достигло 47. На примере одной из сельских школ можно проследить процесс становления и развития образовательной системы, выявить региональную специфику, а также трудности, которые при этом возникали, а также преодолеть ряд традиционных для отечественной историографии стереотипов, негативного отношения к школам ведомства православного исповедания предреволюционного периода.

Вопросам освещения истории сельских школ Югры до 1917 г. уделено внимание в ряде работ современных исследователей, часто в контексте христианизации народов Тобольского Севера [1; 2; 3; 4; 5]. Однако не становилась предметом профессионального изучения «типовая» сельская школа, находящаяся за пределами крупных для своего времени населенных пунктов, таких как Березов, Сургут, Самарово, Обдорск.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основной источниковой базой данного исследования стали архивные документы, сосредоточенные в Государственном архиве в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске) в фондах: Тобольской духовной консистории [6; 7; 8; 9; 10], Тобольского епархиального училищного совета [11; 12], Сосьвинской церкви [13]. Использовалась отчетная

документация, материалы церковного учета, переписка. Часть документов опубликована [14; 15].

Методологическую основу для данного исследования составили принципы историзма, научной объективности и системности. В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод, который позволил изучить отдельные факты развития школьного образования в Сосьвинском приходе во взаимосвязи с протекавшими в крае социально-экономическими процессами.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В селе Сартыньинском (Сосьвинском) церковь была построена в XVIII в., предположительно, во времена «первопроповедника христианской веры» Тобольского митрополита Филофея Лещинского, который в 1714 г. крестил «инородцев» Ляпинской, Куноватской и Сосьвинской волостей и благословил построение церкви для сосьвинских манси. В 1740 г. «отец сибирской историографии» Г. Ф. Миллер, путешествуя по р. Сосьве, отметил, что в «Сортинском» погосте стоит «построенная для вогулов церковь Рождества Христова, при которой помимо жилищ церковных служителей, имеется не более двух вогульских юрт». Похоже, что храм, упомянутый автором, стоял давно, т. к. к 1751 г. он обветшал и требовал капитального ремонта [16, с. 30]. Новый сосьвинский храм заложен по благословию архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама I 27 февраля 1798 г. Выстроили его «тщанием прихожан» к осени 1800 г., а 22 января 1801 г. освятили [9, л. 39–40]. Во время инспекторской поездки по Тобольскому Северу летом 1882 г. протоиереем, бывшим Обдорским миссионером, П. А. Поповым велся путевой журнал, где изложены общие наблюдения и выводы, в том числе о внешнем облике церкви, их материальном положении. По словам автора журнала, «Сосьвинская церковь архитектуры доселе нам невиданной. Купол на самой церкви и алтарь не круглый, а пре-

крутым скатом на две стороны с течью в крыше, проникающей в церковь; обита тесом, ограда деревянная полуразвалившаяся» [17, с. 330].

Простоявшая почти 100 лет приходская церковь была разобрана в начале XX в. Вместо нее еще в 1894–1898 гг. рядом строилась новая во имя Рождества Христова: «Церковь заложена по благословению преосвященнейшего Агафангела епископа Тобольского и Сибирского 3 октября 1894 года за № 9367-м. Построена тщанием прихожан и часть казною в 1898 году 23 марта. Освящена по благословению того же преосвященного Агафангела в ноябре 7 1898 году. А ветхий храм, по указу Тобольской духовной консистории от 20-го ноября 1901 года... подлежит к разборке» [18, с. 388].

Специфика церковной организации Севера Западной Сибири состояла в том, что к церквям, в крае редким, приписывалась «иностранческая» округа. Долгое время русских переселенцев в селе не было, основное население прихода составляли «ясачные вогулы». По данным клировой ведомости за 1841 г., здесь проживали 1 188 мужчин и 1 091 женщина, кочевавших от церкви на расстоянии до 600 верст [7, л. 66]. Церковные ведомости учета населения по Сосьвинскому приходу за 1880 г. зафиксировали в селе семь дворов семей «духовных, мещан и иностранцев» общим числом 51 человек из 1 140 прихожан этого храма [8, л. 66]. По данным на 1885 г., к приходу Христорожественской церкви относилось 18 иностранческих селений Сосьвинской и Ляпинской волостей, разбросанных на огромной территории в радиусе от 15 до 480 верст от села [9, л. 40–42]. В их число входили Няроховские, Няксимвольские, Хангласанские, Сородейские, Вогульские, Кунгинские, Аныевские, Югримские и другие улусы (юрты) [7, л. 66]. Всего, по данным на 1885 г., в приходе числилось 568 прихожан мужского и 525 женского пола (из них русских – 27) [9, л. 39–40]. В 1900 г. в селе Сосьвинском имелось 15 домов и 72 жителя (из них русских – 33); хлебозапасный магазин; «бывший приемный покой, где ныне помещается фельдшер»; «волостное Сосьвинско-Ляпинское иностранное прав-

ление». Село стояло на «земском тракте», и здесь имелась «ямская станция». Развитие пароходного сообщения могло бы усилить конкуренцию и ослабить эксплуатацию. Однако в начале XX в. сюда приходил лишь один пароход в год: привозил хлеб, соль, порох, дробь для магазинов и запасы для русских и зырян, торговавших с иностранцами. Во всеподданнейшем отчете начальника Тобольской губернии о состоянии иностранческого населения Сосьвинской и Ляпинской волостей сообщалось, что в 48 деревнях (паулах) жили 1 938 вогулов, 242 зырянина, 172 самоеда, 85 русских жителей. Все иностранцы находились в полной зависимости от нескольких русских и зырян, снабжавших их всем необходимым преимущественно в долг и отбравших продукты промыслов за эти долги. «Мирозерцание их – смесь христианских понятий, весьма неточных с шаманством» [19, л. 141].

Таким образом, Сосьвинский храм являлся центром небольшого и сравнительно небогатого «иностранческого» прихода, располагавшегося вдали от основных путей сообщения, связывавших край с городами Юга Западной Сибири.

На протяжении двух веков сосьвинская церковь являлась центром религиозной и культурной жизни края. Наличие храма способствовало укоренению здесь русских старожилов, упрочению их связи с коренным населением Ляпинской, Куноватской и Сосьвинской волостей. Одноштатный причт церкви (в составе настоятеля и двух псаломщиков) взяли на себя организацию первой школы для детей манси.

Первые шаги на пути становления приходской школы в селах Березовского края относятся к 30-м гг. XIX в. В 1838–1842 гг. Тобольскую кафедру возглавлял архиепископ Афанасий (Протопопов). В церковных кругах его характеризовали как «глубоко ученого человека», который обстоятельно интересовался кроме богословских естественными науками. Сообщается о богатом библиотечном собрании владыки, минералогическом кабинете. Преосвященный Афанасий настоял на заведении повсеместно в приходских церквях епархии библиотек и при

обозрении епархии контролировал этот вопрос [20, с. 106]. Кроме того, развитию системы начального школьного образования способствовало принятие в 1841 г. нового Устава Духовной консистории, предписывавшего епархиальным правлениям заботиться об открытии церковно-приходских школ, поощрять инициативу православных клириков в обучении детей крестьян и инородцев. Особое внимание организации школ для крещеного «вогульского и остяцкого» населения уделял протоиерей Иоанн Заборовский. Он был определен 28 января 1830 г. присутствующим в Березовское духовное правление, в 1832 г. назначен законоучителем в уездное народное училище, в 1834 г. – благочинным церковей Березовского уезда. По долгу службы совершая длительные поездки по вверенным его попечению приходам, И. М. Заборовский проявил поразительную настойчивость, целеустремленность, принимая активные меры по созданию начальных школ на территории Тобольского Севера. Благодаря его стараниям в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. возникли школы в Ларьяке, Верхне-Лумпокольском, Юганском, Мало-Атлымском.

Такая же школа, по-видимому, создавалась и в селе Сосьвинском. Березовское духовное правление в декабре 1839 г. проинформировало местный причт, что в Христорождественскую церковь Тобольской духовной консисторией отправлено несколько книг для обучения «поселянских» детей, а именно: «псалтырей с киноварью одна, без киновари 6-ть. Часослов с киноварью – один, без киновари – 6-ть. Азбук 7-мь и кратких священных историй 7-мь». И. М. Заборовский просил сосьвинских священнослужителей заплатить за книги 58 руб. 77 коп. и представить деньги в правление [21, с. 394]. 20 августа 1843 г. И. М. Заборовскому объявлена архипастырская благодарность за «ревностное содействие по предмету остяцких училищ». О дальнейшей судьбе этого учебного заведения имеются лишь фрагментарные данные. По-видимому, как и прочие сельские школы Тобольского Севера этого периода, она существовала недолго, испытывала значительные материаль-

ные трудности, поэтому не могла в полной мере выполнять свои основные задачи.

В 1864 г. по поводу представления генерал-губернатора Западной Сибири об устранении неудобств, препятствовавших распространению образования между инородцами, министр Государственных имуществ А. А. Зеленой просил заключения Св. Синода по предположениям, в том числе обязывавшим, построить дома для помещения в каждом по 10 инородческих мальчиков при приходских церквях в селах Полноват, Сартынья (Сосьвинское – О.Ц.), Чемаши, Нижне-Лумпокольское, завести для этих домов мебель, ежегодно отпускать средства на их содержание, одежду, учебники, учение и надзор предоставить приходским священникам, дав каждому на школу по 150 руб. в год. [22, л. 5 об.]. Высказывалась мысль и об обеспечении причтов с помощью организации обязательных сборов с прихожан на нужды образования. Известно также, что в 1865 г. березовский купец Степан Плеханов пожертвовал дом в селе Сартыннинском для помещения в нем инородческой школы [23, л. 12].

В 1873 г. правящий тобольский архиерей Ефрем (Рязанов) при обозрении северных приходов посещал юрты, где обращался с пастырским словом «вразумления и наставления» к вогулам и остякам об исполнении ими усердно христианских обязанностей, позаботиться об устройстве школы для обучения детей. Епископа сопровождал Петр Попов, ранее 20 лет служивший в Обдорской миссии и хорошо знавший инородческие языки. Архипастырь «беседовал с ними о христианской вере, затем почетнейших из инородцев до 10 чел. приводил на пароход... Поучал... дарил крестики для них и их детей. Детей советовал отдавать в школы» [24, л. 6–6 об.]. Мысли о необходимости и пользе обучения неоднократно старались донести как до инородческого, так и до русского населения сотрудники северных противоязыческих миссий, о чем сохранились свидетельства священника П. А. Попова. Так, в рапорте за 1886 г. он указывал: «Об устройстве школ церковно-приходских для обучения в них инородческих детей обоего пола говорил с русским

местным населением... и преимущественно с самими инородцами, доказывая им наглядно пользу грамотности...» [25, с. 165–166].

Сосьвинская церковно-приходская школа (далее – ЦПШ) была вновь открыта 30 марта 1888 г. [9, л. 40; 11, л. 200, 202]. По свидетельству уездного наблюдателя церковных школ, священника Иоанна Голошубина, ее первоначально следовало признать «домашней – частной», приспособленной родителями для обучения собственных детей [11, л. 200 об.].

Информация о церковных школах находила отражение в рапортах благочинных, ответственных за организацию начального народного образования в крае: «В вверенном мне благочинии, – писал в начале 1890 г. священник И. Сургутсков, – церковно-приходские школы состоят в селах Обдорском, Чемашевском, Мужевском, и Сосьвинском, в селе Кушеватском находится школа грамоты. В последнее время открыта церковно-приходская школа в селе Шеркальском местным псаломщиком Собриным. Учебно-воспитательное дело во всех сих школах ведется в общем удовлетворительно» [6, л. 23]. В отчете Епархиального училищного совета за 1901 г. сосьвинская школа значилась как школа грамоты Березовского отделения [26, с. 58]. В 1913 г. ее преобразовали в одноклассную церковно-приходскую школу, и она получила систематическое финансирование [19, с. 17].

О числе учащихся Сосьвинской школы в конце XIX – начале XX вв. можно составить представление на основании отчетов Березовского уездного отделения епархиального Училищного совета Св. Синода и сведений «Тобольского епархиального адрес-календаря»: 1890 г. – 7 (6 мальчиков и 1 девочка), 1892 г. – 2 (оба мальчика), 1903 г. – 7 (4 мальчика и 3 девочки); 1908 г. – 13 (8 мальчиков и 5 девочек), 1913 г. – 12 (7 мальчиков и 5 девочек), 1916 г. – 11 (7 мальчиков и 4 девочки) [27, с. 396; 28, с. 400; 29, с. 82; 30, с. 151]. Все сельские школы Березовского, Сургутского и Нарымского уездов были довольно малочисленны, среди учащихся преобладали дети русских поселенцев. В таких малокомплектных школах совместное обучение детей разного возраста было неизбежным, деления

по классам не производилось. Например, в 1891/92 учебном году в сосьвинской школе имелось четыре ученика «мужского пола, мещанского сословия» в возрасте двенадцати, девяти, восьми и четырех с половиной лет [11, л. 220].

Большая часть школ, устроенных духовенством, на начальном этапе их существования помещалась в домах или квартирах членов причта, церковных трапезных, сторожках и других непригодных для занятий, тесных, плохо освещенных помещениях. Например, в 1887/88 учебном году в Тобольской епархии функционировало 210 ЦПШ и школ грамоты. Только 24 из них имели собственные помещения, из «которых 21 были приобретены в течение этого учебного года на церковные и попечительские суммы и пожертвования сельских обществ» [31, с. 8].

В 1889–1892 гг. школа села Сосьвинского размещалась в доме березовского мещанина Г. В. Козьмина (в документах указывается под разными вариантами своей фамилии: Космин, Кузьмин-Савинов, Кузьмин), который «не брал платы за аренду помещения» и выделил средства на обустройство всем необходимым. В одном из отчетов сообщалось, что школьное здание удобное [32, с. 24]. В 1913 г. Г. В. Кузьмин был утвержден березовским городским старостой, являлся членом уездного отделения епархиального Училищного совета, т. е. он по-прежнему принимал активное участие в судьбе нижеобских школ [19, с. 3]. Однако собственного здания у сосьвинской школы долгое время не было. К 1908 г. построены училищные здания для 8 школ: Березовской, Обдорской, Мужевской, Шеркальской, Чемашевской, Нижне-Лумпокольской, Кондинской. В Саранпауле, Локосово, Югане, Верхне-Лумпокольском помещении нанимались обществами. Сосьвинская школа с 1906 г. по 1912 г. размещалась в церковной сторожке. В это же время по инициативе березовского мещанина Ивана Михайловича Бешкильцева и на его капиталы в селе велось строительство здания церковно-приходской школы [12, л. 66 об.]. Как отмечал В. К. Белобородов, с уважением отзывались о преуспевавшем в хозяйствен-

ных делах Иване Михайловиче, нередко к нему обращалось местное духовенство и интеллигенция за содействием. Он не прочь был пожертвовать часть нажитого богатства ради просвещения. На протяжении многих лет он являлся попечителем сосьвинской школы [33, с. 23].

О семье Бешкильцевых известно, что, по крайней мере, целое столетие она была непосредственно связана с Христорожественским храмом. Так, среди сосьвинского причта в материалах 6-й ревизии упоминается дьяческий сын Федор Алексеевич Бешкильцев, служивший в храме до 1811 г. Его сменил брат Василий Алексеевич Бешкильцев. Еще один брат, Егор, являлся дьячком этой же церкви [34, с. 236]. Позднее священниками, дьяконами, пономарями были Михаил Егорович и Василий Егорович Бешкильцевы. Сын Василия Михаил по указу духовного правления от 2 апреля 1840 г. был утвержден в должности пономаря [7, л. 67 об. – 68]. Сын Василия Егоровича Антипа исполнял должность пономаря в начале 1870-х гг. Долгая духовная служба в приходах Обдорском, Мужевском, Сосьвинском, Щекуринском, Няксимвольском Березовского края отмечена в клировых записях послужного списка Ионы Михайловича Бешкильцева с 1853 по 1902 гг. [7, л. 67 об. – 68; 10, л. 45–46; 13, л. 22–22 об., 248].

Нужно отметить, что в тесном мире сельской глубинки отношения между немногочисленными русскими Сосьвинского не всегда складывались благополучно. Один из конфликтов возник также в начале 1880-х гг. между новым священником Г. Пирожниковым и псаломщиком Антипой Бешкильцевым, что привело к переводу последнего в Березов. Священник В. И. Молоков (исполнял обязанности настоятеля Сосьвинского прихода с декабря 1892 г.) в 1900 г. жаловался благочинному на Бешкильцевых, которые, по его словам, являлись «хозяевами» села и допускали нарушения при выполнении подряда на строительство нового храма. Позднее И. М. Бешкильцеву вменили в вину и то, что новое здание школы возводилось слишком близко к церкви, что нарушало

правила противопожарной безопасности. «Они, строители Бешкильцевы, – писал В. И. Молоков, – как будто бы не желая подчиниться законному требованию, самопроизвольно действуют вопреки установлений государственных правил» [35, с. 390]. Думается, в этих обвинениях было много наносного, связанного с личными качествами наиболее влиятельных в селе людей. Несмотря ни на что, нельзя отрицать того факта, что именно на деньги Бешкильцевых были возведены в Сосьвинском и новый храм, и ограда вокруг него, и школа. Лишь 1913/14 учебный год школа встретила в собственном отдельном здании.

Средства на содержание церковной школы поступали от епархиального училищного совета первоначально в размере от 10 до 25 руб. в год. Суммы были мизерными для организации учебного процесса и оплаты труда учителей, на что постоянно обращал внимание настоятель прихода, прося у епархиального управления прибавки к окладу, поэтому педагоги вынуждены были взимать плату с учащихся. Так, двое сыновей Г. В. Козьмина обучались за 2 руб., «отпускаемых им псаломщику учителю Соколову» [11, л. 201–201 об.]. Однако, как это часто бывало в одноштатном приходе, священник, обремененный служебными и хозяйственными делами, духовным окормлением разбросанной по юртам многочисленной паствы, испытывал недостаток времени для «неусыпного» наблюдения за воспитанниками школы.

Таким образом, несмотря на периферийное положение Сосьвинского прихода, уже в николаевскую эпоху предпринимались активные, хотя и не всегда удачные, попытки вовлечь в процесс обучения местное инородческое население, а также детей русских старожилов. Инициатива в открытии школы принадлежала членам причта, а реализация ложилась на плечи в том числе купцов и мещан. С середины 1880-х гг. возрастает роль и контроль государства в деле становления системы начальных церковных школ на Тобольском Севере, что обеспечило Сосьвинской школе материальную поддержку вплоть до конца рассматриваемого периода.

Первыми учителями Сосьвинской школы являлись священник Александр Кудреватых и псаломщик Николай Соколов (1888/89, 1889/90 учебные годы). Образование А. Кудреватых получил в Омском духовном училище, Н. Соколов закончил два класса Тобольского духовного училища. Занятия последний «исполнял добросовестно, неопустительно, за исключением отлучек по приходу для исправления церковных треб» [11, л. 201 об.]. Они озаботились приобретением для школы учебных пособий, книг.

25 декабря 1892 г. в сосьвинской Рождества Христова церкви сменился настоятель. Епископ Иустин рукоположил в сан священника на штатную вакансию к местному храму Василия Ивановича Молокова, прекрасно знавшего остяцкий язык, и его ляпинское наречие. В. И. Молоков родился 15 июня 1857 г. в селе Сосьвинском в семье дьячка. По окончании курса в Тобольском духовном училище, епископом Ефремом посвящен в 1875 г. в стихарь и определен в Воскресенскую церковь села Аремзянского Тобольского уезда. В 1876 г. 25 октября по собственной просьбе переведен на север, в Преображенскую церковь села Мало-Атлымского Березовского уезда. Служил с 15 декабря 1885 г. в Щекуринской Богоявленской церкви Березовского уезда. Епископом Тобольским и Сибирским Иустином (Полянским) рукоположен 16 февраля 1892 г. в сан диакона на штатную вакансию к Градо-Березовскому Воскресенскому собору. С 1893 г. он трудился в сельской школе, как и его предшественник, выполняя обязанности учителя и законоучителя [18, с. 389–390].

В 1903 г. в школе появился штатный учитель – псаломщик Андрей Мотовилов. Должность заведующего с 1908 г. и законоучителя была возложена на священника Федора Мещерякова [36, с. 44]. О нем известно немного: образование получил в уездном училище, пробыл в должности законоучителя до 1916 г. Со второго десятилетия XX в. Березовское отделение Училищного Совета направляет на службу в Сосьвинскую школу выпускницу Градо-Березовской второклассной женской школы Анну Семеновну Нижегородцеву. Ей было назначено казенное жалование в 480 руб. [19, с. 17].

Таким образом, ситуация с комплектованием учительских кадров стала меняться лишь в начале XX в. с улучшением финансирования школ, усилением материальной поддержки со стороны губернских и епархиальных властей.

Учебный день в церковно-приходской школе начинался с чтения детьми хором утренних молитв по учебному Часослову (книга «Училище благочестия»), таких как «Царю небесный», «Отче наш», «Пресвятая Троица», а также тропаря соответствующего дня недели или отмечаемого в этот день праздника церковного календаря. После этого во все дни начинался урок Закона Божьего. Затем шли занятия по другим дисциплинам: чтение русское и славянское, письмо, чистописание, арифметика, «по три урока на каждый день», предусмотренных «расписанием таблицы образцовой школы» [27, с. 396]. Программы учебных предметов (утвержденные в 1886 г.) стали вводиться в Тобольской епархии с 1887 г. В школе происходило сближение юных прихожан с церковью, утверждение их религиозно-нравственных основ, распространение православия. Для учеников стало обязательным посещение храма в воскресные дни и праздники, участие в религиозно-нравственных беседах и чтениях. Церковные обряды и свято чтимые праздники, иконы и молитвы окружали ребенка со дня рождения. Школа грамоты виделась как прямое продолжение домашнего воспитания «христианских навыков». Обучение не определено ни «сроками, курсами и программами, ни степенью развития и образования учителя, и уживается во всяком, даже самом тесном помещении», – указано в программе учебных предметов для ЦПШ, утвержденной Св. Синодом. Учитель видел свою цель, как отмечал священник Сосьвинской церкви А. Кудреватых, не только и не столько в том, чтобы дать детям глубокие знания по предметам, а, прежде всего, в «попечение о наставлении их в истинах веры и правилах доброй нравственности, ведущих к спасению» [27, с. 398].

Учебниками и учебными пособиями школа снабжалась от епархиально-училищного совета. Все они соответствовали циркуляру Св. Синода о порядке пополнения фондов

церковных библиотек и рекомендованы Программой церковно-приходских школ. Судя по отчету за 1890/91 учебный год, в школе имелись: «Букварь синодальный», «Прописи» Тихомирова, «Сборник арифметических задач» Лейбница, «Методическое обучение» Гербача, «Подвижная азбука слов русских», «Краткое руководство изучению церковного пения» и многие другие учебные книги [27, с. 397].

В некоторых школах создавались свои библиотеки, содержавшие учебную литературу и книги для внеклассного чтения исторического и духовно-нравственного содержания, высланную епархиальным училищным советом. Библиотеки также пополнялись за счет пожертвований. Например, Сосьвинской школе 250 экземпляров «Священного писания» подарил известный купец, золотопромышленник, исследователь Севера А. М. Сибиряков [27, с. 397]. Количество книг, по мнению причта, на начало 1890-х гг. являлось достаточным. Отдельного помещения библиотека не имела. Книги хранились или в здании церкви, или на квартире настоятеля. Заведующим являлся сам священник. Подавляющее большинство литературы имело учебное и религиозно-нравственное содержание.

Одним из средств укрепления учащихся в православной вере были народные чтения, которые проводились в воскресные и праздничные дни. Чтения были двух типов: религиозно-нравственные и по другим отраслям знаний. Их проведением занимался заведующий школы. На чтениях присутствовали не только учащиеся, но и их родители, другие

жители села. Беседы были об истории праздников, житиях святых, русской истории. Чтения, как «уроки веры и жизни христианской», должны были оказать на детей «нравственное влияние», также содействовать «утверждению православной истины в сердцах и умах учителей». Такие чтения с начала 1890-х гг. периодически устраивались и в Сосьвинской школе [28, с. 403].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует сказать, что Сосьвинская начальная церковная школа внесла посильную лепту в распространение просвещения в крае, объединение местного населения около приходского храма. У истоков ее рождения стояли представители местного духовенства. Именно они обеспечили работу школ на самом трудном первом этапе существования. В дальнейшем улучшалось финансирование приходских школ, появлялись постоянные кадры из светских учителей, имевших специальную педагогическую подготовку. Огромную роль в жизни школы села Сосьвинского, как и в целом в Березовском округе, сыграла частная благотворительность. Среди них были люди разного духовно-нравственного состояния и разной степени зажиточности, но все они потрудились на благо просвещения, внесли свой вклад в материальное благополучие школы и развитие грамотности в крае. Несмотря на все трудности, церковные школы заложили основу системы образования, получившей дальнейшее развитие уже в советский период.

Список источников

1. Аблажей А. М., Багашев А. Н., Бойко В. А. и др. Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень : ИПОС СО РАН, 1995. 238 с.
2. Главатцкая Е. М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард : РААРТ-медиа, 2005. 360 с.
3. Белобородов В. К. Обитаемое прошлое: книга негромких приключений. Тюмень : Мандр и Ка, 2011. 256 с.
4. Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск : изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2011. 305 с.
5. Цысь О. П. Кондинский Свято-Троицкий монастырь Тобольской епархии в XIX – начале XX вв. Нижневартовск : изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. 120 с.

References

1. Ablazhei A. M., Bagashev A. N., Boiko V. A. et al. Iamal – znakomyi i neizvestnyi. Tyumen: IPOS SO RAN; 1995. 238 p. (In Russian).
2. Glavatskaia E. M. Religioznye traditsii khantov XVII–XX vv. Ekaterinburg-Salekhard: RAARTmedia; 2005. 360 p. (In Russian).
3. Beloborodov V. K. Obitaemoe proshloe: kniga negromkikh prikliuchenii. Tyumen: Mandr i Ka; 2011. 256 p. (In Russian).
4. Tsys V. V., Tsys O. P. Obrazovanie i prosveshchenie na severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University; 2011. 305 p. (In Russian).
5. Tsys O. P. Kondinskii Sviato-Troitskii monastyr Tobolskoi eparkhii v XIX – nachale XX vv. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University; 2017. 120 p. (In Russian).

6. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 30.
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 38.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 40.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 19.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 108.
13. ГБУТО ГА в г. Тобольске. И-708. Оп. 1. Д. 7.
14. Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. 462 с.
15. Из истории Обдорской миссии: Источники / сост. В. Я. Темплинг. Тюмень : Мандр и Ка, 2004. 288 с.
16. Предисловие // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 24–42.
17. Путевой журнал протоиерея П. Попова по обозрению церковей Сургутского и Березовского округов // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII – XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В. Я. Темплинг. Тюмень : Мандр и Ка, 2006. С. 308–341.
18. Ведомость о церкви во имя Рождества Христова в селе Сосьвинском Березовского уезда Тобольской епархии за 1901 год // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 388–390.
19. Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» (РГИА). Отчеты о состоянии Тобольской губернии за 1903–1904 гг. Читальный зал. Ед. хр. 101.
20. Архипастыри Тобольской епархии // Религия и церковь Сибири : сб. науч. статей и док. материалов. Тюмень : МИ «РУТРА», 1996. Вып. 9. С. 95–120.
21. Указ Березовского духовного правления сосьвинскому причту о передаче книг для обучения поселянских детей // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 394.
22. РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731.
23. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 41. Д. 348.
24. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554.
25. Рапорт протоиерея П. Попова с обозрением Обдорского края // Из истории Обдорской миссии: Источники / сост. В. Я. Темплинг. Тюмень : Мандр и Ка, 2004. С. 164–170.
26. Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901. Тобольск : типография Епархиального Братства, 1901. 372 с.
27. Отчет сведения церковно-приходской школы села Сосьвинского, состоящей в ведении Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 388–390.
28. Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» (РГИА). Отчеты о состоянии Тобольской губернии за 1903–1904 гг. Reading Room. Ed. khr. 101. (In Russian).
29. Arkhipastyri Tobolskoi eparkhii. In: *Collection of scientific articles and documentaries “Religiia i tserkov Sibiri”*. Tyumen: MI “RUTRA”; 1996. Is. 9. p. 95–120. (In Russian).
30. Turov S. V., compiler. Ukaz Berezovskogo dukhovnogo pravleniia sosvinskomu prichtu o peredache knig dlia obuchenii poselianskikh detei. In: *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX – nachale XX vv. (materialy dlia istorii mestnykh soobshchestv aziatskoi Rossii)*. Tyumen: Vektor-Buk; 2004. p. 394. (In Russian).
31. RGIA. F. 796. Op. 146. D. 731. (In Russian).
32. GBUTO GA v g. Tobolske. F. I-152. Op. 41. D. 348. (In Russian).
33. RGIA. F. 796. Op. 442. D. 554. (In Russian).
34. Templing V. Ya. Raport protoiereia P. Popova s obozreniem Obdorskogo kraia. In: *Iz istorii Ob-*

- зовского уездного отделения Тобольского епархиального училищного совета за 1889/90 учебный год // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 396–399.
28. Отчет сведения церковно-приходской школы села Сосьвинского, состоящей в ведении Березовского уездного отделения Тобольского епархиального училищного совета за 1891/92 учебный год // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 400–403.
 29. Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1903. Тобольск: издание братства святого великомученика Дмитрия Солунского, 1903. 202 с.
 30. Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии за 1915–16 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 41. Приложение. Школьный листок. № 19. С. 145–152.
 31. Головин Н. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии. Тобольск : типография Епархиального Братства, 1894. 28 + 11 с.
 32. Белобородов В. Березовские знакомые Н. Л. Скалозубова // Подорожник: краеведческий альманах. Екатеринбург : Баско, 2007. Вып. 7. С. 21–27.
 33. Белобородов В. Другая сторона // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. Вып. 1. С. 20–41.
 34. Ревизская сказка причта сосьвинской Христорождественской церкви // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 236–238.
 35. Рапорт причта сосьвинской Христорождественской церкви благочинному М. Вишнеvesкому о незаконном строительстве, предпринятом Бешкильцевыми близ церковного здания // Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX вв. (материалы для истории местных сообществ азиатской России) / сост. С. В. Туров. Тюмень : Вектор-Бук, 2004. С. 390–391.
 36. Справочная книга по Тобольской епархии на 1908 г. Тобольск : типография Епархиального Братства, 1908. XVI + 211 + 44, + 218 с.
 - dorskoi missii: Istochniki. Tyumen: Mandr i Ka; 2004. p. 164–170. (In Russian).
 26. Tobolskii eparkhialnyi adres-kalendar na 1901. Tobolsk: tipografiia Eparkhialnogo Bratstva; 1901. 372 p. (In Russian).
 27. Turov S. V., compiler. Otchet svedeniia tserkovno-prikhodskoi shkoly sela Sosvinskogo, sostoiasheci v vedenii Berezovskogo uездnogo otdeleniia Tobolskogo eparkhialnogo uchilishchnogo soveta za 1889/90 uchebnyi god. In: *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX – nachale XX vv. (materialy dlia istorii mestnykh soobshchestv aziatskoi Rossii)*. Tyumen: Vektor-Buk; 2004. p. 396–399. (In Russian).
 28. Turov S. V., compiler. Otchet svedeniia tserkovno-prikhodskoi shkoly sela Sosvinskogo, sostoiasheci v vedenii Berezovskogo uездnogo otdeleniia Tobolskogo eparkhialnogo uchilishchnogo soveta za 1891/92 uchebnyi god. In: *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX – nachale XX vv. (materialy dlia istorii mestnykh soobshchestv aziatskoi Rossii)*. Tyumen: Vektor-Buk; 2004. p. 400–403. (In Russian).
 29. Tobolskii eparkhialnyi adres-kalendar na 1903. Tobolsk: izdanie bratstva sviatogo velikomuchenika Dmitriia Solunskogo; 1903. 202 p. (In Russian).
 30. Otchet o sostoianii tserkovnykh shkol Tobolskoi eparkhii za 1915–16 uchebnyi god. *Tobolskie eparkhialnye vedomosti*. 1916. No. 41. Appendix. Shkolnyi listok. No. 19. p. 145–152. (In Russian).
 31. Golovin N. Desiatiletie tserkovno-prikhodskikh shkol v Tobolskoi eparkhii. Tobolsk: tipografiia Eparkhialnogo Bratstva; 1894. 28 + 11 p. (In Russian).
 32. Beloborodov V. Berezovskie znakomye N. L. Skalozubova. *Podorozhnik: kraevedcheskii almanakh*. Yekaterinburg: Basko; 2007. Is. 7. p. 21–27. (In Russian).
 33. Beloborodov V. Drugaia storona. *Podorozhnik: Kraevedcheskii almanakh*. Tyumen: Mandr i Ka; 2005. Is. 1. p. 20–41. (In Russian).
 34. Turov S. V., compiler. Revizskaia skazka prichta sosvinskoi Khristorozhdestvenskoi tserkvi. In: *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX – nachale XX vv. (materialy dlia istorii mestnykh soobshchestv aziatskoi Rossii)*. Tyumen: Vektor-Buk; 2004. p. 236–238. (In Russian).
 35. Turov S. V., compiler. Raport prichta sosvinskoi Khristorozhdestvenskoi tserkvi blagochinnomu M. Vishnevskomu o nezakonnom stroitelstve, predprianiatom Beshkiltsevymi bliz tserkovnogo zdaniia. In: *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX – nachale XX vv. (materialy dlia istorii mestnykh soobshchestv aziatskoi Rossii)*. Tyumen: Vektor-Buk; 2004. p. 390–391. (In Russian).
 36. Spravochnaia kniga po Tobolskoi eparkhii na 1908 g. Tobolsk: tipografiia Eparkhialnogo Bratstva; 1908. XVI + 211 + 44, + 218 p. (In Russian).

Информация об авторе

О. П. Цысь – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Olga P. Tsys – Candidate of Sciences (History),
Docent.

Научная статья
УДК 37.014.2(091)(571.13) + 94(47).084.8"1941/45"
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-4

УЧЕНЬЕ – СВЕТ: ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ШКОЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКИХ ШКОЛ)

Марина Сергеевна Носова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия
mari93_1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1508-4254>

Аннотация. Образование в годы Великой Отечественной войны оставалось одной из первоочередных задач в организации повседневной жизни тыловых городов. Зачастую местные власти оказывались в ситуации, когда количество школьников превышало возможности существовавшей в провинциальных городах образовательной системы. Целью данной статьи является реконструкция процесса организации обучения школьников в городе, который находился в глубоком тылу, переполненном эвакуированными жителями. Опираясь на фонды исторического архива Омской области и воспоминания детей войны, автор показывает особенности, возникавшие в работе школ в условиях военной повседневности, отражает коррективы, которые вносила война в содержание обучения, и влияние этих особенностей на воспоминания детей войны.

Ключевые слова: повседневность, история повседневности, дети, история войны, образование
Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Носова М. С. Ученье – свет: организация работы школ в годы Великой Отечественной войны (на примере омских школ) // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 29–34. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-4.

Original article

KNOWLEDGE IS POWER: ORGANIZATION OF SCHOOLS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (USING THE EXAMPLE OF OMSK SCHOOLS)

Marina S. Nosova

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia
mari93_1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1508-4254>

Abstract. Education during the Great Patriotic War was one of the priorities in arrangement of everyday life of home front. Often local authorities came up against situations where the number of schoolchildren exceeded the capabilities of schools in country towns. The purpose of the article is to reconstruct the way the educational process was arranged in a homefront town crowded with evacuated citizens. Based on the documentation of the historical archive of the Omsk region and the memoirs of war children, the author demonstrated the peculiarities of schools' work under conditions of war and showed how the war had influenced the content of education and what impact it had on the reminiscences of war children.

Keywords: everyday life, history of everyday life, children, history of war, education
Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Nosova M. S. Knowledge is power: organization of schools during the Great Patriotic War (using the example of Omsk schools). *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura.* 2023;(4):29–34. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-4.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война повлияла на работу советской системы образования.

Изменения условий проживания, повседневных практик и эвакуация вносили серьезные коррективы в процесс обучения школьников.

Воспитание подрастающего поколения для любого государственного строя является первоочередной задачей, ведь именно школьники после выпуска приходят на смену взрослым. Актуальность изучения процессов обучения в тыловых городах в период Великой Отечественной войны обусловлена и повышенным вниманием общества к работе педагогов, связанным с тем, что 2023 год государственным указом Президента Российской Федерации № 401 от 27.06.2022 объявлен Годом педагога и наставника [1].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Изучением указанного вопроса занимается широкий круг исследователей. В. Н. Иванов [2], В. Э. Черник [3] представили в своих работах общее состояние образования в период с 1941 по 1945 гг. Большое количество статей отечественных историков посвящено работе регионов по организации образовательного процесса в тылу, как сибирском, так и прифронтовом. В качестве примера можно указать несколько имен – Н. П. Щетинина [4], Е. Д. Владимирова [5], В. С. Ешпанов [6].

Однако исследование обучения школьников в Омской области в период войны до настоящего времени не проводилось. В данной работе автор реконструировал основные аспекты образовательного процесса в годы Великой Отечественной войны по материалам Исторического архива Омской области и воспоминаниям живых участников. Для изучения основных событий истории омских школ в 1941–1945 гг. использован историко-генетический метод, который позволил рассмотреть изменения жизненных условий детей в период Великой Отечественной войны. Для воссоздания эмоциональной картины и подтверждения официальных данных об исследуемом периоде применен метод интервью. Всего было проведено более 30 опросов с лицами, относящимися к категории «дети войны», в этой статье отражена лишь часть полученных данных, воспоминания В. И. Затеваковой, С. Н. Иванушкиной, А. М. Кирт, Л. А. Никитиной, В. И. Потапова, П. И. Шарипова.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Работа школ в Омске в первую военную осень осложнялась уходом большинства

преподавателей на фронт, прибытием в область большого количества эвакуированных детей из детских учреждений других регионов страны и недостаточной организацией учебного процесса в период перестройки работы внутри страны на военный лад. Всего в Омской области летом 1941 г. была 4 131 школа, из них начальных – 3 296, неполных средних – 666, средних – 169.

В сентябре 1941 г. остро встал вопрос об организации помещений для обучения детей. Область готовилась принять примерно 48,6 тыс. эвакуированных школьников. Для обеспечения их нормального размещения требовалось создать 40 интернатов школьного типа [7]. Затруднения вызывало то обстоятельство, что большую часть школьных зданий в первые месяцы войны заняли под госпитали, а новые помещения для обучения за два месяца не успели подготовить [7]. Кроме того, помимо зданий, отданных под госпитали, по распоряжению правительства в Омской области часть школ использовали как квартиры, эвакупункты, общежития школ фабрично-заводского обучения и т. п. Всего на 1942 г. таких зданий было 19 [8]. Эти нарушения отмечаются в письме Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос РСФСР).

В деревнях ситуация была очень сложной. П. И. Шарипов вспоминает, что, когда началась Великая Отечественная война, он уже перешел в третий класс. И так как всех учителей-мужчин забрали на фронт, в четырех классах начальной школы преподавала одна учительница [9]. Это было характерно для всей области и отражено в отчетах детских домов и интернатов, направленных в Омский областной комитет партии [10, л. 48]. Образцовой, по данным отчетов, была центральная городская школа № 19. Но даже там после ухода директора школы добровольцем на фронт произошло резкое ухудшение качества обучения [11, л. 62]. Старшие школьники не подчинялись требованиям преподавателей, а сотрудники милиции сообщали о росте хулиганства местных учащихся [11, л. 70].

Возросшая нагрузка на железные дороги увеличивала сроки поставки в тыл школьных материалов. Из-за этого в 1941 г. обеспечение детей учебниками и тетрадями в Омске

носило эпизодический характер: учебников хватало только на 56 % обучающихся, букварей – на 25 %, а тетрадей удалось получить только в расчете по 0,5 шт. на ученика, при норме 4 тетради [12]. Это подтверждено воспоминаниями детей. В. И. Потапов рассказал, что на весь класс выдавали только один учебник. Его мама, работник городской администрации, переписывала для него книгу полностью, т. к. имела доступ к бумаге [7]. Л. А. Никитина вспомнила, что по арифметике выдавали один учебник на весь класс, и пока до нее доходила очередь им пользоваться, она уже успевала получить «неудовлетворительно» [13]. Нехватку новых учебников компенсировали регулярными закупками поддержанных пособий у населения, информация о которых регулярно размещалась в региональной газете [14, 15, 16]. В. И. Затеванова тоже рассказала, что в первый год учебы им не хватало чернил и бумаги. Для обучения искали любые возможности. Так, чернила делали из сажи, а писали на немецких Библиях [17].

Менялось не только качественное обеспечение обучения, трансформировались формы и направленность работы школ. Военное положение, уход большого количества мужчин на фронт, преимущество аграрного сектора в области – все это не могло не сказаться на специфике школьного обучения.

Еще летом 1941 г., в первые недели войны, школьников привлекли к работе в сельскохозяйственном секторе. Исполком областного совета вынес решение об участии школьников 5–10 классов в уборочных работах [18, л. 48].

В сентябре, когда ребятам необходимо было вернуться в классы, стало понятно, что без их помощи области не обойтись. К дальнейшей уборке урожая привлекали только учащихся 9–10 классов городских школ, а школьники 1–8 классов участвовали в уборочной кампании периодически, в рамках общегородских субботников [7]. Зимой выяснилось, что у этих мер есть серьезные последствия – ребята не успевали пройти учебную программу. 23 декабря пришлось отменить каникулы для всех учащихся старшей школы (5–11 классы). Для учеников 1–4 классов каникулы сократили до 8 календарных дней [19].

Реакция из Наркомпроса РСФСР не заставила себя ждать – отдельной телеграммой области запретили снимать детей на полевые работы. Во всех предстоящих работах предлагалось принимать участие только ученикам старших классов [20, 21]. Однако в весенний период этот указ был нарушен, потому что задачи сельскохозяйственной отрасли требовали дополнительных рабочих рук.

Опыт первой военной осени показал, что привлекать школьников к подобным работам придется снова, а это требовало подготовки и определенных знаний, таких как устройство сельскохозяйственной техники, агрохимии, ботаники. Было принято решение преподавать эти знания систематически [22]. С началом учебного года начали вводить предметы, позволявшие привлекать учеников к работам во время посевной и уборочной, в школах создавались кабинеты с наглядными пособиями [23].

Обучение основам агротехники и сельскохозяйственных работ велось во всех школах [24]. Но не везде была возможность подготовить материальную базу. Так, в школе № 18 для детей провели только теоретические курсы, а организация практических занятий вызвала затруднения [23]. В школе № 19 занятиям по основам агротехники и тракторного дела препятствовал технический персонал. Сотрудники ограничивали доступ к технике и даже применяли силу, опасаясь, что ребята повредят машины [25, л. 143]. В ряде школ отсутствовало четкое расписание.

Эти затруднения в проведении занятий явились результатом того, что вопросам введения в программу сельскохозяйственных предметов не придали серьезного значения именно педагоги. Работники школ понимали необходимость подготовки детей для помощи государству, но не совсем четко представляли свою задачу и ограничивались теоретическим обучением.

Труд школьников на полях остался одной из отличительных черт повседневности детского быта в Омской области. Детей привлекали к работе все последующие годы Великой Отечественной войны, ребята всегда готовились к выездам в колхозы и заранее хотели знать, куда именно они поедут [26].

Помимо изучения сельскохозяйственных предметов особенностью стало введение обязательного военного обучения. По Приказу Народного комиссара просвещения Омской области № 15/8 от 1941 г. об оборонно-физкультурной работе в школе во всех учебных заведениях вводилось обязательное обучение военному делу [7].

К моменту выхода приказа ситуация в школах обстояла следующим образом: почти все штатные военные руководители были призваны в ряды Красной Армии. Для восполнения недостающих кадров в городе проводились экстренные курсы – двухдневные семинары. Проходили его в основном девушки [7].

Занятия по военному делу организовывали обычно во внеучебное время, ребята принимали участие в работе различных тематических кружков добровольно. В школе № 19 работали кружки мотоциклистов, пулеметчиков, разведчиков, связистов и пожарных. В школе № 15 на ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона) первой ступени обучалось 30 ребят [7].

Школьники прилежно обучались военному делу, об этом позволяет судить достаточно высокая успеваемость. По данным отчетов в Наркомпрос РСФСР, среди мальчиков за первое полугодие 1943/44 учебного года «отлично» и «хорошо» имели 72–80 % учащихся, среди девочек положительные оценки были у 70–72 % обучающихся [25, л. 27].

Материальная база, необходимая для полноценной военной подготовки, к середине войны в Омске состояла из 7 гимнастических городков, 6 гимнастических залов, 58 спортивных площадок, 27 полос препятствий, 14 тиров. В школах к этому времени оборудовано 205 военных кабинетов, все школы обязательно создали уголки Великой Отечественной войны [25, л. 27].

Изменения, произошедшие в образовательной среде, были существенными. В статьях центральной газеты региона «Омская правда», подводивших итоги первого учебного года в военных условиях, авторы рассматривали приспособленность школ к непривычным условиям и эффективность их работы [26].

К 1942/43 учебному году образовательные учреждения практически перестроились на обучение и воспитание детей в условиях военного

времени. В отчете заседания общегородского совета учителей от 11 апреля 1943 г. отмечались успехи воспитательной работы и необходимость не останавливаться на достигнутом [27].

В 1943 г. в целях улучшения качества образования было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Это изменение позволило по-другому организовать процесс работы школ: мальчикам больше учебного времени уделить изучению механики, а девочкам – рукоделию. Опасения педагогов о том, что ребята перестанут общаться, не оправдались, мальчики предлагали девочкам помощь в тяжелой физической работе, девочки помогали наводить в «мужских» школах уют. Появился повод ходить друг к другу в гости [28, 29]. В региональной периодике подробно освещались изменения образовательного процесса, особенно в первые дни раздельного обучения [30].

Воспоминания детей о том периоде не дают полноценной картины, но показывают сторону, которую не встретишь в сухих цифрах отчета. Дети помнят учебу смутно, события, происходившие вокруг, отодвигали получение знаний на второй план. Не редки ситуации, особенно в деревнях, когда дети шли в школу с опозданием – их труд был необходим дома. Об этом очень ярко рассказывает Л. М. Струнова. В школу она поступила вовремя, в 1942 г., но уже к 1944 г. мать не смогла в одиночку кормить всех детей в городе и отправила дочь к дальним родственникам в деревню. Естественно, родственники обещали, что отдадут девочку в школу, но после переезда ее обучение прервалось до окончания войны.

А. М. Кирт смогла пойти в школу только в конце Великой Отечественной войны, т. к. семье требовались деньги на пропитание. Одноклассники, которые оказались намного младше, смеялись над взрослой девушкой, которая не умела читать и писать. Такое отношение окончательно решило вопрос с образованием (на момент интервью респондент так и не научилась читать) [31].

Таким образом, вопрос обучения ребенка решало простое обстоятельство – наличие в семье достатка. Если положение с пропитанием не было катастрофическим, то несмотря

на отдаленность школ, дети ходили туда пешком каждый день, а домашние обязанности выполняли в свободное время [32]. В. И. Потапов вспоминает, что только однажды не посетил школу в годы войны – зимой, когда просто не смог пройти из-за огромных сугробов [33].

Проблемы с посещаемостью существовали во всех школах города. Возможность обучаться имели только 82 % всех школьников, проживавших в городе. В годовом отчете о работе образовательных учреждений основными причинами пропусков занятий названы:

1. Отсутствие одежды и обуви (89 человек).
2. Нежелание учиться (64 человека).
3. Болезнь (42 человека).
4. Домашние обстоятельства (33 человека).
5. Дальность расстояния (4 человека) [34].

Есть подтверждение этому и в отчетах отдельных школ. В школе № 64 в течение года две девочки не посещали уроки из-за отсутствия одежды [35], в школе № 33 в 1943 г. четыре ученика пропускали занятия по тем же причинам [36, л. 55 об.].

Решать проблемы старались коллективно – для ребят организовывали обучение на дому. Одноклассники и ученики старших классов приносили им задания, объясняли материал и показывали их работы ответственным учителям [35]. В. И. Потапов, оценивая свои школьные военные годы, назвал их «самой

серьезной проверкой на дружбу и порядочность».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что к 1944 г. школьное образование в г. Омске в целом сумело адаптироваться к условиям военного времени, нужно признать, что организация обучения учащихся города в годы Великой Отечественной войны отличалась множеством недостатков [36, л. 27]. Война внесла существенные изменения в работу школ: обязательным стало обучение школьников основам аграрного дела и сельскохозяйственной техники (в аграрных регионах), военному делу (во всей стране). Эти изменения ускорили реализацию витавшей в воздухе идеи раздельного обучения. В 1943 г. все омские школы были разделены на мужские и женские.

Обязательной оставалась и общественная работа: ребята собирали металлолом, теплые вещи для семей фронтовиков [37], отправляли посылки на фронт, занимались заготовкой дров для своих школ [38, л. 86]. Государством осознавалась необходимость не просто сохранить жизни детей в тот непростой для страны период, но способствовать их дальнейшему росту и развитию. Полноценное обучение помогало сгладить ощущение катастрофы и продолжить формирование той личности, которая, достигнув совершеннолетия, сможет работать на благо своей страны.

Список источников

1. О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника : Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 21.11.2023).
2. Иванов В. Н. Развитие школьного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны // *Голос минувшего*. 2017. № 1–2. С. 42–58.
3. Черник В. Э. Школа в годы Великой Отечественной войны // *Мир образования – образование в мире*. 2008. № 2 (30). С. 180–195.
4. Щетинина Н. П. Проблема осуществления всеобщего образования в общеобразовательных школах Рязани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (к 75-летию со дня победы) // *Психолого-педагогический поиск*. 2020. № 2 (54). С. 103–111.
5. Владимирова Е. Д. Организация образования в школах и вузах Сталинградской области в период Великой Отечественной войны // *Вестник Московского государственного лингвистического*

References

1. Executive Order of the President of the Russian Federation of June 26, 2022 No. 401 “On Holding the Year of Teachers and Mentors in the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (accessed: 21.11.2023). (In Russian).
2. Ivanov V. N. Razvitie shkolnogo obrazovaniia v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. *Golos minuvshago*. 2017;(1–2):42–58. (In Russian).
3. Chernik V. E. Shkola v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. *World of education – education around the world*. 2008;2(30):180–195. (In Russian).
4. Shchetinina N. P. The total literacy campaign in compulsory schools of Ryazan during the Great Patriotic War (1941–1945) (commemorating the 75th anniversary of the Great Victory). *Psikhologo-pedagogicheskii poisk*. 2020;2(54):103–111. (In Russian).
5. Vladimirova E. D. Organization of education in schools and universities of the Stalingrad region during the Great Patriotic War. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2020;1(838):135–146. (In Russian).

- го университета. Общественные науки. 2020. № 1 (838). С. 135–146.
6. Ешпанов В. С. К изучению отечественного опыта: школьное образование в годы Великой Отечественной войны (по материалам Актобинской области) // Наука и образование: новое время. 2018. № 5 (28). С. 145–155.
 7. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2772.
 8. ГИАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 228.
 9. Полевые материалы автора. Воспоминания Шарипова П. И., 1930 г.р., записаны Носовой М. С. в 2018 г.
 10. ГИАОО. Ф. П-17. Оп.1. Д. 3346.
 11. ГИАОО. Ф. Р-468, Оп. 2, 4, св. 6.
 12. Полевые материалы автора. Воспоминания Потапова В. И., 1935 г.р., записаны Носовой М. С. в 2020 г.
 13. Полевые материалы автора. Воспоминания Никитиной Л. А., 1933 г.р., записаны Носовой М. С. в 2019 г.
 14. Омская правда. 1941. № 247.
 15. Омская правда. 1944. № 107.
 16. Омская правда. 1941. № 201.
 17. Полевые материалы автора. Воспоминания Затеваковой В. И., 1939 г.р., записаны Носовой М. С. в 2018 г.
 18. ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3346.
 19. ГИАОО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 169.
 20. Юный патриот // Омская правда. 1941. № 156.
 21. Юные патриоты // Омская правда. 1941. № 183.
 22. Сельское хозяйство в школах // Омская правда. 1941. № 307.
 23. Омская правда. 1942. № 165.
 24. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3347.
 25. ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3913.
 26. Омская правда. 1942. № 95.
 27. Омская правда. 1942. № 79.
 28. Омская правда. 1943. № 181.
 29. Первые месяцы в женской школе // Омская правда. 1943. № 140.
 30. Омская правда. 1942. № 181.
 31. Полевые материалы автора. Воспоминания Кирт А. М., 1933 г.р., записаны Носовой М. С. в 2018 г.
 32. Полевые материалы автора. Воспоминания Иванушкиной С. Н., 1936 г.р., записаны Носовой М. С. в 2020 г.
 33. Полевые материалы автора. Воспоминания Потапова В. И., 1935 г.р., записаны Носовой М. С. в 2020 г.
 34. ГИАОО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 334.
 35. ГИАОО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 280.
 36. ГИАОО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1413.
 37. ГИАОО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1648.
 38. ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 2786.
 6. Eshpanov V. S. To the study of domestic experience: school education in the years of the Great Patriotic War (on the materials of the Aktubinsk region). *Nauka i obrazovanie: novoe vremia*. 2018;5(28):145–155. (In Russian).
 7. Biudzhethnoe uchrezhdenie Omskoi oblasti “Istoričeskii arkhiv Omskoi oblasti” (GIAOO). F. R-17. Op. 1. D. 2772. (In Russian).
 8. GIAOO. F.1272. Op. 1. D. 228. (In Russian).
 9. Polevye materialy avtora. Memoirs by I. Sharipova, born in 1930. Recorded by Marina S. Nosova in 2018. (In Russian).
 10. GIAOO. F. R-17. Op.1. D. 3346. (In Russian).
 11. GIAOO. F. R-468, Op. 2, 4, sv. 6. (In Russian).
 12. Polevye materialy avtora. Memoirs by V. Potapov, born in 1935. Recorded by Marina S. Nosova in 2020. (In Russian).
 13. Polevye materialy avtora. Memoirs by L. Nikitina, born in 1933. Recorded by Marina S. Nosova in 2019. (In Russian).
 14. *Omskaia pravda*. 1941. No. 247. (In Russian).
 15. *Omskaia pravda*. 1944. No. 107. (In Russian).
 16. *Omskaia pravda*. 1941. No. 201. (In Russian).
 17. Polevye materialy avtora. Memoirs by V. Zatevanova, born in 1939. Recorded by Marina S. Nosova in 2018. (In Russian).
 18. GIAOO. F. P-17. Op.1. D. 3346. (In Russian).
 19. GIAOO. F. R-1272. Op. 1. D. 169. (In Russian).
 20. Iunyi patriot. *Omskaia pravda*. 1941. No. 156. (In Russian).
 21. Iunye patrioty. *Omskaia pravda*. 1941. No. 183. (In Russian).
 22. Selskoe khoziaistvo v shkolakh. *Omskaia pravda*. 1941. No. 307. (In Russian).
 23. *Omskaia pravda*. 1942. No. 165. (In Russian).
 24. GIAOO. F. 17. Op. 1. D. 3347. (In Russian).
 25. GIAOO. F.P-17. Op. 1. D. 3913. (In Russian).
 26. *Omskaia pravda*. 1942. No. 95. (In Russian).
 27. *Omskaia pravda*. 1942. No. 79. (In Russian).
 28. *Omskaia pravda*. 1943. No. 181. (In Russian).
 29. Pervye mesiatsy v zhenskoi shkole. *Omskaia pravda*. 1943. No. 140. (In Russian).
 30. *Omskaia pravda*. 1942. No. 181. (In Russian).
 31. Polevye materialy avtora. Memoirs by A. Kirt, born in 1933. Recorded by Marina S. Nosova in 2018. (In Russian).
 32. Polevye materialy avtora. Memoirs by S. Ivanushkina, born in 1936. Recorded by Marina S. Nosova in 2020. (In Russian).
 33. Polevye materialy avtora. Memoirs by V. Potapov, born in 1935. Recorded by Marina S. Nosova in 2020. (In Russian).
 34. GIAOO. F. R-1272. Op. 1. D. 334. (In Russian).
 35. GIAOO. F. R-1272. Op. 1. D. 280. (In Russian).
 36. GIAOO. F. P-4. Op. 1. D. 1413. (In Russian).
 37. GIAOO. F. P-4. Op. 1. D. 1648. (In Russian).
 38. GIAOO. F. P-17. Op. 1. D. 2786. (In Russian).

Информация об авторе

М. С. Носова – кандидат исторических наук, старший преподаватель.

Information about the author

Marina S. Nosova – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer.

Научная статья
УДК 323.1(091)(571.122):37
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-5

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ОБРАЗОВАННОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГРЫ В ПАРТИЙНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ 1941–1944 ГГ.

Елена Владимировна Лешукова

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
leshukova_ev@surgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5698-5898>

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена несколькими причинами: усилением научного интереса к региональной истории в экстремальных условиях Великой Отечественной войны, дискуссионным характером в постсоветской историографии оценок национальной политики первых десятилетий советской власти, а также сохраняющейся потребностью в изучении источниковой базы по данной проблеме. Цель статьи заключается в исследовании и осмыслении исторического опыта проведения национальной политики и создания региональной системы народного образования партийными органами Ханты-Мансийского национального округа в военное время. На основании анализа архивных документальных источников сформулированы выводы об острой нехватке руководящих национальных кадров и их низкой доле среди руководящих работников Югры по сравнению с другими национальными административно-территориальными образованиями в составе СССР, низком уровне грамотности и культуре быта среди аборигенного населения в исследуемый период, а также отсутствии влияния проблем национальной политики и образования на участие жителей округа, в том числе коренного населения Югры, в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: Югра, Великая Отечественная война, ВКП(б), документальные источники, образование, коренное население, национальная политика

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Лешукова Е. В. Проблемы национальной политики и образованности коренного населения Югры в партийной документации 1941–1944 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 35–42. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-5.

Original article

ISSUES OF NATIONAL POLICY AND THE LEVEL OF LITERACY OF THE INDIGENOUS POPULATION OF UGRA ACCORDING TO PARTY POLITICAL DOCUMENTATION OF 1941–1944

Elena V. Leshukova

Surgut State University, Surgut, Russia
leshukova_ev@surgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5698-5898>

Abstract. The relevance of the article is due to the following reasons: the increased research interest in regional history under extreme conditions of the Great Patriotic War; the controversy that exists in post-Soviet historiography over assessment of the Soviet national policy during the first decades of the Soviet regime; and the continuing need for studying historical records on the issue. The purpose of the article is to study and consider the historical experience in running national policy and creating a regional system of public education by the political parties of the Khanty-Mansiysk National Okrug in time of war. Based on the analysis of archival documents, the author has concluded that there was critical shortage of national leadership and its share among the leaders of Ugra was low as compared to other national administrative-territorial entities within the USSR. The level of literacy and culture of everyday life among the indigenous population during the studied period was low. However, neither the issues of the national policy nor the low level of literacy prevented the indigenous population of Ugra from participation in the anti-Nazi fight.

Keywords: Ugra, the Great Patriotic War, the All-Union Communist Party, documentary sources, education, indigenous population, national policy

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Leshukova E. V. Issues of national policy and the level of literacy of the indigenous population of Ugra according to party political documentation of 1941–1944. *Severnny region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):35–42. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-5.

ВВЕДЕНИЕ

С начала 1920-х гг. главной линией национальной политики в СССР стала политика «коренизации», направленная на «усиление доверия этнических меньшинств к Советской власти, через поощрение местных жителей к активному участию в управлении» [1, с. 42]. Общие задачи политики советского государства в области национальных отношений были определены в резолюции прошедшего в апреле 1923 г. XII съезда РКП(б), предписывавшей в качестве практических мер органы национальных республик и областей строить «по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов», издать «специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства» [2, с. 649]. В конце 1930-х гг. они были дополнены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [3, с. 180]. Таким образом, на рубеже 1930–1940 гг. и в условиях начавшейся войны с фашистской Германией в работе местных партийных органов на Обском Севере по созданию «национальной по форме и социалистической по содержанию культуры» большая роль отводилась становлению системы образования, основанной на письменной традиции обучения и формирования основ научных знаний [4, с. 57]. Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», в составе Уральской области было образовано два национальных округа: Ямальский и Остяко-Вогульский [5]. После того, как в декабре 1934 г. админи-

стративная подчиненность округов поменялась, в течение следующих 10 лет, до августа 1944 г., проведение национально-культурной политики на территории Югры и Ямала осуществлялось партийным руководством Омской области.

Вопросы реализации советской национальной политики на территории Остяко-Вогульского национального округа на протяжении 1930-х гг. периодически освещались на страницах местной печати и в основном носили хвалебный характер [6]. В таких материалах подчеркивались достижения в области образования коренного населения округа. Так, в опубликованном 2 марта 1937 г. в окружной газете «Ханты-Манси Шоп» докладе председателя Остяко-Вогульского окрисполкома Я. И. Кошелева сообщалось, что в Югре было открыто «средних, неполных средних и начальных школ 163, из них национальных – 56» [7, с. 3]. О достигнутых успехах советской национальной политики «коренизации» участники Объединенного Юбилейного пленума окрисполкома и окружкома ВКП(б) Остяко-Вогульского национального округа в обращении к И. В. Сталину 26 февраля 1937 г. не без гордости писали: «В далеких уголках тундры работают две культбазы, со школами-интернатами, с электростанциями, радио, пять красных чумов и 71 изба-читальня. Колхозы стали самыми близкими и родными, они крепко вошли в нашу жизнь» [8, с. 1]. Региональная публицистика 1930-х гг., отражавшая официальную точку зрения на процесс проведения национальной политики и становление системы образования в Югре, оказала влияние на формирование основ исследования данной проблемы в советской исторической науке.

В постсоветский период различным аспектам процесса становления системы образования обско-угорских народов как неотъемле-

мой части советской национальной политики «коренизации» на территории Северо-Западной Сибири с 1920-х гг. до середины XX в. были посвящены исследования Л. В. Алексеевой [9], Ю. Ю. Долженко [10], Н. С. Казаковой [11], Д. В. Кирилюка [4], Н. В. Фроловой [12], Е. Г. Чумак [13] и др. Благодаря усилиям этих и других авторов получил научную разработку ряд важных вопросов осуществления национальной политики и советского культурного строительства среди аборигенного населения Обского Севера: создание письменности и учебников для обско-угорских народов, особенности перевода обучения учащихся в национальных школах на родной язык, подготовка национальных педагогических кадров, а также сформулированы выводы о неоднозначности результатов политики «коренизации» и медленных, по сравнению с центральными районами РСФСР, темпах модернизации системы образования на территории Ханты-Мансийского национального округа до середины XX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В настоящей статье представлены результаты исследования реализации советской нацио-

нальной политики и становления системы образования, происходивших в Югре под руководством местных партийных органов в тяжелых условиях Великой Отечественной войны и нашедших отражение в документальных источниках партийных органов советской власти Ханты-Мансийского национального округа и Омской области 1941–1944 гг., отложившейся в Историческом архиве Омской области и Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На протяжении Великой Отечественной войны с 1941 по 1944 гг. численность населения Ханты-Мансийского национального округа постепенно снижалась и составила в июне 1944 г., накануне образования Тюменской области и перехода в ее состав Югры и Ямала, 93 375 человек (табл. 1). Из них коренного национального населения насчитывалось 21 294 человек, в том числе: ханты – 12 238, манси – 5 762, коми – 2 436, ненцев – 852, объединенных в 135 национальных колхозов, из которых 55 были полукочевыми [14, л. 161].

Таблица 1

Динамика населения Ханты-Мансийского национального округа в 1940–1944 гг.

Показатели	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Всего (человек)	94 860	101 819	91 726	89 808 (в т. ч. безвременно выбывших из округа – 13 458)	93 375 (в т. ч. коренного населения – 21 294)

Примечание: составлено по материалам источника [14, л. 133; 15, л. 1].

В июне 1944 г. партийное руководство Ханты-Мансийского национального округа по сути признало неудачными результаты проводившейся в предвоенное десятилетие политики «коренизации»: «Часть местного национального населения, проживающего на территории Сургутского, Ларьякского, Микояновского и Березовского районов, еще до сего времени в колхозы не объединены, ведет кочевой образ жизни» [14, л. 161]. В партийных документах военного времени отмечается как разобщенность коренного населения («население живет в юртах, часто

на расстоянии от 35 до 50 километров и больше одна от другой»), так и преобладание традиционных форм и способов хозяйствования. Только оседлое коренное население имело посевы и домашний скот, «и то в небольших размерах», «всего посевов на 135 колхозов имеется до 900 гектаров, крупного рогатого скота 760 голов», «основным занятием населения и источником дохода коренного национального населения являются охота, рыболовство и оленеводство» [14, л. 161]. Однако и «среди полукочевого национального населения, состояще-

го в колхозах, коллективные формы труда в полной степени не внедрены, – каждая семья работает индивидуально. Доведенные до колхозов планы по рыбодобыче или пушнине распределяются и доводятся в отдельности до каждого хозяйства... Каждый колхозник имеет, по старой укоренившейся традиции, свои «вотчинные» рыбоуголья, где он со своей семьей добывает рыбу» [14, л. 161].

Тем не менее, вопреки имевшим место явным трудностям объективного характера в проведении национальной политики окружное партийное руководство Югры продолжало настойчиво проводить политику перевода коренного населения на оседлый образ жизни. Согласно партийным документам, «до 1944 года кочевого и полукочевого населения сселилось и осело 1 048 хозяйств из 1 559 намеченных к оселению» [14, л. 162]. Однако дальнейшему осуществлению этого процесса мешало отсутствие строительства жилых домов, которых было построено и перевезено в новые и старые хозцентры только 821 дом из 1 697, строительство 198 домов было законсервировано. «В Микояновском районе, Казымском сельсовете в пунктах Помут, Нум-То за 1943 год не построено ни одного дома. Такое же дело в Сургутском и Ларьякском районах» [14, л. 162]. «В Новом поселке Нум-То Микояновского района в отстроенных домах для националов живет только один председатель колхоза, а все колхозники кочуют по тундре. Такие случаи имеют место в Сургутском и других районах» [14, л. 162].

Причинами медленного «оседания и оселения кочевого и полукочевого национального населения» партийное руководство считало: 1) неправильный выбор хозяйственных центров, т. е. «определили хоз. центры там, где нет поблизости рыбных и охотничьих угодий» [14, л. 162]; 2) отсутствие благоустройства в новых хозяйственных центрах; 3) недостаточная оснащенность колхозов орудиями коллективного лова (крупными неводами), «через которые можно было бы в большей степени приобщать к коллективному труду», большая нехватка сетей в национальных колхозах Ларьякского, Сургутского и Березовского районов, «в Ларьякском

районе в национальных колхозах не хватает 4 591 сетей, в отдельных колхозах нет ни одного невода, а сетей 1–2 на рыбака» [14, л. 162]; 4) «высокий процент неграмотного населения» – самая важная причина, затрудняющая партийным властям проведение политики «коренизации» в Югре в военный период [14, л. 163].

В связи с «высоким процентом неграмотного населения» «квалифицированными счетоводами колхозы не укомплектованы, зачастую на 3–4 колхоза имеется один счетовод, счетоводы в большинстве малограмотные», поэтому «учет и отчетность в большинстве колхозов поставлены плохо», и «в результате плохого учета колхозники не знают, что они зарабатывают, а колхозное имущество растаскивается» [14, л. 162]. «Председатели колхозов малограмотные, большинство умеет только расписываться. По неполным данным, насчитывается в округе 47 совершенно неграмотных председателей колхозов. Бригадирь рыболовецких, полевых, животноводческих бригад, заведующие фермами в большинстве неграмотные» [14, л. 163]. По причине большого количества неграмотных среди коренного населения в июне 1944 г., «несмотря на то, что округ является национальным, работников, входящих в номенклатуру окружкома и райкомов ВКП(б) из коренного населения, работает крайне мало. В окружных организациях работает ханты и манси 8 человек, в ОК ВКП(б) – 3, в Окрисполкоме – 5. В районах округа работает на ответственной работе из коренного национального населения 119 чел. или 19,2 % к общему руководящему составу» [14, л. 154–155], из которых 108 – это председатели колхозов и сельсоветов, «и только 11 человек на районной работе по 6 районам округа» [14, л. 155], «из коренных национальностей на руководящей работе в рыбной промышленности нет ни одного человека» [14, л. 163]. Под влиянием перечисленных фактов партийное руководство Югры вынуждено было сделать неутешительный, но очевидный вывод о том, что «коренизация аппарата происходит исключительно плохо» [14, л. 163].

Сохранившиеся в Югре в годы Великой Отечественной войны острая нехватка руко-

водящих национальных кадров и низкий уровень грамотности среди коренного населения, заставляли партийное руководство округа не выпускать из поля зрения решение вопросов, направленных на развитие системы образования, основанной на письменной традиции обучения, и не прекращать работу по созданию литературного хантыйского языка на основе средне-обского диалекта. «Дать национальным школам округа Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого учебник на родном языке – вот задача 1942 года, и тем самым ускорить поднятие культурного и экономического роста национальностей ханты и манси» [16, л. 96–97], – призвал в докладе секретарь Ханты-Мансийского окружкома Н. Е. Долинин на областном совещании по пропаганде и агитации «в разрезе указаний товарища Сталина в речи от 3-го июля и докладе от 6-го ноября 1941 года» [16, л. 79]. Данная идея поддерживалась и курировалась на государственном уровне Народным комиссариатом просвещения (Наркомпросом).

В округе была создана комиссия по созданию хантыйского литературного языка, в работе которой участвовали «три научных работника – [т.т.] Прыткова, Русская и Хатанзеев» [16, л. 97]. В частности, Хатанзеев занимался переводом учебника родного языка первого и второго годов обучения. Летом 1941 г. в Югре были проведены курсы переводчиков. Общее количество учебников, подготовленных для детей коренных национальностей в 1941 г., – 14, включая очерк грамматики и букварь (автор – Зыков). Кроме учебников окружная комиссия в том же году подготовила к изданию 6 названий детской художественной литературы и словарь. Наркомпрос поручил окружной комиссии издавать учебники на месте, т. е. в округе. Однако, у окружных властей возникла проблема – отсутствие «на издание всей этой литературы» денежных средств и нужного количества шрифтов в типографии «Сталинская трибуна». В связи с чем в конце 1941 г. Ханты-Мансийский окружком в лице Н. Е. Долинина обратился за помощью к Омскому обкому ВКП(б), отметив, что «эта задача чрезвычайно насущная», и «для выполнения этой работы нам нужна большая помощь об-

ластной организации» [16, л. 97]. Однако нараставшие в 1941–1943 гг. напряженность военной обстановки и необходимость выполнения хозяйственных планов по обеспечению фронта продовольствием, обученными людскими резервами и другими видами помощи не способствовали решению вопросов по обучению грамоте коренного населения округа.

Работа по изучению языков коренного населения Югры продолжалась и в годы Великой Отечественной войны. Как отмечает Е. Г. Чумак, в Ханты-Мансийском педагогическом училище в 1942 г. «преподавателем хантыйского языка П. К. Животиковым был издан «Очерк грамматики хантыйского языка», но «издание учебников на родных языках было возобновлено» в 1946 г. [17, с. 3]. В результате в условиях отсутствия учебной литературы и нерешенности проблемы педагогических кадров к июню 1944 г. дела со всеобщем среди коренного национального населения, по признанию партийных органов, обстояли «неблагополучно» [14, л. 163]. Из 16 343 всех учащихся округа в последний год войны обучалось «детей народов севера 2 103 человека», т. е. около 13 %, из которых в 1–4 классах – 1 829 человек, в 5–7 классах – только 171 человек, а в 8–10 классах – всего 4 человека [14, л. 163]. При этом, на отдельных территориях, например, «в Нумтовской артели Микояновского района за 1943 год не осталось даже никаких книг в колхозе» [14, л. 163].

Нерешенность проблемы по ликвидации неграмотности среди коренного населения в годы Великой Отечественной войны усугублялась еще и тем, что «руководящий партийно-советский актив округа национальный язык не изучает» и общается с населением через переводчиков [14, л. 165], что имело отрицательное влияние на проведение агитационно-пропагандистской работы в регионе. «Агитаторов и докладчиков, владеющих языками хантыйским и мансийским в округе только 49 человек» [14, л. 165].

В целом в Ханты-Мансийском национальном округе в июне 1944 г. «из 1 785 номенклатурных работников в районах работает ханты, манси только 83 человека» [14, л. 163], т. е. менее 5 %. Для сравнения, на 20 лет ранее,

в 1924 г., «в численность представителей данной территории в центральном партийном и провинциальном аппарате составило 54,3 %, среди них доля грузин свыше 29 %, армян – 22,5 %, других тюркоговорящих народов (главным образом азербайджанцев) составила 1,5 %; в различных органах власти Туркменистана численность коренного населения составила 10 %, Казахстана – 8,5 %. В 1925 г. партийные и государственные структуры Белоруссии включали 42,6 % белорусов, ЦИК Башкирии состоял из 50,5 % башкир, а ЦИК Якутии – из 16 % якутов» [1, с. 43]. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны доля национальных кадров среди руководящих работников Югры была намного ниже, чем в других национальных административно-территориальных образованиях СССР в первой половине 1920-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как свидетельствуют документальные источники официального характера, исходящие от региональных партийных органов,

практику проведения советской национальной политики на территории Югры в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны отнюдь нельзя считать полностью успешной. Проводившаяся административными способами «коренизация», а вместе с ней и формирование системы всеобщего населения, как и в предшествующий период, по замечанию Д. В. Кирилюка, остались «на бумаге» [4, с. 56], т. е. так и не достигли желаемых для партийного руководства Ханты-Мансийского национального округа и Омской области результатов.

Отсутствие умения читать и писать в годы Великой Отечественной войны не служило для югорчан препятствием для выполнения воинского долга по защите Родины. Примером тому является участие жителей округа, в том числе коренного населения, в курсах по военной подготовке кадрового резерва РККА, а также судьбы югорских солдат-репатриантов. Так, из 6 393 югорчан, прошедших военную подготовку в кружках Осоавиахима в 1941 г., 959 являются ханты и манси (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о составе и массово-оборонной работе окружной организации Осоавиахим на 1941 г.

№	Наименование районов	всего первичных организаций	в них членов	из которых ВКП(б)	ВЛКСМ	женщин	ханты и манси	организовано и работает групп, команд, кружков							
								ВС	человек	ЮВС	человек	ПВХО	человек	связь	человек
1	Самаровский	66	1204	117	201	267	25	12	157	3	52	15	150	-	-
2	Кондинский	51	932	77	260	322	158	16	258	-	-	6	55	-	-
3	Микояновский	46	913	94	278	238	242	4	59	1	15	16	389	-	-
4	Березовский	50	985	111	195	266	285	8	239	2	63	6	162	-	-
5	Сургутский	30	675	90	170	171	-	7	70	-	-	3	32	1	3
6	Ларьякский	33	735	75	137	139	154	8	156	1	12	11	132	2	24
7	Ханты-Мансийск	40	949	142	283	357	100	10	170	2	60	15	275	2	35
ВСЕГО		316	6393	712	1530	1760	959	65	1096	9	222	72	1192	5	72

Примечание: фрагмент документа [18, л. 69].

Заметное число неграмотных и малограмотных среди военнообязанных было общим слабым местом в военной подготовке не только

на территории Ханты-Мансийского национального округа, но и в целом Омской области [19, с. 36]. Тем не менее, низкий уровень

образованности югорчан не слишком влиял на выполнение жителями округа воинского долга по защите Родины. Одним из ярких примеров служит военная судьба неграмотного кондинского охотника Григория Ивановича Чалкина 1915 г. р. Призванный в июне 1941 г. югорчанин воевал рядовым во 2-й Ударной армии на Волховском и Ленинградском фронтах под командованием генерала А. А. Власова. В окрестностях д. Мясной Бор 12 июля 1942 г. генерал сдался в плен, а затем, нарушив воинскую присягу, открыто перешел на сторону врага. Чуть раньше, 25 мая 1942 г.,

в районе этой же деревни в немецкий плен попал и Григорий Чалкин. Но он, в отличие от своего командующего генерала Власова (фамилия которого стала синонимом предательства), бежал из немецкого плена в феврале 1944 г. и до июня того же года воевал в итальянском партизанском отряде, сохраняя верность присяге, своему народу и своей Родине. Затем осенью 1944 г. через Неаполь и Торонто был репатрирован в СССР [20, с. 85], прошел фильтрацию и вернулся в Ханты-Мансийский национальный округ.

Список источников

1. Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 1. С. 41–49.
2. Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 17–25 апреля 1923 г. М. : Красная новь. 1923. 705 с.
3. Долженко Ю. Ю. Периодизация национального образования на территории Ханты-Мансийского автономного округа–Югры // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 180–193.
4. Кириллук Д. В. Коренизация «на бумаге»: этничность и национальное школьное образование в Самаровском районе Югры в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 3. С. 56–61.
5. Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 10.12.1930 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3682.htm (дата обращения: 18.11.2023).
6. Телишев И. Год работы в остяцкой школе // Советский Север. 1932. № 5. С. 125–130.
7. Хозяйственное и культурное строительство в Остяко-Вогульском национальном округе за пятилетие и дальнейшие задачи. Доклад председателя Остяко-Вогульского Окрисполкома товарища Кошелева на объединенном юбилейном пленуме Окрисполкома и Округкома ВКП(б) 25 февраля 1937 года // Ханты-Манси Шоп (Шой). 1937. № 32. 2 марта. С. 2.
8. Великому вождю, учителю и другу, товарищу Сталину от участников Объединенного Юбилейного пленума Округного Исполнительного Комитета и Округного Комитета ВКП (б) Остяко-Вогульского национального округа // Ханты-Манси Шоп (Шой). 1937. № 32. 2 марта. С. 1.
9. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и куль-

References

1. Liu Sianchzhun. Plusy i minusy politiki “korenizatsii” SSSR v 1920-e gody. *Ojkumena. Regional Researches*. 2014;(1):41–49. (In Russian).
2. Dvenadtsatiy sieezd Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bolshevikov). *Stenograficheskiy otchet*. 17–25 aprelia 1923 g. Moscow: Krasnaia nov; 1923. 705 p. (In Russian).
3. Dolzhenko Iu. Iu. Periodizatsiia natsionalnogo obrazovaniia na territorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga–Iugry. *The Humanities and Social Sciences*. 2012;(3):180–193. (In Russian).
4. Kirilyuk D. V. The “written” indigenization: ethnicity and national school education in Samarovsky District of Ugra in the late 1920s and the beginning of 1930s. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2018;(3):56–61. (In Russian).
5. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of December 10, 1930 “On Arrangement of National Units in the Areas of Settlement of the Indigenous People of the North”. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3682.htm (accessed: 18.11.2023). (In Russian).
6. Telishev I. God raboty v ostiatskoi shkole. *Sovetskii Sever*. 1932;(5):125–130. (In Russian).
7. Khoziaistvennoe i kulturnoe stroitelstvo v Ostiako-Vogulskom natsionalnom okruge za piatiletie i dalneishie zadachi. *Doklad predsedatelia Ostiako-Vogulskogo Okrispolkoma tovarishcha Kosheleva na obiedinennom iubileinom plenumе Okrispolkoma i Okruzhkoma VKP(b) 25 fevralia 1937 goda. Khanty-Mansi Shop (Shoi)*. March 2, 1937. No. 32. p. 2. (In Russian).
8. Velikomuu vozhdii, uchitelii i drugu, tovarishchu Stalinu ot uchastnikov Obiedinennogo Iubileinogo plenuma Okruzhnogo Ispolnitelnogo Komiteta i Okruzhnogo Komiteta VKP (b) Ostiako-Vogulskogo natsionalnogo okruga. *Khanty-Mansi Shop (Shoi)*. March 2, 1937. No. 32. p. 1. (In Russian).
9. Alekseeva L. V. Severo-Zapadnaia Sibir v 1917–1941 gg.: politicheskaiia, ekonomicheskaiia i kulturnaiia transformatsiia. Monograph. Nizhnevartovsk:

- турная трансформация : моногр. Нижневартовск : Изд-во НВГУ. 2006. 390 с.
10. Долженко Ю. Ю. История развития национального образования коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа Югры: ханты и манси // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4 (80). Ч. 3. С. 33–39.
 11. Казакова Н. С. Государственная политика по просвещению населения Ханты-Мансийского национального округа в 1931–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 22 с.
 12. Фролова Н. В. Государственная политика в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Surgut, 2016. 23 с.
 13. Чумак Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920–1950-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2008. 22 с.
 14. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф. П-17. Оп. 1 Д. 3997.
 15. ГИАОО. Ф. Р-347 Оп. 21 Д. 147.
 16. ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1 Д. 3423.
 17. Чумак Е. Г. Процесс становления письменности и разработки учебников на родных языках в Ханты-Мансийском округе в 20–50-е гг. XX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-stanovleniya-pismennosti-i-razrabotki-uchebnikov-na-rodnykh-yazykah-v-hanty-mansiyskom-okruge-v-20-50-e-gg-hh-veka> (дата обращения: 18.11.2023).
 18. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. 107 Оп. 1 Д. 619.
 19. Лешукова Е. В. Практика военно-оборонной работы по подготовке боевых резервов для РККА в 1941–1943 гг. на территории Ханты-Мансийского национального округа // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2023. Т. 8. № 3. С. 33–41.
 20. Лешукова Е. В. Фильтрационные дела югорских солдат – участников Великой Отечественной войны как исторический источник // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5. № 2. С. 82–86.
- Publishing House of Nizhnevartovsk State Humanitarian University; 2006. 390 p. (In Russian).
10. Dolzhenko Yu. Yu. Istoriia razvitiia natsionalnogo obrazovaniia korennykh narodov Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga Iugry: khanty i mansi. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2013;4(80):33–39. (In Russian).
 11. Kazakova N. S. Gosudarstvennaia politika po prosveshcheniiu naseleniia Khanty-Mansiiskogo natsionalnogo okruga v 1931–1941 gg. Extended abstract of Cand.Sci. (History) Thesis. Omsk; 2009. 22 p. (In Russian).
 12. Frolova N. V. Gosudarstvennaia politika v oblasti istoriko-obshchestvovedcheskogo obrazovaniia v shkolakh Severa Zapadnoi Sibiri v 1920–1930 gody. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Thesis. Surgut; 2016. 23 p. (In Russian).
 13. Chumak E. G. Stanovlenie i razvitie sistemy obrazovaniia obsko-ugorskikh narodov Severo-Zapadnoi Sibiri v 1920–1950-e gg. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Thesis. Tyumen; 2008. 22 p. (In Russian).
 14. Biudzhethnoe uchrezhdenie Omskoi oblasti “Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti” (GIAOO). F. P-17. Op. 1 D. 3997. (In Russian).
 15. GIAOO. F. R-347 Op. 21 D. 147. (In Russian).
 16. GIAOO. F. P-17. Op. 1 D. 3423. (In Russian).
 17. Chumak E. G. Protsess stanovleniia pismennosti i razrabotki uchebnikov na rodnykh iazykakh v Khanty-Mansiiskom okruge v 20–50-e gg. *KhKh veka*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-stanovleniya-pismennosti-i-razrabotki-uchebnikov-na-rodnykh-yazykah-v-hanty-mansiyskom-okruge-v-20-50-e-gg-hh-veka> (accessed: 18.11.2023). (In Russian).
 18. Gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti” (GBUTO GASPITO). F. 107 Op. 1. D. 619. (In Russian).
 19. Leshukova E. V. The practice of military defense work on the preparation of combat reserves for the Red Army in 1941–1943 on the territory of the Khanty-Mansiysk National District. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023;8(3):33–41. (In Russian).
 20. Leshukova E. V. Filtration files of Ugra soldiers participating in the World War II as historical source. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020;5(2):82–86. (In Russian).

Информация об авторе

Е. В. Лешукова – кандидат исторических наук, старший преподаватель.

Information about the author

Elena V. Leshukova – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer.

Научная статья
УДК 373(091)(571.122)
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-6

О ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ЛАРЬЯКСКОГО РАЙОНА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА (1945 – НАЧАЛО 1960-Х ГГ.)

Любовь Васильевна Алексеева

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия
lvalexeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Аннотация. Статья представляет собой аналитическое описание состояния школьного образования в Ларьякском районе (ныне Нижневартовский район) Ханты-Мансийского округа с 1945 по 1962 годы в соответствии с предложенной периодизацией изучаемых процессов. В центре внимания – условия, повлиявшие на развитие школьного образования в отдаленном и слабо развитом с экономической точки зрения районе округа, задачи, стоявшие перед государственными школами Югры и их выполнение. В статье выявлены общие тенденции, присущие сфере образования региона и отдельно взятого района. На основе введения в научный оборот новых документов охарактеризованы материальное положение школ, их количество, численность контингента учащихся, численный и кадровый состав учителей, состояние всеобщего обучения, проанализированы результаты выполнения поставленных государством задач в деле развития школьного образования в районе, выявлены проблемы к началу эпохи нефтегазового освоения края.

Ключевые слова: район, образование, школа, учитель, ученик

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Алексеева Л. В. О школьном образовании Ларьякского района Ханты-Мансийского округа (1945 – начало 1960-х гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 43–51. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-6.

Original article

SCHOOL EDUCATION IN THE LARYAKSKY DISTRICT OF THE KHANTY-MANSIYSK OKRUG (1945 – EARLY 1960s)

Lyubov V. Alekseyeva

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia
lvalexeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1870-4052>

Abstract. The article represents the analysis of school education in the Laryaksky district (it is the Nizhnevartovsky district nowadays) of the Khanty-Mansiysk Okrug in 1945–1962 according to the chronicle of the studied processes suggested by the author. The author focuses on conditions that influenced the development of school education in the remote, economically least developed district of the Okrug and on tasks set for government-run schools of Ugra as well as their completion. The article identifies general trends in education of both the region and the district. Using the new documents introduced in the scientific discourse, the author has characterized the material condition and the number of schools, the number of pupils, the headcount and the composition of the teaching staff, the state of the general education. The results of school education development in the region are analyzed and the problems that existed by the beginning of oil and gas development era of the region are identified.

Keywords: district, education, school, teacher, pupil

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Alekseyeva L. V. School education in the Laryaksky district of the Khanty-Mansiysk Okrug (1945 – early 1960s). *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):43–51. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-6.

ВВЕДЕНИЕ

В развитии школьного образования в Ларьякском районе в изучаемый период можно выделить два этапа:

1. С 1945 г. до середины 1950-х гг., когда в большей степени ощущались тяжелые последствия Великой Отечественной войны, оказавшие неблагоприятное влияние на сферу образования.

2. Со второй половины 1950-х гг. до первой половины 1960-х гг., когда на фоне либерализации общественной жизни в школьном образовании начались изменения, где значение имел закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый 24 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР, послуживший основой развития советской школы вплоть до середины 1960-х гг. [1].

Цель статьи – представить аналитическое описание состояния школьного образования в Ларьякском районе (далее – ЛР) Ханты-Мансийского национального округа (далее – ХМНО) в 1945–1962 гг. Задачи исследования: выявить общее и особенное в его развитии в рамках региона и страны, определить приоритеты в работе государственных школ Югры и результаты их деятельности к началу эпохи становления углеводородной цивилизации. Хронологические рамки статьи: нижняя граница – окончание Великой Отечественной войны, верхняя – переименование ЛР в «Нижневартовский район».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Тема не является достаточно изученной в региональной историографии. При подготовке статьи использованы отдельные фактографические данные исследований М. М. Ишбаева, Л. В. Алексеевой, Д. В. Кирилюка, Д. В. Зариповой, касавшихся ряда аспектов развития школьного образования. Основу формирования нового материала для статьи составили архивные документы, обнаруженные в фондах Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Архивного отдела администрации

г. Нижневартовска. Поставленные задачи решались на основе комплексного использования исторических методов исследования: историко-сравнительного, структурно-системного, проблемно-хронологического.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из первых факты о развитии школьного дела в районе представил Тимофей Дмитриевич Шуваев – краевед, учитель истории, директор школы, организатор краеведческого музея в Нижневартовске, который в настоящее время носит его имя. В 1973 г. им была оформлена рукопись «Нижневартовск. Город и район (История возникновения и развития)», которая хранится в фондах Центральной городской библиотеки им. М. К. Анисимковой [2].

Единственная специальная работа научно-популярного характера по истории школы в районе подготовлена краеведом М. М. Ишбаевым. Исследователь проанализировал статистику школ, учащихся, педагогических кадров и сформулировал вывод, что к концу 1940-х гг. в районе окончательно сложилась сеть начальных школ (преимущественно национальных), с чем полностью согласен автор данной статьи. Позицию М. М. Ишбаева о том, что складывание системы национальных школ позволяло выполнять закон о всеобщем начальном образовании [3, с.76], автор статьи не разделяет, считая, что создание этих школ как преимущественно интернатской формы обучения способствовало на том этапе лишь приближению решения проблемы охвата обучением детей ханты.

Основные фактографические данные по теме систематизированы в кратком изложении Л. В. Алексеевой в коллективной работе «История Нижневартовского района», а также в монографии, посвященной 90-летию Нижневартовского района, статье, которые были подготовлены Л. В. Алексеевой совместно с Д. А. Зариповой [4; 5, с. 84–95; 6, с. 322–324].

Заметным явлением региональной историографии стало появление монографии Д. В. Кирилюка, первой комплексной и обобщающей работы, воссоздающей историю

школьного образования в Югре за период 1945–1991 гг. [7]. На данный труд автором статьи была подготовлена рецензия [8]. Многие вопросы, затронутые Денисом Валериевичем в монографии, носят дискуссионный характер. Один из них – это внутриокружная дифференциация в развитии школьного образования, что важно учитывать при огромной территории округа. Д. В. Кириллюком внутрирегиональные различия хоть и обозначены, но не выявлены в полной мере, что можно объяснить необходимостью отдельных исследований по каждому из районов Югры.

Анализ трудов показывает, что сфера школьного образования в ЛР в послевоенные годы является малоизученной темой. Для понимания общего и особенного в его развитии при сопоставлении с другими районами ХМНО важно накопить фактографический материал и его систематизировать, что позволит осуществить теоретико-методологический анализ явлений и процессов.

На развитие сферы школьного образования в ЛР оказывали влияние не только внутриполитические, но и природно-географические, демографические, экономические и социокультурные факторы. Район как административная единица образован в 1928 г. (центр – с. Ларьяк, расположившееся на правом берегу Ларьякской протоки р. Вах). Это была отдаленная и труднодоступная территория округа, без развитой транспортной инфраструктуры. Расстояние до ближайшей пристани госпароходства «Нижевартовск» составляло 500 км, а расстояние зимним путем до окружного центра – 770 км. В районе действовали девять сельсоветов [9, л. 1]. ЛР являлся самой малочисленной по населению территорией Югры. В 1945 г. в нем проживало 5 880 человек, в 1959 г. – 6 800. Половина населения – дети (от 0 до 16 лет). Коренные жители (ханты) составляли в 1945 г. четвертую часть, затем их доля постепенно снизилась с увеличением населения района. Хозяйство района сохраняло традиционные черты. Переломным моментом в развитии всех сфер жизни ЛР стало обнаружение нефти, активные поиски которой начались с 1957 г. Первая нефть в районе была получена близ Мегиона

(Баграс) 26 марта 1961 г. 24 февраля 1962 г. административный центр из Ларьяка был перенесен в с. Нижневартовское, район переименовали в «Нижевартовский».

Главной задачей школьного образования в ЛР, как в округе и во всей стране, являлось выполнение закона о всеобщем обязательном обучении. Еще 5 августа 1946 г. Тюменский облисполком принял решение «О выполнении закона о всеобщем обучении в Тюменской области». Этот документ содержал информацию и о том, что родители, препятствующие обучению своих детей, могут быть наказаны в административном порядке, что несколько поспособствовало охвату обучением в начальной школе. В отчете о деятельности Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) (далее – ХМ ОК) за 1945–1947 гг. серьезным недостатком работы школ называлось невыполнение закона о всеобщем обучении, приводились данные по округу, свидетельствующие, что закон не выполнялся ежегодно [10, л. 87]. В ЛР охват детей школой не являлся полным, контингент теряли и в течение учебного года из-за отсева учеников. Анализ документов показывает, что ни одна школа в районе данный закон не выполняла. Для реализации всеобщего обучения нужно было обеспечить явку детей в школы, что было сложно сделать не только потому, что коренные жители неохотно расставались с детьми, обучаемыми в интернатах, но и по причинам материально-бытового характера остальных групп населения. Иногда просто не в чем было отправить ребенка в школу (отсутствие одежды и обуви), подрастающий ребенок нужен был в качестве помощника в домашнем хозяйстве, из-за тяжелого материального положения многие подростки шли работать на производство и бросали обучение.

Анализ протоколов аппаратных совещаний окружного отдела народного образования (далее – ОКРОНО) за 1956–1961 гг. свидетельствует, что и во второй половине 1950-х гг. проблема всеобщего обучения оставалась актуальной [11]. В 1962 г. ХМ ОК КПСС была составлена справка о ходе выполнения Закона от 24 декабря 1958 г. [12, л. 14]. В документе давалась общая характеристика положения школьного образования окру-

га, указывалось на проблемы, которые были характерны и для сферы образования ЛР: недостаточное строительство новых школ, неудовлетворительная материальная база, обучение во вторую смену, ежегодный недоохват обучением, второгодничество, текучесть учительских кадров из-за жилищных проблем.

Одной из особенностей ХМНО являлось и то, что это была сельская местность, малонаселенная, с преобладанием небольших школ. Д. В. Кирилюк пишет, что в 1945 г. доля сельских школ составляла в округе 98 % [7, с. 43], подобная ситуация наблюдалась и в ЛР. По количеству школ он сильно отличался от других районов Югры, что объяснялось малочисленностью населения. Так, в Сургутском районе было 39 школ, в Кондинском – 58, Микояновском – 45, Березовском – 35, Самаровском – 70. Всего в округе насчитывалось в 1949 г. 266 школ [13, л. 18]. В 1945–1955 гг. количество школ в ЛР почти не менялось. В 1945 г. район располагал одной средней (Ларьякская), одной 7-летней (Нижевартовская) и 16 начальными школами. В 1955 г. количество школ сократилось, их стало 16. В 1957 г. решением окружного совета депутатов трудящихся от 15.02.1957 г. № 36 Нижевартовскую основную школу преобразовали в среднюю [14, л. 34]. Такое решение приняли потому, что шел процесс увеличения школьников, желавших получить среднее образование. Единственная имевшаяся средняя школа в с. Ларьяк уже не вмещала всех учащихся, была расположена на удалении от с. Нижевартовского, часть ребят уезжала на учебу в Сургут и другие места. В 1957 г. школ в районе насчитывалось 18. Из общего числа школ 10 являлись интернатами, организованными при национальных начальных школах. К концу 1950-х гг. национальных школ осталось 7, смешанных – 4. В 1961 г. в ЛР работали 23 школы, из них 2 являлись средними (Ларьякская и Нижевартовская), 2 – 8-летними (Мегионская и Зайцевореченская), 2 – 7-летними (Большетарховская, и Больше-Ларьякская), 17 – начальными [3, с. 56].

В 1947 г. в школах района обучалось 830 человек. В 1951 г. контингент учеников

распределялся следующим образом: в начальной школе обучалось 712 детей; в основной (5–7 кл.) – 273, в средней (8–10 кл.) – 21 [14, л. 34]. В 1952 г. – 1 028 учеников, в 1955 г. – 867 учеников (ханты – 229). В 1951–1955 гг. в районе из числа ханты окончили 7-летнюю школу 37 человек, среднюю – 3 [15, с. 187]. Этот контингент рассматривался как потенциал для продолжения образования и пополнения кадров специалистов из числа ханты. В 1957 г. численность учеников составляла 961 (271 – ханты), в 1961 г. – 1 300 (285 – ханты) [16, л. 17, 23]. Самой крупной в районе стала Нижевартовская средняя школа, в которой в 1961 г. обучалось 444 ученика, а в 1962 г. – 566 [17, л. 15]. Рост числа учеников к началу 1960-х гг. был связан с увеличением численности населения за счет прибытия семей нефтяников в район, в особенности в с. Нижевартовское и с. Мегион.

В материальном и финансовом положении школы испытывали трудности, но минимальными средствами они обеспечивались. В отчетном докладе Ларьякского районного комитета ВКП(б) (далее – РК ВКП(б)) с января 1947 г. по сентябрь 1948 г. подчеркивалось, что несмотря на трудности послевоенного времени, партия и правительство проявляют особую заботу о народном просвещении [10, с. 87]. Ассигнования по народному образованию составили в районе в 1946 г. – 1 302 200 руб., в 1948 г. – 2 685 000 руб., что составляло 54,4 % к общему бюджету ЛР [18, л. 21]. Необходимо обратить внимание, что районные школы финансировались из местного бюджета (сельская местность), поэтому средств на развитие не хватало. Как правильно пишет Д. В. Кирилюк, школы в ХМНО являлись небольшими по площади деревянными постройками, значительная часть которых мало соответствовала своему назначению [7, с. 44]. Большинство начальных школ в районе именно таковыми и являлись (кроме интернатов). Новые школы в первое послевоенное десятилетие в ЛР не строились, и даже происходило их некоторое сокращение из-за укрупнения (и закрытия неперспективных) малокомплектных сельских школ. В первые послевоенные годы был открыт лишь один новый интернат в Тольке. Типо-

вые здания имела половина школ, остальные девять школ размещались в приспособленных помещениях. Так, единственное новое здание было построено лишь для Нижневартовской школы в 1955 г. общей площадью 431 м² и было рассчитано на 160 учащихся [17, с. 15]. Все школы в сельской местности, как во всей России, ХМНО и ЛР, являлись неблагоустроенными (без канализации, парового отопления и водопровода).

Особенностью школьных учреждений в районе являлось то, что здесь более половины школ являлись школами интернатской формы. Снабжение интернатов, содержание в них детей, финансируемые за счет государственных средств, хоть и гарантировали минимум, но были недостаточными. Так, П. К. Ситников, учитель, директор школы, заведующий Ларьякским районным отделом народного образования (далее – РОНО), писал о том, что местные организации плохо выполняли заявки на необходимые интернату товары, особенно на швейные изделия и одежду: «Ребятишки ходили в чем попало, одежда была на 2–3 размера больше, чем нужно» [19, л. 23]. Материально-бытовое положение в интернатах стало улучшаться во второй половине 1950-х гг. Этому способствовало и принятие постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах дальнейшего подъема экономики и культуры районов Крайнего Севера», увеличившее нормы снабжения детей в интернатах [16, л. 31]. Снабжение учебниками и канцелярскими принадлежностями оценивалось в официальных отчетах Ларьякского РК партии удовлетворительно, а вот организация питания учащихся в школах района (за исключением интернатов) в документах не обнаружена.

Главным вопросом в деле улучшения положения школьного образования в документах органов власти считался кадровый. Дело с кадрами учителей действительно обстояло плохо, их образовательный уровень в первое послевоенное десятилетие был ниже, чем накануне войны. В РОНО работали четверо специалистов, а сам заведующий отделом не имел высшего образования. В отчете о деятельности ХМ ОК ВКП(б) за 1945–1947 гг.

отмечалось, что в национальных школах работали преимущественно молодые учителя без опыта и достаточных знаний [10, л. 90]. В 1946/47 учебном году в районе работали 33 учителя (из них 30 – женщины). С высшим образованием учителя отсутствовали. Среднее образование имели 19, из них окончивших учительские институты¹ – 2, у 14 учителей среднее образование отсутствовало [13, л. 2]. Педагогические коллективы в изучаемый период были только в двух средних школах и в двух 7-летних. В остальных школах (начальных, национальных) работали зачастую 1 или 2 учителя. После войны, по словам П. К. Ситникова, самой крупной школой в районе являлась Ларьякская средняя, в которой в 1946 г. трудилось 10 учителей. Директором работала Р. Г. Сидорова (возраст – 21 г.), выпускница Тобольского учительского института. Она преподавала историю, биологию, химию, Конституцию СССР. Среднее специальное образование имели 7 учителей, высшее – ни одного. В школе было всего двое учителей-мужчин: П. К. Ситников (физик-математик) и Л. М. Бабилов (физподготовка) [6, с. 322].

С начала 1950-х гг. число учителей со средним специальным образованием стало увеличиваться, этому способствовала и система заочного обучения, и даже экстернат, но подготовка учителей в этих форматах не являлась легкой задачей. Обремененность женщин-учителей семьей, подсобным хозяйством, удаленность от места обучения, не позволяли многим из них получить заочное образование. Тем не менее постепенно шел процесс замещения учителей без среднего образования молодежью, заканчивавшей педучилища и учительские институты. В 1950/51 учебном году в ЛР всего работало 45 учителей (из них женщин – 36). С высшим образованием было 5 учителей, а окончивших учительский институт – 14 [20, л. 16]. В 1954 г. число учителей в районе увеличилось, достиг-

¹ Учительский институт – двухлетнее педагогическое образовательное учреждение, осуществлявшее подготовку учителей для 5–7 классов. Принимали на учебу не только выпускников средней школы, но и основной, т. е. на базе 7 классов.

нужно 70, из которых 4 имели высшее образование, незаконченное высшее – 21, среднее педагогическое – 45 [9, л. 66]. В 1955 г. из 97 человек педагогического персонала имели стаж до 5 лет 62 человека. Число учителей, окончивших учебные заведения в 1952–1954 гг., составляло 19, следовательно, 4/5 учителей составляли молодые педагоги. В 1955 г. в начальной школе работали 58 учителей. Среди упомянутых 97 человек высшее образование имели 6, среднее – 63.

С самого начала развития образования в ХМНО и ЛР ставка делалась на подготовку национальных кадров. Вклад в дело подготовки учителей внесли национальный педтехникум (училище) в Ханты-Мансийске, Тобольский педагогический техникум, затем учительский институт, а также факультет народов Севера в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Наиболее амбициозные представители коренных народов заканчивали школу вопреки трудностям. К середине 1950-х гг. были созданы условия для продолжения образования в специальных учебных заведениях выпускникам средней и основной школы из числа ханты. Улучшение в подготовке кадров, имевших специальное или общее среднее образование, происходило особенно заметно во второй половине 1950-х гг., т. к. на XX съезде партии были приняты соответствующие решения, в дальнейшем послужившие выработке новых подходов к улучшению подготовки специалистов из числа коренных народов в течение 1957–1960 гг., в частности, увеличении контингента студентов, находившихся на государственном обеспечении.

В сфере образования ЛР в 1960 г. трудилось 132 человека, из них учителей – 101, 30 человек имели высшее образование (10 % от общего числа учителей округа). По данному показателю в ЛР ситуация была лучше, чем в целом по округу, т. к. доля педагогов с высшим образованием составила более 30 % (в ХМНО – 25 %); учителей, имевших образование учительского института, было 18 человек, среднее образование имели 63 человека. В районе уже не было учителей без среднего образования, в округе таких учителей работало в 1960 г. 38 человек [21, л. 7].

Система обучения в школах района основывалась на учебных планах (далее – УП) РСФСР, однако в первое военное десятилетие порядка в планах не наблюдалось. В протоколе № 1 за 1956 г. аппаратного совещания ОКРОНО отмечалось, что национальные школы округа не перешли на новый УП [11, л. 3]. Основным критерием качества знаний являлась успеваемость. В ХМНО в первые послевоенные годы успеваемость в среднем была на уровне 70 % в начальной школе, 55 % – в основной, 50 % – в старшей [10, л. 90]. Причинами такого положения назывались: формализм в работе, неумение сформировать прочные знания, плохая подготовка к занятиям, слабая постановка методической работы, недостаточная требовательность учителя к самому себе и ученикам, плохая воспитательная работа. Обследование школ ЛР со стороны РОНО или ОКРОНО проводилось чрезвычайно редко. Так, в первые послевоенные годы обследовали только 4 школы из 18. Однако, вопросы состояния общеобразовательных школ, качества учебного процесса находились под периодическим контролем органов партийной власти. В отчете о деятельности ХМ ОК ВКП(б) за 1945–1947 гг. в числе лучших по результатам успеваемости названа Охтеурская школа ЛР (зав. школой Пыкина) [10, л. 89]. Ларьякский РК партии обычно ежеквартально рассматривал вопросы школьного дела на своих заседаниях. На партийных конференциях обязательно заслушивался доклад заведующего РОНО. После решения партийных органов вопрос становился предметом рассмотрения в райисполкоме, где принимались соответствующие решения и доводились до РОНО и школ.

В 1948 г. в ЛР средняя успеваемость в школах составила 73 %. Особенно низкая успеваемость имела место в Больше-Тарховской, Сабунской, Мегионской, Корликовской, Охтеурской школах. Лучшая успеваемость была в Охтеурской школе № 2 (зав. школой – Протопопова) и Пылинской (зав. школой – Зубова) [18, л. 21 об.]. Средние показатели успеваемости в округе по окончании 1955/56 учебного года составили 82,7 % [11, л. 3]. В ЛР с середины 1950-х гг.

в средней и 7-летней школах успеваемость была ниже окружной и держалась на уровне 77 %, а в начальных школах составляла 80–84 %. Обучение на родном языке в большинстве национальных школ организовать не удалось (все попытки были прекращены), оно осуществлялось на русском языке, что, с одной стороны, сокращало время на адаптацию в русскоязычном пространстве, но вело к утрате родного языка – с другой. Второгодничество являлось весьма распространенным явлением, ученик, не освоивший программный материал, не переводился в следующий класс. Иногда ученик по несколько лет сидел в одном классе, становился переростком. В среднем на второй год ежегодно оставалось до 20 % учащихся. Например, в 1948 г. осталось на повторный курс обучения из 1 037 учащихся 202 человека [18, л. 21 об.]. Выпускные экзамены выдерживала лишь половина учащихся. Как следует из «Конъюнктурного обзора Ларьякского района» (1954), основной причиной низкой успеваемости являлась неудовлетворительная постановка всей учебно-воспитательной работы (в том числе плохое качество проведения уроков).

Улучшение учебно-воспитательной работы стало отмечаться во второй половине 1950-х гг. Так, уже в 1956/57 учебном году из 961 ученика перевели в следующие классы 869 человек (90,4 %). Эта статистика говорит о том, что по сравнению с прошлым 1955/56 учебным годом успеваемость в школах района возросла на 10 %. Из общего числа отметок, выставленных учащимся, 72 % составляли «удовлетворительно» [16, л. 13]. В докладе заведующего РОНО, прочитанном на августовском совещании учителей 1957 г., отмечалось улучшение всей учебно-воспитательной работы [16, л. 16].

Для обсуждения проблемы успеваемости и поисков решения способов повышения качества учебной работы РОНО проводились январские и августовские учительские совещания, на которых педагоги знакомились с достижениями лучших учителей, осуществлялась работа кустовых методических объединений, а также проводились инспекторские проверки с целью выявления недостатков и оказания помощи учителям. По результатам

1956/57 учебного года лучшими учителями в ЛР были названы: Т. А. Дедюрина, В. С. Ильченко, Е. И. Седых, В. М. Печеркина, Т. И. Целищева, М. А. Реховская, И. М. Коршаков, А. Д. Меркушина, Т. М. Махнева, А. И. Данилова, В. Г. Черепанова, Г. А. Темникова. Наряду с теми, кто трудился добросовестно, назывались и те учителя, кто работал неудовлетворительно: Г. А. Терешкина, З. А. Лукинова, О. Я. Першина, В. П. Бабкина [16, л. 22].

Реформа школы шла в ЛР с большими трудностями. Установка органов власти на усиление связи школы с жизнью воплощалась медленно. В школах района и округа в целом отсутствовали мастерские, база для практических занятий, а сельскохозяйственные практикумы, как отмечено в протоколе № 1 за 1956 г. аппаратного совещания ОКРОНО, не осуществлялись в школах [11, л. 3]. Трудности послевоенного пятнадцатилетия начали постепенно преодолеваться в связи с началом формирования нефтегазового комплекса, когда территория района стала одной из нефтеносных провинций, с последующим ускорением модернизационных процессов в том числе и в сфере образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Школы Ларьякского района изучаемого периода – это государственные образовательные учреждения, пользовавшиеся поддержкой органов власти, которым были присущи классно-урочная система, единые учебные планы, обеспечение стабилизационных мероприятий для выполнения всеобщего обязательного обучения, подготовка кадров, партийный контроль. Схожим было положение школ района, округа, сельских районов страны в целом по уровням школьного образования (преобладали начальные школы), охвату обучением, обеспечением кадрами учителей и материально-бытовому положению.

Для сферы образования ЛР были характерны такие особенности, как малочисленность школ, учащихся, учителей (их низкий образовательный уровень, особенно в первое послевоенное десятилетие). В районе преобладали национальные школы-интернаты. С середины 1950-х гг. в работе школ района началось некоторое улучшение, выразившееся в увеличении количества учителей, имевших

специальное образование, открытия еще одной средней и одной 7-летней школ, формировании двух 8-летних школ, а также повышении успеваемости, которая находилась на уровне средней по округу. Вторая половина 1950-х гг. – начало 1960-х гг. – время внедрения нового подхода в учебный процесс (попытка реализации практико-ориентированного образования). До 1959 г. всеобщее образование рассматривалось в стране как всеобщее 7-летнее образование, однако в ЛР еще не был осуществлен всеобщий охват обучением и детей начальной школы (это касалось детей ханты), что тоже являлось его особенностью. В начале 1960-х гг. стали заметны положительные изменения в образовательном уровне учителей, он был даже выше, чем в целом по округу.

Список источников

1. Принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Президентская библиотека : сайт. URL: <https://www.prlib.ru/history/619837> (дата обращения: 03. 11. 2023).
2. Шуваев Т. Д. Нижнеурт — город и район (история возникновения и развития): на правах рукописи. Нижнеурт, 1973.
3. Ишбаев М. М. Выход в свет: становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижнеурт : Изд-во Нижнеурт. гос. пед. ин-та, 1998. 112 с.
4. История Нижнеуртского района / под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Екатеринбург : Изд-во Баско, 2013. 336 с.
5. Алексеева Л. В., Миронычев С. В., Сапожникова Н. В. и др. Основные вехи истории Нижнеуртского района в советский период : коллективная моногр. / под общ. ред. проф. Л. В. Алексеевой. Нижнеурт : Изд-во НВГУ, 2018. 203 с.
6. Алексеева Л. В., Зарипова Д. А. Ларьякская школа в первое послевоенное десятилетие (1945–1957 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы научно-методического семинара, 16 декабря 2017 г., г. Нижнеурт. Нижнеурт : Изд-во Нижнеурт. гос. пед. ин-та, 2018. 392 с.
7. Кирилук Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 г.). Курган : Курганский Дом печати, 2019. 400 с.
8. Алексеева Л. В. Рецензия на: Кирилук Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.). Курган : Курганский Дом печати, 2019. 400 с. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Ижевск, 2020. С. 366–368.
9. Казенное учреждение ХМАО-Югры «Государственный архив ХМАО-Югры» (КУ «ГАЮ»). Ф. Р – 129. Оп. 2. Д. 34.

Перспективы исследования истории школы ЛР 1945 – начала 1960-х гг. связаны с изучением истории отдельных школ, их педагогических коллективов, судеб сельских учителей и их роли в общественной жизни населенного пункта. Вне поля зрения исследователей до сих пор остается вопрос о самообложении сельских жителей и распределении этих средств на содержание школ, взаимоотношения сельчан и школы, роли органов советской власти (местных советов) в развитии школ. Требуют отдельных исследований такие темы, как «Школа глазами детей», «Пионеры и комсомольцы», «Внеурочная деятельность» в рамках научного направления истории советского детства.

References

1. Priniat zakon “Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhidniu i o dalneishem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniia v SSSR”. URL: <https://www.prlib.ru/history/619837> (accessed: 03.11.2023). (In Russian).
2. Shuvaev T. D. Nizhneurtovsk – gorod i raion (istoriia vznizhkoveniia i razvitiia): na pravakh rukopisi. Nizhneurtovsk; 1973. (In Russian).
3. Ishbaev M. M. Vykhod v svet: stanovlenie natsionalnoi shkoly v Lariakskom raione. Nizhneurtovsk: Publishing House of Nizhneurtovsk State Pedagogical Institute; 1998. 112 p. (In Russian).
4. Alekseeva L. V., editor. Istorii Nizhneurtovskogo raiona. Yekaterinburg: Basko; 2013. 336 p. (In Russian).
5. Alekseeva L. V., Mironychev S. V., Sapozhnikova N. V. et al. Osnovnye vekhi istorii Nizhneurtovskogo raiona v sovetskii period. Collective monograph. Alekseeva L. V., editor. Nizhneurtovsk: Publishing House of Nizhneurtovsk State University; 2018. 203 p. (In Russian).
6. Alekseeva L. V., Zaripova D. A. Lariakskaiia shkola v pervoe poslevoennoe desiatiletie (1945–1957). In: *Proceedings of Scientific and Methodological Seminar “Aktualnye problemy gumanitarnykh nauk”*, December 16, 2017, Nizhneurtovsk. Nizhneurtovsk: Publishing House of Nizhneurtovsk State Pedagogical Institute; 2018. 392 p. (In Russian).
7. Kiriliuk D. V. Razvitie shkolnogo obrazovaniia v Iugre (1945–1991). Kurgan: Kurganskii Dom pechati; 2019. 400 p. (In Russian).
8. Alekseeva L. V. Retenziia na: Kiriliuk D. V. Razvitie shkolnogo obrazovaniia v Iugre (1945–1991 gg.). Kurgan : Kurganskii Dom pechati, 2019. 400 s. // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani. 2020. Vol. 14. Izhevsk; 2020. p. 366–368. (In Russian).*
9. Kazennoe uchrezhdenie KhMAO-Iugry “Gosudarstvennyi arkhiv KhMAO-Iugry” (KU “GAJu”). F. R – 129. Op. 2. D. 34. (In Russian).

10. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. П – 107. Оп. 1. Д. 971.
 11. КУ «ГАЮ». Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 392.
 12. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П – 107. Оп. 1. Д. 2049.
 13. КУ «ГАЮ». Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 240.
 14. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П – 107. Оп. 1. Д. 1884.
 15. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П – 107. Оп. 1. Д. 1856.
 16. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р – 29. Оп. 1. Д. 31.
 17. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р – 29. Оп. 1. Д. 61.
 18. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П – 96. Оп. 1. Д. 225.
 19. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. Р – 91. Оп. 1. Д. 27.
 20. КУ «ГАЮ». Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 282.
 21. КУ «ГАЮ». Ф. Р – 5. Оп. 1. Д. 417.
10. Gosudarstvennoe biudzhetnoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti» (GBUTO GASPITO). F. P – 107. Op. 1. D. 971. (In Russian).
 11. KU “GAIu”. F. R – 5. Op. 1. D. 392. (In Russian).
 12. GBUTO GASPITO. F. R – 107. Op. 1. D. 2049. (In Russian).
 13. KU “GAIu”. F. R – 5. Op. 1. D. 240. (In Russian).
 14. GBUTO GASPITO. F. R – 107. Op. 1. D. 1884. (In Russian).
 15. GBUTO GASPITO. F. R – 107. Op. 1. D. 1856. (In Russian).
 16. Arkhivnyi otdel administratsii g. Nizhnevartovska. F. R – 29. Op. 1. D. 31. (In Russian).
 17. Arkhivnyi otdel administratsii g. Nizhnevartovska. F. R – 29. Op. 1. D. 61. (In Russian).
 18. GBUTO GASPITO. F. R – 96. Op. 1. D. 225. (In Russian).
 19. Arkhivnyi otdel administratsii g. Nizhnevartovska. F. R – 91. Op. 1. D. 27. (In Russian).
 20. KU “GAIu”. F. R – 5. Op. 1. D. 282. (In Russian).
 21. KU “GAIu”. F. R – 5. Op. 1. D. 417. (In Russian).

Информация об авторе

Л. В. Алексеева – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Lyubov V. Alekseyeva – Doctor of Sciences (History), Professor.

Научная статья
УДК 378(091)(571.54)
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-7

ВЫСШАЯ ШКОЛА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В 1960–1980-Е ГГ. ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Виктория Владимировна Номогоева¹, Лилия Борисовна Иванова²

^{1, 2} Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

¹ nomogoeva67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8852-2230>

² okinsk1@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью исследования проблемы институционализации высшего образования в Бурятии, а также повышения его значения в подготовке профессиональных кадров для экономики региона. Цель статьи заключается в комплексном научном исследовании процессов институционализации системы высшего образования в Бурятии в 1960–1980-е гг. В процессе исследования проанализирована динамика развития высшего образования в разрезе развития направлений подготовки и количества подготовленных кадров. Проведенное исследование показало, что вузы за годы своего существования сыграли решающую роль в подготовке профессиональных кадров для республики и стали основой общественного, экономического и культурного роста.

Ключевые слова: высшая школа, профессиональные кадры, Бурятский государственный педагогический институт имени Доржи Банзарова, Бурятский сельскохозяйственный институт, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Восточно-Сибирский технологический институт

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Номогоева В. В., Иванова Л. Б. Высшая школа Республики Бурятия в 1960–1980-е гг. Опыт и проблемы // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 52–56. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-7.

Original article

THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE 1960–1980s: EXPERIENCE AND CHALLENGES

Viktoriya V. Nomogoeva¹, Liliya B. Ivanova²

^{1, 2} Banzarov Buryat State University, Ulan Ude, Russia

¹ nomogoeva67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8852-2230>

² okinsk1@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the need for studying the issue of institutionalization of higher education in Buryatia, and for raising its significance in training professional personnel for the regional economy. The purpose of the article is a comprehensive scientific research of institutionalization of the higher education system in Buryatia in the 1960–1980s. During the research, the dynamics of higher education development was analyzed in terms of the development of fields of education and the number of trained personnel. The study showed that over the years of their existence the institutions of higher education had played a crucial role in training professional personnel for the republic and had become the basis for social, economic and cultural development.

Keywords: higher school, professional personnel, Banzarov Buryat State Pedagogical Institute, Buryat Agricultural Institute, East Siberian State Institute of Culture, East Siberian Institute of Technology

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Nomogoeva V. V., Ivanova L. B. The system of higher education of the Republic of Buryatia in the 1960–1980s: experience and challenges. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):52–56. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-7.

ВВЕДЕНИЕ

В современной России высшее образование является одним из важнейших приоритетов развития общества. Безусловна роль вузов в комплексном развитии регионов страны в период становления советского государства, особенно в национальных районах Сибири. Одним из крупных национальных центров развития высшего образования стала Бурятия. Первые высшие учебные заведения в Бурят-Монголии были открыты в 1932 г. Это были агропедагогические институты по линии Наркомпроса РСФСР и Наркомзема СССР. Несмотря на то, что открытые вузы принадлежали разным ведомствам, в целях экономии средств и совместного использования научных работников на начальном этапе они имели общее руководство, единый штат административно-технических, научных работников, партийных и других общественных организаций, совместно пользовались библиотекой, кабинетами и т. д. [1, с. 23].

Создание высшей школы явилось крупным событием в духовной жизни молодой республики и было воплощением самых смелых идей выдающихся деятелей и просветителей бурятского народа. Оно положило начало становлению и развитию высшей школы Бурятии, широкой подготовке высококвалифицированных кадров и сыграло большую роль в социально-экономическом развитии крупного национального региона Сибири.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В процессе изучения заявленной темы использованы общенаучные и классические исторические методы, которые позволили осуществить комплексное исследование и сделать обоснованные выводы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Высшая школа Бурятии прошла множество этапов, развиваясь и трансформируясь в соответствии с требованиями времени. Одним из значимых этапов стали 1960–1980-е гг., когда система высшего образования претерпела весьма существенные количественные и качественные изменения. К концу 1950-х гг. она прошла период становления и внесла значительный вклад в формирование кадрового потенциала республики. Бурятский педа-

гогический институт имени Доржи Банзарова (БГПИ) и Бурятский сельскохозяйственный институт (БГСХИ) готовили кадры для системы образования и аграрного сектора региона. Вследствие открытия новых факультетов и специальностей структура вузов продолжала активно развиваться, как и контингент студентов. Качественно совершенствовался состав научно-педагогических работников, росла доля остепененных преподавателей. В этот период укреплялась материальная база: строились новые учебные корпуса, общежития, спортивные комплексы и базы отдыха. К 1959/60 учебному году в вузах республики обучалось 5 446 студентов, в том числе 1 778 – на заочном отделении [2, с. 53].

В 1960-е гг. начался новый этап в развитии высшего образования Бурятии. Он был связан с принятием новой программы партии (1961), которая предусматривала введение всеобщего среднего образования в стране. Правительством СССР были утверждены новое положение о вузах, положения о советах институтов, факультетов и кафедр. Повысился статус руководителей вузов: директора стали ректорами, их заместители – проректорами.

Широкая программа совершенствования деятельности педвузов была определена в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 августа 1961 г. «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами». На основе этого и ряда других партийных и правительственных документов развернулась работа по совершенствованию деятельности БГПИ.

Реализация принятых документов совпала с приходом в педагогический институт нового ректора – Ивана Александровича Батудаева, который в дальнейшем возглавлял вуз почти 20 лет. Он внес существенный вклад в развитие вуза. До конца 1950-х гг. в Бурятском пединституте функционировали физико-математический, биолого-химический, историко-филологический факультеты. В связи с увеличением числа средних школ, профтехучилищ и средних специальных учебных заведений оставалась острой проблема потребности в учителях с высшим образованием. В институте были созданы новые и переформированы ранее существовавшие факультеты.

В 1960 г. по решению Министерства просвещения РСФСР был открыт факультет физического воспитания. В 1962 г. на базе отделения иностранных языков в составе историко-филологического факультета был образован факультет иностранных языков с тремя отделениями: английского, немецкого и французского языков. В 1977 г. на базе отделения технических дисциплин физико-математического факультета был создан индустриально-педагогический факультет, в 1978 г. – факультет начальных классов.

К концу 1970-х гг. в БГПИ велась работа на 7 факультетах, где готовили учителей по 13 специальностям. С каждым годом росло количество студентов: если в 1960–1961 гг. в институте обучалось 2 637 человек, то в 1970–1971 гг. – 4 278, в 1980–1981 гг. – 5 392, а в 1985–1986 гг. – уже 5 683.

Бурятский сельскохозяйственный институт к концу 1950-х гг. претерпел значительную реорганизацию. В 1952 г. дополнительно к действовавшему зоотехническому и ветеринарному факультетам был открыт агрономический факультет. В 1955 г. началась подготовка инженеров-строителей, инженеров-технологов мясной промышленности и кожевенно-мехового производства на технологическом факультете. В 1961 г. образован факультет механизации сельского хозяйства, в 1962 г. – экономический факультет. Для становления и развития БГСХИ неоценимую роль сыграл Василий Родионович Филиппов, который был ректором дважды: в 1952–1958 гг. и 1962–1969 гг. [3, с. 33].

В этот период в стране была проведена своеобразная комплексная реформа всей системы образования и, прежде всего, высшей школы. Нововведения начались с координации размещения центров подготовки специалистов по союзным, автономным республикам и экономическим районам страны. Подготовка высококвалифицированных специалистов в национальных республиках, краях и областях Сибири и Дальнего Востока заметно отставала от быстрых темпов развития народного хозяйства и культуры. В связи с этим были приняты меры по расширению сети высших учебных заведений. В это время

в Бурятии были открыты новые вузы – Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК) и Восточно-Сибирский технологический институт (ВСТИ) [2, с. 63, 69].

Таким образом, в начале 1960-х гг. в Бурятии подготовку высших профессиональных кадров осуществляло четыре вуза. Педагогический и сельскохозяйственный институты к этому периоду прошли период становления и находились на стадии дальнейшей институционализации и развития.

20 сентября 1960 г. постановлением Совета Министров СССР № 1008 был основан Восточно-Сибирский библиотечный институт (ВСБИ) [4, л. 28]. Это был четвертый в стране, третий в РСФСР и единственный на территории Восточной Сибири, Дальнего Востока и Севера вуз подобного профиля, создание которого является важнейшим этапом реализации государственной программы культурного строительства [5, с. 63].

Образовательная деятельность вуза в первые десятилетия велась на базе библиотечного факультета, факультета культпросветработы и отделения заочного обучения. Функционировали три кафедры: библиотечных и библиографических дисциплин, общенаучных дисциплин и культпросветработы, на которых трудилось 22 преподавателя. Первый выпуск ВСБИ состоялся в 1965 г.: 81 человек – на библиотечном факультете, 61 человек – на факультете культпросветработы [5, с. 65]. Большой вклад в укрепление материальной базы института в 1968–1990 гг. внес ректор Сергей Иванович Никифоров.

С развитием промышленности, строительства, транспорта и энергетики Восточной Сибири и Бурятии ежегодно возрастала потребность в квалифицированных инженерно-технических кадрах, т. к. существовавшие технические университеты Иркутска, Томска и Красноярска уже не могли удовлетворить объемы дополнительной потребности в кадрах. 2 июля 1962 г. постановлением бюро Бурятского обкома КПСС и Совета Министров Бурятской АССР на базе технологического и строительного факультетов Бурятского сельскохозяйственного института в г. Улан-Удэ открыт первый в Забайкалье техниче-

ский вуз – Восточно-Сибирский технологический институт (ВСТИ) по специальностям «Технология мясных и молочных продуктов», «Технология кожи и меха», «Промышленное и гражданское строительство» [6, л. 200–201]. Ректором нового вуза был назначен декан технологического факультета БГСХИ Дамнин Шагдурович Фролов, который проработал в этой должности 30 лет. За это время были решены основные проблемы становления молодого института: строительство учебных корпусов и общежитий, оснащение научным и учебным оборудованием и др. Именно под руководством первого ректора института Д. Ш. Фролова был заложен фундамент научных образовательных профессиональных студенческих традиций первого технического вуза Бурятии.

В связи с реформами и изменениями, происходившими в промышленности, расширились направления подготовки инженерных кадров и были открыты новые специальности: «Машины и аппараты пищевых производств», «Машины и аппараты легкой промышленности», «Технология молока и молочных продуктов» (1963 г.); «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты», «Хранение и технология переработки зерна» (1964 г.); «Электроснабжение промышленных предприятий, городов и сельского хозяйства» (1965 г.); «Теплогазоснабжение и вентиляция» (1966 г.); «Экономика и организация промышленности продовольственных товаров» (1967 г.) и др. Если в начале своего становления ВСТИ состоял из двух факультетов, то через 10 лет – из 8 факультетов и 27 кафедр [7, с. 124].

Итак, высшая школа Бурятии 1960–1980 гг., обусловленная социально-экономическим, историческим и культурным развитием республики, характеризовалась как общими для страны чертами, так и имела региональную специфику. В системе высшей школы произошли значительные количественные и качественные изменения, которые позволили существенно повысить уровень подготовки высококвалифицированных кадров, наращивать учебный и научный потенциалы вузов республики.

По данным И. Х. Бальхаевой, в 1970-е гг. в республике началась работа по введению всеобщего среднего образования. В связи с этим перед БГПИ была поставлена задача полного удовлетворения потребности школ в учителях с высшим образованием по всем предметам обучения. За 1981–1985 гг. количество выпускников только дневного отделения института составило 2 737 человек. В 1985/86 учебном году педагогические коллективы школ республики более чем на 90 % состояли из выпускников этого вуза [2, с. 84].

Что касается аграрного комплекса, И. Х. Бальхаева отмечает, что тенденция расширения сферы приложения высококвалифицированного труда была характерна для сельского хозяйства Бурятии в 1960–1985 гг. Благодаря наличию в республике крупного сельскохозяйственного института образовательный уровень специалистов был значительно выше, чем в РСФСР. Доля специалистов с высшим образованием в 1985 г. составляла в Бурятии 55,4 % от общей численности специалистов сельского хозяйства, по РСФСР – 33,7 % [2, с. 85].

Подготовка инженерно-технических кадров шла ускоренными темпами, что было связано с дальнейшей индустриализацией сельскохозяйственного производства в регионе, сопровождавшейся увеличением количества специалистов, занятых в аграрной сфере, увеличился также выпуск студентов-экономистов, плановиков и статистиков.

Обеспеченность кадрами в сфере культуры значительно улучшилась, хотя продолжала оставаться низкой, особенно в сельской местности. В 1984 г. из 1 206 культпросветработников 177 (14,7 %) имели высшее специальное образование.

Общая динамика численности студентов до середины 1980-х гг. показывала постоянный рост: в 1970–1971 гг. – 20,2 тыс. человек, в 1975–1976 гг. – 21,6 тыс. человек, в 1980–1981 гг. – 22,6 тыс. человек. В годы перестройки численность студентов стала сокращаться. В 1985–1986 гг. она составляла 22,2 тыс. человек, в 1989 г. – 20,6 тыс. человек [8, с. 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдалось поступательное развитие регионального высшего образования: создание новых вузов, расширение существовавших, укрепление материально-технической и учебно-научной баз, рост контингента студентов, повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, развертывание подготовки инженерных кадров, высококвалифицированных специалистов в сфере культуры. В Республике Бурятия сложилась многопрофильная система высшего образования, вполне соответствовавшая структуре и специализации регионального экономиче-

ского комплекса. Всего за 1960–1980-е гг. республиканские высшие учебные заведения выпустили около 60 тыс. профессионалов. Численность бурятских специалистов с высшим образованием увеличилась на 529,8 % не только за счет местных вузов, но и вузов других регионов страны. Несмотря на положительные тенденции в развитии высшего образования, оставался нерешенным ряд проблем, касавшихся подготовки высококвалифицированных кадров в республике, а именно: слабая материальная база научных исследований, недостаточная острепенность кадрового состава, проблемы трудоустройства молодых специалистов и др.

Список источников

1. Хабаев М. П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2012. 90 с.
2. Бальхаева И. Х. Формирование кадрового потенциала республики вузами Бурятии (1932–1996 гг.). Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2001. 172 с.
3. Зайцева Л. А. Краткая история БГСХА им. В. Р. Филиппова // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2015. № 1 (8). С. 31–35.
4. Государственное автономное учреждение культуры Республики Бурятия «Государственный архив Республики Бурятия» (ГАУК РБ «ГАРБ»). Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 53.
5. Перова Е. Ю., Тсыремпилова И. С. Роль Восточно-Сибирского государственного института культуры в региональном социокультурном пространстве: к 60-летию вуза // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2020. № 2 (14). С. 62–73.
6. ГАУК РБ «ГАРБ». Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 1017.
7. Арьянов А. Д. Д. Ш. Фролов - первый ректор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2015. № 2 (53). С. 123–128.
8. Высшие и средние специальные учебные заведения Республики Бурятия : стат. сб. Улан-Удэ, 2001. С. 3.

Информация об авторах

В. В. Номогоева – доктор исторических наук, доцент.

Л. Б. Иванова – старший преподаватель.

References

1. Khabaev M. P. Ocherki istorii formirovaniia vysshego pedagogicheskogo obrazovaniia v Buriatii. Ulan Ude: Publishing House of Buryat State University; 2012. 90 p. (In Russian).
2. Balkhaeva I. Kh. Formirovanie kadrovogo potentsiala respubliky vuzami Buriatii (1932–1996 gg.). Ulan Ude: Publishing House of Buryat State University; 2001. 172 p. (In Russian).
3. Zaitseva L. A. A brief history of the BSAA V. A. Filippov. *Bulletin of East-Siberian state institute of culture*. 2015;1(8):31–35. (In Russian).
4. Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kulturey Respubliki Buriatiiia “Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiiia” (GAUK RB “GARB”). F. R-755. Op. 1. D. 53. (In Russian).
5. Perova Ye. Yu., Tsyrempilova I. S. The role of East-Siberian State Institute of Culture in regional socio-cultural space: to the 60th anniversary of the institute. *Bulletin of East-Siberian state institute of culture*. 2020;2(14):62–73. (In Russian).
6. GAUK RB “GARB”. F. R-248. Op. 20. D. 1017. (In Russian).
7. Aryanov A. D. D. Sh. Frolov – the first rector of the East-Siberian state university of technology and management. *The Bulletin of ESSTUM*. 2015;2(53):123–128. (In Russian).
8. Vysshie i srednie spetsialnye uchebnye zavedeniia Respubliki Buriatiiia. Statistical book. Ulan Ude; 2001. p. 3. (In Russian).

Information about the authors

Viktoriya V. Nomogoeva – Doctor of Sciences (History), Docent.

Liliya B. Ivanova – Senior Lecturer.

Научная статья
УДК 379.82(091)(470.23-25)
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-8

ДОСУГ УЧИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДА В 1982–1991 ГГ.

Юлия Михайловна Павленко

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия
julja-pavlenko00@mail.ru

Аннотация. Актуальность изучения вопроса повседневной жизни учителей Ленинграда обусловлена тем, что исследование затрагивает один из аспектов региональной истории, позволяет углубить значение роли личности в истории России и региона. Цель работы состоит в изучении такой стороны повседневной жизни ленинградских педагогов в 1982–1991 годы, как досуговая деятельность. На основе данных, полученных в результате интервьюирования учителей, удалось установить, что досуговая деятельность педагогов в этот период отличалась разнообразием имевшихся хобби и увлечений, зависела от количества свободного времени и предпочтений.

Ключевые слова: повседневная жизнь, учитель, педагог, досуг, хобби, увлечения

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Павленко Ю. М. Досуг учителей Ленинграда в 1982–1991 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 57–61. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-8.

Original article

LEISURE ACTIVITIES OF LENINGRAD TEACHERS IN 1982–1991

Yulia M. Pavlenko

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
julja-pavlenko00@mail.ru

Abstract. The relevance of studying everyday life of Leningrad teachers and their leisure activities, in particular, is due to the fact that the research is one of the aspects of regional history, namely, the history of Saint Petersburg. This study allows us to make the role of an individual in the history of the country and the region more significant. The purpose of the work is to study leisure activities of Leningrad teachers in 1982–1991. Based on the responses of the interviewed teachers the author has found out that the teachers had a variety of hobbies and their leisure activities depended on the amount of free time they had.

Keywords: everyday life, teacher, leisure activities, hobby

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Pavlenko Yu. M. Leisure activities of Leningrad teachers in 1982–1991. *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura.* 2023;(4):57–61. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-8.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории повседневности различных групп населения в последнее время является одним из приоритетных направлений в историографии. Актуальность изучения вопроса повседневной жизни учителей Ленинграда обусловлена тем, что данная тема может служить одним из аспектов регио-

нальной истории, а именно истории Санкт-Петербурга, в контексте определенной социальной группы. Повседневная жизнь учителей являлась одной из тем исследований таких авторов, как И. В. Утехин [1], И. В. Зубков [2], Н. А. Белова [3], Н. Ю. Иванченко [4] и др. В работах авторов рассмотрены такие вопросы, как условия жизни учителей, социально-пси-

хологический облик советского учительства, изменения в повседневной жизни, условия труда, социальное обеспечение, поддержка со стороны государства. Несмотря на то, что отечественная историография занимается разработкой проблем повседневности различных социальных групп, вопросы повседневной жизни учителей во второй половине XX в. освещены недостаточно. Целью исследования является изучение и характеристика такой составляющей повседневности, как досуг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования стали учителя Ленинграда. В статье на основе источников личного происхождения, которые были получены в результате интервьюирования учителей, работавших в общеобразовательных школах г. Ленинграда в рассматриваемый период времени, раскрыты особенности их досуговой деятельности, увлечений и хобби. Всего было интервьюировано 168 человек, данные были проанализированы и статистически систематизированы. В интервьюировании участвовали как женщины, так и мужчины. Благодаря системно-деятельностному подходу было установлено, что повседневность учителей включала в себя различные, но взаимосвязанные составляющие: общественную, личную, домашнюю и духовную сферы жизни. При анализе источников личного происхождения применялся историко-антропологический подход. Материалы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга позволили установить, какую роль играли профсоюзные организации в досуговой деятельности учителей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Наравне с условиями труда и быта досуг и хобби являются важным звеном при изучении повседневности социальных групп. Эти две категории, по мнению исследователей, способны охарактеризовать конкретную личность – ее предпочтения, характер, ценности и культурные установки, интересы, увлечения. При описании досуговой деятельности какой-либо социальной группы используется понятие «бюджет времени».

Бюджет времени включает в себя работу, удовлетворение физиологических потребностей, личное время, отдых, развлечения и др. 78 % опрошенных отметили, что старались балансировать в выходные дни между школьными делами, семьей и отдыхом. При большой трудовой нагрузке было крайне сложно не брать работу домой, поэтому времяпровождение за книгами и тетрадями учеников было обычной практикой в выходные дни.

Бюджет времени является важной составляющей при описании досуга, поскольку благодаря ему можно наглядно увидеть, как распоряжается своим временем человек, какое количество времени у него остается для занятий каким-либо видом деятельности. При проведении опроса респондентам был задан вопрос о том, как проходил их досуг. Ответы педагогов можно условно разделить на досуговую деятельность, а также увлечения и хобби. В ответах на вопрос о том, как они проводили свое свободное время, мнения опрошенных разделились на несколько категорий: посещение культурно-массовых мероприятий, занятия спортом, чтение книг и посещение библиотек, прогулки по городским паркам, туризм, турпоходы, экскурсии, дома культуры и др. [5, л. 45].

Несмотря на то, что практически все интервьюируемые говорили о нехватке свободного времени, но отдых в каком-либо виде был у всех. Первое, что отмечали респонденты, это важную роль профсоюзов в их досуговой деятельности. Например, благодаря этим организациям 23 % учителей впервые посетили театр [5, л. 45].

Кроме билетов на театральные представления учителя школ могли получить билеты в цирк. Так, в отчетах о расходовании бюджета профсоюза школы № 701 Кировского района содержатся сведения о том, что в 1987 г. за особые успехи в учебно-воспитательной деятельности пяти педагогам школы были предоставлены льготные билеты в Ленинградский цирк (по два билета на каждого) [6, л. 116.]. По воспоминаниям учителей, большое количество культурно-массовых мероприятий они посещали именно от профсоюза школы.

Учителя совместно с профсоюзами для своих коллективов организовывали интересные

мероприятия. Например, в 1987 г. коллектив ленинградской школы № 603 Выборгского района посетил г. Псков для ознакомления с историей города и изучения опыта работы своих псковских коллег. Статья о данной поездке вышла в газете «Вечерний Ленинград». Экскурсия была подготовлена силами и средствами педагогов, администрации школы. В материале акцентировано внимание на том, что учителя «...выбирают из всех видов отдыха самый полезный – обучение и расширение своего кругозора, совершенствуют свои знания, делятся опытом» [7, л. 9]. Кроме посещения экскурсий, связанных непосредственно с работой, многие из них самостоятельно предпочитали такой вид досуга.

13 % учителей в свободное время состояли в различных клубах по интересам (клуб игроков в шахматы и шашки, литературный клуб, русские народные танцы, песни и др.) при домах культуры. Помимо кружков по интересам устраивались литературные вечера, которые педагоги охотно посещали в домах культуры. «Я, как человек страстно любящий литературу и русский язык, не пропускала ни одного поэтического вечера у нас в ДК. Выбирали какую-то тему, либо поэта, или писателя, готовились к обсуждению. Кто-то про биографию рассказывал, кто-то творчество цитировал. Очень интересно было на таких вечерах. Особенно интересно, когда в ход шла “запрещенка” того времени. Кому-нибудь из одноклубников неведомым нам способом удавалось достать, и вот мы, взрослые интеллигентные люди, тихонечко, чтобы никто не услышал и не понял, читали и обсуждали. Мы так однажды “Крутой маршрут” Гинзбург читали до 10 вечера. Некоторые издания домой предлагали взять почитать, но я из робких была, дорожила своей работой и семьей, брали только самые смелые. Я в этот клуб до 1993 года ходила, а потом вся жизнь поменялась, не до клубов особо было» [5, л. 34].

Показательно, что 81 % интервьюированных отметили тот факт, что их досуг не ограничивался каким-либо одним видом деятельности. «Я свое свободное время всегда по-разному проводила. Встречалась с друзьями, читала книги и газеты, ходила на кон-

церты, гуляла по городу, каталась зимой на лыжах, летом в волейбол играли всем домом. Но больше всего я любила с подругами куда-то ходить, или просто по городу гулять, совсем неважно. Главное, что ты в те моменты мог забыть о своих каких-то проблемах, поделиться переживаниями, да и просто весело провести время» [5, л. 49].

В досуговой деятельности любой социальной группы важную роль играли парки и места массового пребывания людей. Среди таких мест, которое отмечали 48 % ленинградских учителей в своих воспоминаниях, являлся Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова. Здесь в 1982–1991 гг. проводились различные мероприятия, которые посещали жители города, в том числе и педагоги (например, спортивные соревнования) [5, л. 26].

Среди ленинградцев, предпочитавших активный отдых и спорт, были и учителя. Многие из них участвовали в сдаче нормативов программы «Готов к труду и обороне» (далее – ГТО), которая была массовым занятием населения СССР. Педагоги отмечали, что для участия была необходима подготовка в свободное время. «У нас было не принято делать что-то “спустя рукава”. ГТО мы сдавали как учителя, чтобы показать пример своим ученикам, подтолкнуть их к занятиям спортом. Так вот, чтобы подготовиться и сдать нормативы на свою ступень, необходима была подготовка – отжимались, бегали, подтягивались, делали различные упражнения. Так что на подготовку к этому мероприятию тоже уходило свободное время, потому что ты как учитель не имел права сдать эти нормативы плохо» [5, л. 63].

Еще одной формой проведения досуга учителей являлись походы. Здесь следует подчеркнуть, что данные походы осуществлялись не только во внеурочное время; по свидетельствам, в походы отправлялись классами, педколлективами.

К активным формам досуговой деятельности также можно отнести и путешествия в другие города. Никто из педагогов за пределы страны в рассматриваемый период не выезжал, зато 17 % респондентов удалось посетить союзные республики СССР. В основном

данные поездки совершались в отпускной период [5, л. 32]. 69 % учителей ездили в отпуск на море в санатории, пансионаты, дома отдыха. В оздоровительные учреждения путевки часто выдавались профсоюзом школы, но некоторые приобретали их и самостоятельно.

Ленинградские педагоги выбирали и спокойное времяпровождение: чтение книг (показательные 93 %), газет, журналов, посещение кинотеатров, прогулки по городу, просмотр телевизора. Посещение кинотеатров вместо других форм досуга выбирало 13 % учителей, а тех, кто предпочитал просмотр телевизора, – 18 % [5, л. 51].

Среди форм досуговой деятельности, которую выбирали лишь 6 % интервьюированных, является посещение публичных лекций и чтений на разнообразные тематики. Такие мероприятия устраивались в домах и дворцах культуры, городских парках. Тематика была разнообразной, каждый выбирал интересовавшую его направленность [5, л. 13].

Более редким случаем среди учителей Ленинграда в рассматриваемый период являлось посещение каких-либо народных гуляний, праздников, ярмарок, фестивалей. Педагоги отмечали, что посещали подобные мероприятия редко или же совместно со своим школьным классом [5, л. 29].

Еще одним способом проведения свободного времени был поход в гости к друзьям и знакомым. Обычно такие посиделки устраивались в честь какого-то праздника или дня рождения, но дружеские визиты могли состояться и без особого повода. Среди опрошенных только 4 % педагогов отмечали, что посещали дискотеки. Остальные либо о такой форме досуга умалчивали, либо вспоминали об этом лишь ретроспективно, относительно студенческих лет [5, л. 29].

Из всех респондентов почти каждый (89 %) имел определенное хобби, которое было связано с практическим результатом. Учителя занимались вязанием, шитьем одежды, охотой, рыбалкой, садоводством, кулинарией. Некоторые учителя посвящали своему хобби буквально всю жизнь. В 1989 г. в газете «Вечерний Ленинград» вышла статья «Учитель днем – конструктор вечером», которая была

посвящена учителю физики Владимиру Михайловичу Михайлову [8]. В ней описывалась биография человека, который с детства мечтал стать военным летчиком, но из-за проблем со здоровьем не смог пройти экзамен по физической подготовке, и тогда его главным хобби стало авиамоделирование. Педагог, самостоятельно изучая литературу и историю этого вопроса, решил создавать модели самолетов из доступных материалов. И таким образом, к 1989 г. у него накопилось свыше 30 авиамodelей. В статье также подчеркивалось, что данное увлечение «...воспитывает не только дисциплину, но и трудолюбие, которое пригодится при поступлении на работу любого советского гражданина» [8, л. 10].

Среди увлечений учителей в те годы можно также выделить коллекционирование. Они собирали что-то памятное, знаковое и важное. Были, например, коллекционировавшие так называемое «народное творчество». Учитель трудового обучения ленинградской школы № 124 Юрий Валерьевич Ермаков в 1984 г. завел тетрадь для записи анекдотов. Последний анекдот его «коллекции» датирован 1997 г. Данные записи интересны для изучения не только как определенного хобби педагогов, но и с точки зрения общественного мнения, проблем, которые их волновали [5, л. 60].

Как отмечали сами учителя, их досуг зависел от времени года и места, где они находились. Те, кто уезжали летом на дачу или просто в сельскую местность к друзьям или родителям, вспоминали о своем свободном времени так: «Я когда к родителям на лето приезжала, там какая-то совсем другая жизнь начиналась. За внуками приглядят, да и я как ребенок была – ела, спала, на деревенские забавы ходила, никаких забот не было. По вечерам нас большая толпа собиралась, на пяточке в деревне. Играли в лапту, «горячую картошку», «казаки-разбойники», на речку ходили, за грибами и ягодами в лес, песни у костра пели, танцы устраивали, на мотоциклах гоняли в соседние села. В деревне всегда было, чем заняться, это вообще мой любимый период отпуска был» [5, л. 64].

К видам искусства, которыми увлекались педагоги, относились рисование, танцы, музыка. Среди учителей были разносторонние личности, хобби и увлечения которых практически не были связаны с их работой. Увлечения способствовали реализации их творческого потенциала, приносили удовольствие и моральное удовлетворение учителям.

Несмотря на загруженность, свободное время учителя посвящали именно той деятельности, которой не хватало в повседневности педагогов. Хобби и увлечения всегда помогают человеку не только раскрыть свои таланты и лучшие стороны личности, но и отвлечься от жизненных проблем. Все участники опроса свое личное время посвящали какому-либо активному или пассивному виду досуга. По предпочтениям педагогов о том, как про-

водить личное время и какое выбрать занятие, можно выявить не только направленность интересов, но и понять характер увлечений данной социальной группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При описании досуга учителей необходимо использовать анализ бюджета их времени. Он позволил установить то, каким образом распределялось время педагогов, на что его уходило больше всего, а в каких сферах жизни времени не хватало. Таким образом, досуговая деятельность учителей Ленинграда в 1982–1991 гг. отличалась разнообразием имевшихся хобби и увлечений. Прежде всего, на данную деятельность влияло количество свободного времени и личные предпочтения.

Список источников

1. Утехин И. В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда в 1970–90-е гг.: стереотипы повседневного поведения : дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 430 с.
2. Зубков И. В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ, 1870–1916. М. : Новый хронограф, 2004. 511 с.
3. Белова Н. А. Повседневная жизнь советских учителей: на материалах Костромской области. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. 517 с.
4. Иванченко Н. Ю. Условия труда и быта учителей Ленинградской области в послевоенные годы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 2. С. 34–45.
5. Полевые материалы автора. Результаты интервью Ю. М. Павленко с учителями Ленинграда, которые работали в школах города в изучаемый период времени.
6. Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга» (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-285. Д. 22.
7. Пудовкина О. И. Просветительская деятельность для народных просветителей // Вечерний Ленинград. 1987. № 39. С. 8–10.
8. Семёнов Ю. Е. Учитель днём – конструктор вечером // Вечерний Ленинград. 1989. № 17. С. 10–13.

Информация об авторе

Ю. М. Павленко – ассистент кафедры.

References

1. Utekhin I. V. Byt bolshikh kommunalnykh kvartir g. Leningrada v 1970–90-e gg.: stereotipy povsednevnogo povedeniia. Cand. Sci. (History) Thesis. Saint Petersburg; 2001. 430 p. (In Russian).
2. Zubkov I. V. Rossiiskoe uchitelstvo: povsednevaia zhizn prepodavatelei zemskikh shkol, gimnazii i realnykh uchilishch, 1870–1916. Moscow: Novyi khronograf; 2004. 511 p. (In Russian).
3. Belova N. A. Povsednevaia zhizn sovetskikh uchitelei: na materialakh Kostromskoi oblasti. Cand. Sci. (History) Thesis. Moscow; 2011. 517 p. (In Russian).
4. Ivanchenko N. Iu. Usloviia truda i byta uchitelei Leningradskoi oblasti v poslevoennye gody. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2008;(2):34–45. (In Russian).
5. Polevy materialy avtora. Interview held by Yulia Pavlenko with the teachers of Leningrad, who worked in the city schools during the studied period. (In Russian).
6. Sankt-Peterburgskoe gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie “Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga” (TsGAIPD SPb). F. R-285. D. 22. (In Russian).
7. Pudovkina O. I. Prosvetitelskaia deiatelnost dlia narodnykh prosvetitelei. *Vechernii Leningrad*. 1987;(39):8–10. (In Russian).
8. Semenov Iu. E. Uchitel dnem – konstruktor vecherom. *Vechernii Leningrad*. 1989;(17):10–13. (In Russian).

Information about the author

Yulia M. Pavlenko – Teaching Assistant.

Научная статья
УДК 373.1(091)(571.122)
doi: 10.35266/2949-3463-2023-4-9

ИДЕЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ГИМНАЗИИ В Г. СУРГУТЕ В 1990–1991 ГГ.: К ИСТОРИИ КЕЙСА ГОРОДСКОГО И ОБЩЕСОЮЗНОГО КРИЗИСОВ

Денис Валериевич Кирилюк

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
DenKirilyuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3898-2786>
ResearcherID: AAR-7070-2021

Аннотация. В статье при помощи историко-генетического метода, а также метода дискурс-анализа исследуется история создания первой гимназии в городе Сургуте в 1990–1991 годах. Автором сформулирована идея о том, что на примере общественных дискуссий, развернувшихся в городе Сургуте вокруг создания гимназии в это время, в одном кейсе можно увидеть признаки двух самостоятельных кризисов: городского кризиса и кризиса советской государственности. Их одновременное действие определило остроту, содержание и результаты обсуждения вопроса об открытии общеобразовательной гимназии в городе. Исследование основано на материалах архивов Сургута, Ханты-Мансийска и Тюмени, а также газеты «Сургутская трибуна».

Ключевые слова: школьное образование, школа, гимназия, Сургут, Советский Союз, городской кризис, кризис советской государственности

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Кирилюк Д. В. Идея создания первой гимназии в г. Сургуте в 1990–1991 гг.: к истории кейса городского и общесоюзного кризисов // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 4. С. 62–74. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-9.

Original article

THE IDEA OF THE FIRST GRAMMAR SCHOOL FOUNDATION IN SURGUT IN 1990–1991 UNDER CONDITIONS OF THE CITY CRISIS AND THE CRISIS OF THE SOVIET STATEHOOD

Denis V. Kirilyuk

Surgut State University, Surgut, Russia
DenKirilyuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3898-2786>
ResearcherID: AAR-7070-2021

Abstract. The article studies the history of foundation of the first Surgut grammar school in 1990–1991 using historical and genetic methods, as well as the method of discourse analysis. The author has stated the idea that through the example of public discussion, which took place in the city of Surgut concerning the first grammar school foundation, one can see the features of two independent crises: the city crisis and the crisis of the Soviet statehood. Their combined effect determined the immediacy, contents and results of the discussion. The research is based on materials of Surgut, Khanty-Mansiysk and Tyumen archives as well as the articles published in newspaper “Surgutskaja tribuna” at that time.

Keywords: school education, school, grammar school, Surgut, the Soviet Union, city crisis, the crisis of the Soviet statehood

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Kirilyuk D. V. The idea of the first grammar school foundation in Surgut in 1990–1991 under conditions of the city crisis and the crisis of the Soviet statehood. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2023;(4):62–74. DOI 10.35266/2949-3463-2023-4-9.

ВВЕДЕНИЕ

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. в отечественной истории были отмечены целым рядом судьбоносных событий, изменивших не только геополитическую ситуацию в мире, но и все стороны жизни советского/российского общества. В общем списке изменений, на первый взгляд, второстепенными и мало значимыми выглядели вопросы развития школьного дела. Однако в 1990–1991 гг. и в данной сфере были заложены основы для значительной модернизации системы образования, благодаря которым в последующие десятилетия произошло обновление форм, содержания и методов взаимодействия учителей, учащихся, родителей и общест-венности. Именно эти перемены в немалой степени сформировали внешний и внутрен-ний вид, а также направления работы совре-менных школ Российской Федерации.

Предметом данного исследования являет-ся обсуждение истории создания в г. Сургуте учебного заведения нового типа – гимназии. В издании, посвященном 15-летнему юбилею гимназии «Лаборатория Салахова», данное событие описано весьма схематично. По вос-поминаниям ее первого директора и идейного вдохновителя Валерия Шейхевича Салахова, эта идея возникла у него в конце 1980-х гг., когда он, работая руководителем Сургутско-го городского отдела народного образования, часто слышал от «наших лучших педагогов» мысль о том, что учебное заведение альтер-нативного типа давно необходимо городу Сургуту. В результате в 1990 г. был сделан выбор в пользу гимназии. 20 декабря 1991 г. решением Сургутского горисполкома № 622 в городе была образована общеобразователь-ная гимназия [1, с. 9, 24].

Юридической основой принятого реше-ния, согласно тексту названного постановле-ния исполкома, были «требования основных направлений реформы средней общеобразо-вательной и профессиональной школы, ти-пового Положения о школах с углубленным теоретическим и практическим изучением отдельных предметов» [2, л. 749]. Речь, без-условно, шла об основных тезисах школьной реформы в СССР 1984 г., когда в Постанов-лении Верховного Совета СССР от 12 апреля

1984 г. «Об основных направлениях общеоб-разовательной и профессиональной школы» предполагалось неуклонно и последова-тельно осуществлять меры, направленные на «повышение качества образования и коммуни-стического воспитания...», совершенствование всех форм и методов учебного процесса, улучшение управления народным образова-нием и т. д. [3]. В данном постановлении не говорилось о создании альтернативных учебных заведений, однако, предполагалось поощрение дальнейшего реформирования школьного образования, применение новых методов и технологий в учебно-воспитатель-ном процессе, что давало почву для деятель-ности педагогов-новаторов в стране.

«Положение о школах и классах с углуб-ленным теоретическим и практическим изу-чением отдельных учебных предметов» и вовсе было утверждено министром просве-щения РСФСР А. И. Даниловым 19 февраля 1974 г., т. е. задолго до начала эпохи пере-стройки. Согласно первому пункту данного положения предполагалась возможность от-крытия средних общеобразовательных школ, которые обеспечивали оканчивавшим углуб-ленное овладение знаниями и навыками по избранному учебным дисциплинам развитие теоретических способностей в соответствии с интересами и склонностями, что должно было способствовать сознательному выбору профессии [4]. В документе вновь говори-лось лишь о развитии такой деятельности в рамках средних общеобразовательных школ, а сами школы должны были открываться в со-ставе IX–X классов. Обобщая сказанное, мож-но сказать, что команда В. Ш. Салахова, при-нимая решение о создании гимназии в городе Сургуте, руководствовалась не столько «бук-вой закона», сколько «духом закона», поощ-рявшего улучшение качества образования в стране. Подобный подход в полной мере был оправдан в обстановке глубоких перемен перестроечной эпохи.

Вместе с тем, любопытным фактом было то, что идея открытия в Сургуте гимназии впер-вые появилась на страницах газеты «Сургут-ская трибуна» уже 13 декабря 1990 г., т. е. на 9 дней раньше принятого местным горис-полкомом решения. В статье «О гимназиях,

школах, лицеях» были даны ответы заместителя начальника городского управления народного образования (далее – ГУНО) В. С. Хворостовой на телефонные звонки сургутян в управление народного образования города по вопросам перспектив развития образования. В частности, отвечая на вопрос граждан о том, будет ли открыта альтернативная школа в одном из микрорайонов города, данный руководитель ответила уклончиво: «Мы считаем, что альтернативные школы следует открывать во вновь вводимых школах-новостройках» [5, с. 3]. Тем самым косвенно она признала, что решение об открытии гимназии уже разрабатывалось.

Несмотря на предварительную подготовку населения, необходимые отсылки к советскому законодательству в сфере образования, тем не менее, в последующие месяцы именно идея создания в городе гимназии стала одной из центральных тем дискуссий в общественно-политической жизни Сургута. Даже сам факт начала полемики на данную тему свидетельствовал о наличии серьезного кризиса в школьном образовании Советского Союза. В связи с этим актуальной исследовательской задачей является вопрос о том, что это был за кризис, был ли он порожден общегосударственными проблемами либо касался текущих вопросов развития местного хозяйства молодых нефтяных городов Ханты-Мансийского автономного округа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основное содержание исследования базируется на материалах Муниципального архива города Сургута. Это, прежде всего, протоколы заседаний Сургутского горисполкома, на которых обсуждались вопросы, связанные с созданием нового учебного заведения, вспомогательные документы, которые прилагались к данным протоколам, например, тексты решений производственного объединения «Сургутгазпром», резолюции жителей города и т. д. Важные статистические сведения по данной проблематике были извлечены из документов Государственного архива Югры и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области. Большое значение в выявлении палитры мнений представителей власти, родитель-

ской общественности в анализируемом вопросе имеют также публикации городской ежедневной газеты «Сургутская трибуна». Работа с этими источниками осуществлялась в рамках историко-генетического метода, который позволил определить причины, содержание и результаты общественных дискуссий по проблеме. При изучении текстов выступлений граждан в периодической печати использовался метод дискурс-анализа, посредством которого показана практика борьбы политических дискурсов вокруг темы гимназии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Причины, характер и итоги обсуждения идеи создания гимназии в г. Сургуте, на наш взгляд, уместно рассмотреть с позиции существования двух самостоятельных кризисов.

Городской кризис

В соответствии с решением Сургутского горисполкома от 20.12.1990 г. № 622 общеобразовательная гимназия должна была появиться в городе с 1 января 1991 г. в здании школы-новостройки центрального микрорайона. Интересно, что согласно официальным документам, инициатива принадлежала производственному объединению «Сургутгазпром» во главе с А. А. Пушкиным, которое в письме на имя руководителя горисполкома А. Л. Сидорова от 19 декабря 1990 г. просило у городских властей открыть в данной школе-новостройке общеобразовательную гимназию и компьютерный центр, соглашаясь в случае положительного решения данного вопроса стать базовым предприятием этого учебного заведения [2, л. 749, 752].

Авторитет одного из крупнейших градообразующих предприятий, казалось бы, должен был снять все вопросы относительно окончательного исхода дела. Поэтому уже 5 марта 1991 г. в газете «Сургутская трибуна» появилось объявление об открытии в городе общеобразовательной гимназии по адресу: ул. Бульвар Свободы, 6, в котором говорилось о начале приема в учебное заведение учащихся с 1 по 11 классы на конкурсной основе. Одновременно с этим общеобразовательная гимназия объявила конкурс на замещение вакантных должностей преподавателей всех учебных предметов общеобразовательной

школы, а также преподавателей этики, эстетики, логики, риторики, латинского языка, психологов, руководителей кружков – технического, эстетического циклов, руководителей драматической студии, изостудии, балльных, современных танцев, ритмики [6, с. 1]. Новое учебное заведение тем самым изначально продемонстрировало стремление подобрать наиболее квалифицированный и творческий состав кадров, а также лучших представителей школьной молодежи города. Особую важность событию придавал тот факт, что заявления от педагогов, выразивших желание работать в гимназии, принимались в отделе кадров городского управления народного образования в здании Сургутского горисполкома [6, с. 1], что указывало на вовлеченность властей города в данный процесс.

Именно это объявление стало катализатором всплеска общественной активности сургутян. Уже 22 марта 1991 г. в газете «Сургутская трибуна» был опубликован целый ряд сообщений, иллюстрировавших рост протестных настроений жителей города в вопросе открытия альтернативного учебного заведения в центральном микрорайоне. Статья имела весьма характерное название «Быть в Сургуте гимназии! Страхи», что свидетельствовало о получении местными властями многочисленных вопросов горожан о последствиях создания данного учебного заведения для жителей близлежащих домов.

Журналист Л. Чистова зафиксировала переживания населения города по вопросу о том, отдадут ли они своего ребенка в гимназию. Прозвучали следующие ответы: «Перекресток... машины детей подавят», «семья распадется: сын в гимназию попадет, а дочь по конкурсу не пройдет» [7, с. 3]. То есть горожан волновали проблемы благоустройства пришкольных территорий, обеспечения безопасности перехода детей через дорогу в случае необходимости ходить в школу в другой микрорайон, даже более субъективные опасения о том, что обучение двоих детей одной семьи в разных образовательных учреждениях может способствовать ее распаду. Подобные страхи, на наш взгляд, можно с полным основанием считать следствием системных

проблем в развитии сургутского городского хозяйства в 1960–1980-е гг.

Многочисленные трудности с освоением территории Северо-Западной Сибири в процессе строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса отмечались целым рядом местных ученых-историков. В них красной нитью проходит тезис об отсутствии единой политики в планировании и развитии данного пространства, ведомственности [8–12], которые проявлялись в том числе в вопросах образования [13], а также в строительстве и эксплуатации автодорог [14]. Неслучайно, по словам тюменского историка-урбаниста И. Н. Стася, «городское расселение, процесс формирования городской среды в новых населенных пунктах нефтедобывающих районов подчинялся бессистемным производственно-хозяйственным законам» [15, с. 66].

Наиболее серьезным последствием действия таких «бессистемных производственно-хозяйственных законов», применительно к данному исследованию, была проблема недостатка школ в городе и неравномерности их размещения на территории г. Сургута [9, с. 134]. Об этом откровенно рассказала одна из опрошенных журналистами сургутянок – Т. Позднякова: «Мы живем в Сургуте более 20 лет, и все эти годы было недостаточно школ, даже сейчас, несмотря на большой скачок в строительстве учебных заведений» [7, с. 3]. Действительно, значительный приток населения в Югру во второй половине 1960-х – 1980-е гг. привел к хронической нехватке мест в школах. Так, в 1985 г. в Сургуте обеспеченность школьными местами на 100 детей составляла 60 мест при норме 96 мест [16, л. 10]. Это приводило к росту сменности занятий в школе. В том же 1985 г. во вторую смену обучались 11 154 человек (42 % от их общего числа) [16, л. 105]. Неуклонно увеличивалось и количество школьников, обучавшихся в третью смену. В 1988 г. таких в Югре насчитывалось более 6,5 тыс. человек [17, л. 16]. В 1991 г. работали в три смены и многие сургутские школы [18, с. 3].

Именно поэтому родительская общественность Сургута стала решительно выступать против идеи передачи школы-новостройки в

центральном микрорайоне под гимназию для учащихся со всего города. Уже 28 марта 1991 г. в редакцию газеты «Сургутская трибуна» поступило письмо, под которым стояли подписи жителей этого микрорайона на 18 страницах. Газета справедливо озаглавила заметку о событии: «Самим охота учиться» [19, с. 3], отразив возмущение сургутян необходимостью в случае открытия альтернативного учреждения ходить на занятия в школы других микрорайонов.

Несмотря на это местные власти первое время не считали нужным вносить коррективы в принятое 20 декабря 1990 г. решение, полагая, что горожанами движет в большей степени элементарное чувство зависти по отношению к семьям более «успешных» учащихся и страх не поступить в данное учебное заведение со стороны родителей остальных школьников. «Сургутская трибуна» выразила это в противопоставлении «слишком умных» и «дураков» [19, с. 3], проигнорировав, по сути, более справедливые опасения жителей Сургута об отсутствии доступности школы для детей конкретного микрорайона.

Более того, разгоравшемся общественному протесту 6 апреля 1991 г. газета опубликовала объявление «К сведению родителей, подавших заявления о приеме детей в гимназию!», в котором сообщалось о датах проведения вступительных испытаний (проверочных работ) и консультациях всех заинтересованных лиц по данному вопросу со стороны приемной комиссии гимназии [20, с. 1]. Одновременно с этим в марте – начале апреля 1991 г. газета напечатала целый ряд материалов в поддержку идеи гимназии, подписанных учителями средней школы № 19 города Т. Молокаловой и Л. Драчевой, журналистом Л. Чистовой, отдельными родителями, зав. городским методкабинетом Н. Коноваловой [7, с. 3; 21, с. 3], которые также могли быть восприняты общественностью центрального микрорайона Сургута как отсутствие внимания у городских властей к своим законным опасениям.

В подобной обстановке конфликт было уже невозможно остановить. 13 апреля 1991 г. на улицу впервые вышли жители централь-

ного микрорайона. На сходе, в котором, по их данным, приняло участие 305 человек, был выражен протест «произволу властей, препятствующих открытию вновь построенной школы – единственной в этом микрорайоне... Сегодня, зная о нашем протесте, Салахов начал набор учеников в гимназию. Этим самым провоцируется столкновение учеников, родителей, педагогов и властей города» [22, с. 1].

В итоге, сход потребовал отменить решение о передаче помещения школы под гимназию. Не удовлетворившись только им, участники оппозиционной группы выдвинули также и более серьезные претензии, а именно: «за безответственное отношение к жизненным интересам жителей центрального микрорайона и принятие незаконного решения о закрытии общеобразовательной школы в тайне от общественности города» [22, с. 1]. Они потребовали отставки председателя Сургутского горисполкома А. Л. Сидорова и начальника ГУНО В. М. Салахова.

20 апреля 1991 г. сход сургутян-активистов повторился. Местные власти в лице председателя Сургутского городского Совета народных депутатов А. Е. Лошакова и начальника городского управления народного образования В. Ш. Салахова были вынуждены выступить с разъяснениями перед митинговавшими. Несмотря на их объяснения значимости принятого решения об открытии в Сургуте гимназии, участники схода вновь потребовали от «руководства города, горисполкома... отменить решение об открытии гимназии на базе школы центрального микрорайона», «начать прием заявлений в школу», дать письменные ответы для депутатов городского и окружного Советов на вопросы о том, как принималось решение об открытии гимназии, как должно приниматься решение об открытии общеобразовательной школы» [23, с. 3].

В инициативную группу по отмене решения об открытии в городе гимназии входили жители центрального микрорайона: Ю. И. Руквишников, В. И. Камышина, В. В. Ивлева. Однако их требования нашли поддержку у части депутатов г. Сургута (Е. С. Брюшко,

А. Н. Пасечник, В. А. Долгалев, Г. А. Бикреев, И. А. Китайкин), среди которых особенную активность проявлял Г. А. Бикреев [23, с. 3]. Это значительно усилило позиции противников гимназии.

Так в общественно-политической жизни Сургута наступил один из самых серьезных кризисов за все время существования молодого нефтяного города. Его основные причины вновь и вновь озвучивались на страницах «Сургутской трибуны» рядовыми жителями города. Так, в номере от 7 мая 1991 г. житель центрального микрорайона В. Казмирчук писал: «Конечно, гимназия, как альтернатива, имеет право на жизнь. Но ведь сначала должна быть в микрорайоне школа для основной части жителей, а потом уж для избранных! Есть две соседние школы в микрорайоне энергетиков, почему бы одну из них не превратить в гимназию?» [24, с. 3].

Отсутствие четкости и продуманности в планировании городской застройки, нехватка школ в новых микрорайонах Сургута, являвшиеся следствием поспешности строительства городов Югры в 1960–1980-е гг. и ведомственного характера освоения территории, породили проблему, которая в мае 1991 г. на время затмила даже вопросы распада советской государственности. Более того, количество участников движения против открытия в центральном микрорайоне гимназии неуклонно возрастало, как и их общественная активность. Судьба первой сургутской гимназии оказалась, таким образом, под большим вопросом.

Общесоюзный кризис

Важно понимать, что описываемый конфликт в общественно-политической жизни г. Сургута вольно или невольно вплетался в общую канву развития советского общества накануне распада СССР. Это проявлялось, прежде всего, в многочисленных апелляциях к общесоюзному контексту со стороны участников дискуссий об открытии общеобразовательной гимназии в городе. Например, уже в статье от 13 декабря 1990 г., обосновывая необходимость открытия альтернативного учебного заведения в Сургуте, заместитель начальника ГУНО В. С. Хворостова

сказала: «В стране идет открытие таких школ» [5, с. 3]. Отсылки на общесоюзную ситуацию продолжились и в последующих публикациях о создании сургутской гимназии: «гимназия – учебное заведение, апробированное в Союзе», «по всей стране уже работают сотни лицеев, гимназий, колледжей» [7, с. 3] и т. д. Тот факт, что в стране работали «сотни лицеев, гимназий, колледжей», притом, что в государстве не существовало для этого полной законодательной базы, – лучшее свидетельство общесоюзного кризиса в отечественной системе образования.

Второй стороной разраставшегося кризиса было негативное восприятие советской школы со стороны все большего числа граждан страны. Так, одна из сургутских родительниц Т. Позднякова, говоря о своей поддержке идеи открытия гимназии в городе, писала: «Радостно узнать, что и в Сургуте позаботились о детях, о будущем поколении города» [7, с. 3], давая тем самым очень низкую оценку качества подготовки учащегося в советской общеобразовательной школе. По мнению автора, только обучение в гимназии предоставляло молодежи какие-то реальные перспективы в жизни.

Ей вторили и упоминавшиеся выше учителя средней школы № 19 г. Сургута Т. Молокалова и Л. Драчева, писавшие: «Желаем родителям, которым не безразлична судьба их детей, поторопиться подать заявление на участие в конкурсе кандидатов в гимназисты» [7, с. 3]. В их тексте уже ставится знак равенства между отправкой ребенка в обычную среднюю школу и отсутствием заботы о нем со стороны родителей. Кризис доверия к прежней советской системе образования в полной мере иллюстрирован результатами первого же конкурсного отбора гимназистов в апреле 1991 г. Количество сургутских семей, пожелавших отдать своего ребенка на обучение в это учебное заведение, оказалось впечатляющим: конкурс был сопоставим с приемом в престижные вузы страны: в 1-х классах он составлял 10 человек на место, а во 2-х классах – 4 человека на место [25, с. 3].

Впоследствии, когда в результате протестных акций в апреле – мае 1991 г. будущее

гимназии оказалось под вопросом, ее сторонники сформулировали и еще более эмоциональный, отрицательный образ советской школы. Так, журналист Н. Иванников 7 мая 1991 г. написал: «А что касается гимназии, то, поверьте на слово, очень многие сургутяне искренне вам завидуют. Ведь ваши дети имеют возможность первыми преодолеть рубежи серости и уравниловки» [23, с. 3]. Обучение в гимназии, таким образом, представлялось как удача, счастливый случай, предоставленные не всем, тогда как массовая советская школа, по мнению журналиста, обезличивала молодого человека, лишая его возможности реализовать свои индивидуальные запросы на обучение. Этот же образ был повторен в газете «Сургутская трибуна» от 29 мая 1991 г., посвященной развязке конфликта вокруг гимназии, в статье с характерным названием «Средняя школа под окнами, откуда выходят средние ученики» [26, с. 1].

Подобные сравнения в материалах газеты дополнялись образами дореволюционных учебных заведений, особенно Царскосельского лицея, в котором обучался великий русский поэт А. С. Пушкин. Так, в статье от 7 мая 1991 г. с символическим названием «Жизнь остановить нельзя» автор, депутат горсовета, Л. А. Манакова приводит цитату из стихотворения поэта: «В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал...». Акцентируя внимание на «уникальной системе преподавания, основанной на исключительном внимании к личности воспитанника-лицейца», она задала вопрос читателям: «придет ли в голову современному школьнику сказать так применительно к своей жизни: «я безмятежно расцветал?»» [27, с. 3]. Схожий вопрос «Где наши Пушкины и Ломоносовы?» был поднят директором детской компьютерной школы С. П. Митрофановым позднее [28, с. 2]. Тем самым сторонники открытия гимназии очевидно использовали в своей аргументации антикоммунистический дискурс: отсылки к дореволюционному российскому опыту в системе образования, противопоставление гимназии с уникальным образованием, ориентированным на лич-

ность учащегося, «тискам единой политехнической школы», которые лишали учеников детства.

В свою очередь, противники открытия в г. Сургуте гимназии использовали образы и приемы, характерные для коммунистического дискурса. Так, 22 марта 1991 г. в перечне претензий к проекту открытия гимназии от жителей центрального микрорайона города прозвучали следующие обвинения: «Элитарное образование выдумали», «А я – как все. Учиться с блатными? Пусть в обычную школу ходят!» [7, с. 3]. Противники существования альтернативного учебного заведения в Сургуте попытались использовать проверенные общественно-политической практикой Советского Союза призывы к восстановлению принципов социалистической справедливости, нарушенных созданием школы для одаренных детей.

Более радикально на эту тему высказался ветеран педагогического труда г. Сургута А. Н. Сибирцев, заявивший в ходе общегородской дискуссии на страницах «Сургутской трибуны» буквально следующее: «Вход в рыночные отношения ведет к расслоению общества. И к появлению новых типов учебных заведений для элиты, возрождающихся дворян и купцов» [29, с. 2]. Для наиболее консервативно настроенных граждан открытие гимназии было еще и зримым признаком неравенства, опасности появления новой буржуазии, что выразилось у Андрея Николаевича в контрпредложении: «...необходимо предоставить новое здание педучилищу», а не «гимназической элите» [29, с. 2].

Наконец, еще одним проявлением общегосударственного кризиса в данных дискуссиях стали взаимные обвинения по вопросу о методах решения конкретной проблемы. Их первопричина заключалась в распаде партийно-государственной системы в стране в конце перестройки и нарастании негативного отношения к советской власти. Так, сургутский исследователь Д. В. Сердюков показал, что усиление кризисной ситуации в экономике и в социальной сфере способствовало росту общественного недоверия к КПСС, а также к советам народных депу-

татов [30, с. 16, 19]. Это в полной мере проявилось в заголовках публикаций в газете «Сургутская трибуна» в первой половине 1991 г.: «Я был заложником Политбюро», «Государству мы не нужны», «Право на беспорядке», «Беспредел», «Перестройка не состоялась, это факт», «Горько и обидно», «А есть ли комсомол?», «Хотим за бугор», «Лишние в бюджете», «Не до нас», «Кризис очевиден», «Обманет ли власть и на этот раз?» [31, с. 3; 32, с. 4; 33, с. 3; 34, с. 1; 35, с. 2; 36, с. 3; 37, с. 2; 38, с. 3; 39, с. 3; 40, с. 3; 41, с. 1; 42, с. 2] и др.

В обстановке всеобщего недоверия любые действия оппонентов в спорах вокруг открытия сургутской гимназии обрастали обвинениями в подтасовках, корыстных интересах и волонтаризме. К примеру, жители центрального микрорайона и поддерживавшие их депутаты во главе с Г. А. Бикреевым в резолюции по итогам схода 13 апреля 1991 г. обвинили власти в произволе, злоупотреблении терпением населения. При этом отдельно выделялся личностный фактор – «произвол Салахова» [22, с. 1].

В свою очередь, руководство города, в том числе другие депутаты горсовета Л. А. Манакова и А. М. Васильева, а также местные журналисты в начале мая 1991 г. обвинили Г. А. Бикреева в том, что он не являлся депутатом от данного избирательного округа, резолюция схода жителей была принесена им уже напечатанной, а сам депутат и его группа зарабатывали на проблемах людей «дешевую популярность». Сомнению была подвергнута и численность горожан, участвовавших в сходе 13 апреля. По мнению читателей «Сургутской трибуны», их было не более 100 человек, а не 305 [23, с. 3].

В ответ на это, 20 мая 1991 г. состоялся очередной сход жителей центрального микрорайона, в результате которого возникла новая резолюция, обвинявшая местные власти, а также газету «Сургутская трибуна» в нежелании вести переговоры («нас забалтывают»), обмане общественности, нападках на членов инициативной группы и депутатов, ее поддерживавших. Участники протестной группы вновь заявили о требовании

открыть в их микрорайоне не гимназию, а общеобразовательную школу, предложить кандидатуру директора данной школы, прекратить набор учеников в гимназию и не объявлять его результаты. В случае невыполнения этих требований они выражали готовность оставить рабочие места 1 сентября и устроить в школе пикеты [43, л. 10], чтобы сорвать таким образом начало учебного года в альтернативном учебном заведении.

К этому времени протестовавшим удалось добиться первых реальных успехов. Так, 17 мая 1991 г. не выдержало производственное объединение «Сургутгазпром», написавшее пятью месяцами ранее, 19 декабря 1990 г., ходатайство об открытии гимназии. На Совете предприятия было рассмотрено обращение от 600 жителей центрального микрорайона, требовавших аннулировать данное ходатайство. В итоге предприятие согласилось остаться базовым для этой школы-новостройки, но свое ходатайство об открытии здесь гимназии отозвать [43, л. 9]. При этом члены инициативной группы подчеркивали, что их позиция искажена в средствах массовой информации. На самом деле они не являются противниками идеи гимназии, но выступают против ликвидации общеобразовательной школы в их микрорайоне [43, л. 10].

С целью окончательного решения проблемы, 24 мая 1991 г. в здании Сургутского горисполкома состоялось внеочередное заседание, в котором приняли участие депутаты, учителя и жители центрального микрорайона. Председатель горисполкома А. Л. Сидоров ознакомил всех собравшихся с предысторией вопроса, в том числе и с информацией о том, что в результате действий инициативной группы и нескольких депутатов, развернувших кампанию за открытие в микрорайоне обычной общеобразовательной школы, в которую могли бы ходить все проживавшие в районе учебного заведения дети, «Сургутгазпром» отозвал свое ходатайство об открытии там гимназии.

Вместе с тем, по словам А. Л. Сидорова, вступительные испытания в гимназию уже прошли. Из числа поступивших в нее гимназистов 36 % учащихся составляли дети цен-

трального микрорайона. На переоборудование школы под гимназию уже были потрачены средства, а желание учиться в гимназии высказали жители со всех районов города. В этой ситуации руководителем г. Сургута был поставлен главный вопрос – «быть или не быть гимназии в условиях, когда все соглашаются с тем, что она нужна, но расходятся лишь в том, быть ли ей в данном месте» [26, с. 1].

В результате бурных дебатов Сургутский горисполком принял решение № 417 «О внесении дополнений к решению исполкома № 622 от 20 декабря 1990 г.», в соответствии с которым решение об открытии гимназии было оставлено в силе, однако, в здании гимназии должно было быть организовано обучение по программе общеобразовательной школы всех учащихся 1–3 классов центрального микрорайона. Управление внутренних дел города со своей стороны должно было разработать мероприятия по обеспечению безопасного перехода учащихся проезжих частей дорог, прилегающих к школам [43, л. 5].

Достигнутый в результате длительного противостояния компромисс в полной мере не удовлетворил никого из участников этого, ставшего историческим, заседания Сургутского горисполкома. Педагоги-новаторы в лице начальника городского управления народного образования города В. Ш. Салахова были вынуждены согласиться с решением о необходимости обучения в гимназии вне конкурсного отбора по обычной школьной программе учащихся близлежащих домов. Была вынуждена уступить и родительская общественность, смирившись с вероятностью смены школы своими детьми в старших классах. Полемика между сторонами конфликта продолжилась и в последующие месяцы. Так, в июне 1991 г. президиум городского Совета народных депутатов, несмотря на то, что поддержал решение горисполкома от 20 декабря 1990 г. № 622 «Об открытии общеобразовательной гимназии», решил «указать» председателю горисполкома А. Л. Сидорову на его неподготовленность и потребовать выявить виновников, работников аппарата,

в этом [44, с. 1]. Слова «за» и «против» гимназии продолжали будоражить горожан все лето 1991 г [28, с. 2; 45, с. 1; 46, с. 1].

К сожалению, дело не закончилось только словесной перепалкой. 10 сентября 1991 г., несмотря на компромиссное решение горисполкома от 24 мая, во время торжественной линейки, посвященной открытию гимназии, ее противники, возглавляемые депутатами Сургутского горсовета В. И. Ардилем и Г. А. Бикреевым, выполнили свою майскую угрозу и выставили пикеты у здания этого учебного заведения. Произошло три драки между родителями (сторонниками и противниками гимназии, родителями и депутатами), которые вынуждены были разнимать исполняющий обязанности начальника Сургутского УВД Ф. Н. Бондарчук и взвод патрульно-постовой службы, вызванный им на подмогу. Лишь в результате переговоров инициативная группа противников гимназии согласилась убрать пикеты и был обеспечен свободный доступ в учебное заведение [47, с. 1; 48, с. 1].

Новый всплеск противостояния привел к тому, что уже на следующий день, 11 сентября 1991 г., состоялось заседание президиума Сургутского городского Совета народных депутатов, на котором были рассмотрены обстоятельства инцидента вокруг официального открытия первой общеобразовательной гимназии в г. Сургуте. Действия депутатов В. И. Ардила и Г. А. Бикреева были объявлены провокационными и незаконными, направленными на «подстрекательство к беспорядкам», в результате чего был нанесен материальный ущерб зданию гимназии (участники акции, по воспоминаниям одного из очевидцев, молодой учительницы М. А. Ставрук, бросали в здание гимназии камни [49]) и моральный – педагогическому коллективу. Подобное поведение было осуждено остальным депутатским корпусом [50, с. 1]. В ответ на это 10 октября 1991 г. на VI сессии городского Совета народных депутатов оппозиция вновь подняла вопрос об отмене решения Сургутского горисполкома от 20 декабря 1990 г. об открытии общеобразовательной гимназии. Он даже был поставлен на голосо-

вание, и депутаты 84 голосами «за» снова выразили поддержку проекту В. Ш. Салахова. Более того, на этой же сессии депутаты 92 голосами вторично осудили действия протестовавших [51, с. 1].

На данном этапе конфликта, как указано в материалах газеты «Сургутская трибуна», публичный дискурс противоборствовавших сторон стал еще более радикальным, что соответствовало настроениям советского общества после провала августовского путча ГКЧП. Депутаты горсовета обвинили оппозиционную группу уже не просто в дешевом популизме, а в незаконных действиях. В свою очередь, депутат В. И. Ардиль также назвал действия городских властей (горисполкома) нарушением законодательства, поскольку решением сессии депутатов горсовета XX созыва в центральном микрорайоне должна была открыться именно общеобразовательная школа, а не гимназия. Начались апелляции и к Конституции страны [52, с. 2].

Главное, однако, было уже сделано – в г. Сургуте за несколько месяцев до распада Советского Союза возникло учебное заведение нового типа – гимназия, предполагавшая конкурсный отбор учащихся и педагогов, широкий спектр преподаваемых предметов и большие возможности по дополнительному образованию детей. Вполне можно согласиться с мнением тюменских исследователей Н. Ю. Гавриловой, В. П. Карпова и О. И. Головановой о том, что глубинной причиной, благодаря которой стало возможным подобное явление, было изменение духовных запросов населения городов-новостроек в 1980-е гг. [53, с. 54]. Уже в июне 1991 г. В. Ш. Салахов покинул пост руководителя Сургутского управления народного образования и стал первым директором создаваемой гимназии. Вопреки всем препятствиям новое учебное заведение уверенно входило в свой первый 1991/92 учебный год.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События, произошедшие в Сургуте с 20 декабря 1990 по 10 октября 1991 гг., стали результатом множества причин, среди которых особенное место занимают советские прак-

тики управления, процентомания и ведомственный характер освоения Северо-Западной Сибири. Именно они заложили основу тех трудностей, которые вынуждено было решать сургутское руководство накануне распада СССР. Город Сургут, который в советский период истории выполнял прикладные функции по обеспечению страны теми или иными природными ресурсами либо был поставщиком кадров для близлежащих промышленных предприятий, открыто и решительно начал бороться за свое новое предназначение.

Несмотря на то, что в современных историко-антропологических исследованиях можно найти аналогичные случаи и в более ранние периоды советской истории (см. кейс г. Ханты-Мансийска 1950 г. [54] или г. Обнинска в 1960-е гг. [55]), данная ситуация была по-своему уникальной, поскольку сургутянам в этой борьбе приходилось преодолевать сопротивление очень сильных ведомственных интересов, прежде всего, со стороны предприятий топливно-энергетического комплекса. Более того, именно кейс Сургута 1990–1991 гг. демонстрирует эрозию понятия «ведомственные интересы», когда в ходе обсуждения идеи гимназии выяснилось, что в производственном объединении «Сургутгазпром» также работали сургутяне-родители, которым оказались близки претензии и страхи общественности центрального микрорайона города.

Идеи, высказанные горожанами в ходе дискуссий в конце 1990 – 1991 гг., можно свести к следующим основным требованиям: 1) обеспечение доступности школьного образования и безопасности городской среды, в том числе безопасности перехода детьми автодорог (оппозиционная группа); 2) повышение качества образования и удовлетворение индивидуальных образовательных потребностей сургутян (сторонники гимназии). Обе позиции, несмотря на накал противостояния, были едиными в желании сделать город комфортным местом проживания человека, где бы учитывались интересы всех его жителей и создавались возможности и перспективы для будущих поколений.

Данный кризис в Сургуте протекал на фоне другого, более глобального – кризиса советской государственности, что проявлялось в использовании противоборствующими сторонами риторики перестроечной эпохи (коммунистического и антикоммунистического дискурсов), взаимных обвинений в злоупотреблениях, волюнтаризме и дешевом популизме, развитии методов уличной демократии и даже, на завершавшем этапе, в незаконных действиях. Показательной сто-

роной общесоюзного кризиса было то, что за все время спора вокруг идеи создания сургутской гимназии в него не вмешались ни окружные, ни областные, ни центральные власти, предоставив жителям города право самим решать свои проблемы. Так, вследствие переплетения двух кризисов (городского и общесоюзного) в Сургуте было положено начало формированию современной системы образования.

Список источников

1. Гимназия «Лаборатория Салахова»: успех, проверенный временем. 1991–2006. М. : Спец-Адрес, 2006. 200 с.
2. Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 514.
3. Постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1991 г. № 13-ХІ «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12023.htm?ysclid=lp2i8arm3k466650973 (дата обращения: 10.11.2023).
4. Положение о школах и классах с углубленным теоретическим и практическим изучением отдельных учебных предметов от 19 февраля 1974 г. № 81-М // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8256.htm?ysclid=lp2i9fl3zz728302970 (дата обращения: 10.11.2023).
5. Хворостова В. О гимназиях, школах, лицеях // Сургутская трибуна. 1990. 13 дек. С. 3.
6. Девчонки и мальчишки, а также их родители! // Сургутская трибуна. 1991. 5 марта. С. 1.
7. Чистова Л. Быть в Сургуте гимназии! Страхи // Сургутская трибуна. 1991. 22 марта. С. 3.
8. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
9. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут : Диорит, 2005. 256 с.
10. Колева Г. Ю. Создание системы ведомственных сельхозпредприятий в период интенсивного нефтегазового освоения Западной Сибири // Проблемы модернизации Сибирского Севера : сб. науч. тр. / отв. ред. В. П. Карпов. Тюмень, 2011. С. 256–259.
11. Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига // Родина. 2012. № 8. С. 20–23.
12. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.

References

1. Gimnaziia “Laboratoriia Salakhova”: uspekhi, proverennyi vremenem. 1991–2006. Moscow: Spets-Adres; 2006. 200 p. (In Russian).
2. Munitsipalnoe kazennoe uchrezhdenie “Munitsipalniy arkhiv goroda Surguta” (MKU “Munitsipalniy arkhiv goroda Surguta”). F. 3. Op. 1. D. 514. (In Russian).
3. Resolution of the Supreme Soviet of the USSR of April 12, 1991 No. 13-XI “On the Main Trusts of Reforming Comprehensive and Professional Schools”. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12023.htm?ysclid=lp2i8arm3k466650973 (accessed: 10.11.2023). (In Russian).
4. Regulation on Schools and Classes with a Strong Focus on Individual Subjects of February 19, 1974 No. 81-M. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8256.htm?ysclid=lp2i9fl3zz728302970 (accessed: 10.11.2023). (In Russian).
5. Khvorostova V. O gimnaziakh, shkolakh, litseiakh. *Surguskaia tribuna*. December 13, 1990. p. 3. (In Russian).
6. Devchonki i malchishki, a takzhe ikh roditeli. *Surguskaia tribuna*. March 5, 1991. p. 1. (In Russian).
7. Chistova L. Byt v Surgute gimnazii! Strakhi. *Surguskaia tribuna*. March 22, 1991. p. 3. (In Russian).
8. Gavrilova N. Iu. Sotsialnoe razvitiie neftegazodobyvaiushchikh raionov Zapadnoi Sibiri (1964–1985). Tyumen: TiumGNGU; 2002. 283 p. (In Russian).
9. Prishchepa A. I. Istoriia Surguta vtoroi poloviny XX veka. Surgut: Diorit; 2005. 256 p. (In Russian).
10. Koleva G. Iu. Sozdanie sistemy vedomstvennykh selkhozpredpriatii v period intensivnogo neftegazovogo osvoeniia Zapadnoi Sibiri. In: Karpov V. P., editor. *Collection of scientific papers “Problemy modernizatsii Sibirskogo Severa”*. Tyumen; 2011. p. 256–259. (In Russian).
11. Karpov V. P. Anatomiiia Tiumenskogo podviga. *Rodina*. 2012;(8):20–23. (In Russian).
12. Stas I. N. Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriia gradostroitelnoi politiki v Khanty-Mansiiskom okruge (1960-e – nachalo 1990-kh gg.). Surgut: Defis; 2016. 258 p. (In Russian).
13. Leshukova E. V. Contribution of oil college to formation of vocational education of Surgut in the

13. Лешукова Е. В. Вклад нефтяного техникума в становление профессионального образования Сургута в 1970-е годы // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 3 (39). С. 67–72.
14. Веселов С. И. Влияние ведомственных интересов нефтяников на проектирование, строительство и эксплуатацию сети автодорог Ханты-Мансийского округа (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 4 (52). С. 63–75.
15. Стась И. Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 64–71.
16. Государственный архив Югры (ГАЮ). [Полное название учреждения: Казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»; сокращенное название учреждения: КУ «Государственный архив Югры»] Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 767.
17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2766.
18. Хроническая безалаберность // Сургутская трибуна. 1991. 12 сент. С. 3.
19. Самим охота учиться // Сургутская трибуна. 1991. 28 марта. С. 3.
20. К сведению родителей, подавших заявления о приеме детей в гимназию! // Сургутская трибуна. 1991. 6 апр. С. 1.
21. Коновалова Н. Чтобы учитель стал Сократом // Сургутская трибуна. 1991. 7 апр. С. 3.
22. Единственная на весь микрорайон: школа, гимназия? // Сургутская трибуна. 1991. 19 апр. С. 1.
23. Иванников Н. Под митинговую оркестровку // Сургутская трибуна. 1991. 7 мая. С. 3.
24. Казмирчук В. Только для избранных? // Сургутская трибуна. 1991. 7 мая. С. 3.
25. Березницкий Л. Гимназия начинается так // Сургутская трибуна. 1991. 17 апр. С. 3.
26. Гареева Н. Средняя школа под окнами, откуда выходят средние ученики // Сургутская трибуна. 1991. 29 мая. С. 1.
27. Манакова Л. Жизнь остановить нельзя // Сургутская трибуна. 1991. 7 мая. С. 3.
28. Митрофанов С. Думайте сами, решайте сами // Сургутская трибуна. 1991. 3 июля. С. 2.
29. Сибирцев А. Вместо гимназии – педучилище // Сургутская трибуна. 1991. 3 апр. С. 2.
30. Сердюков Д. В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985–1991 гг.: региональный аспект (на материалах ХМАО) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 23 с.
31. Я был заложником Политбюро // Сургутская трибуна. 1991. 12 янв. С. 3.
32. Государству мы не нужны // Сургутская трибуна. 1991. 18 янв. С. 4.
33. Питык С. Право на бесправие // Сургутская трибуна. 1991. 8 февр. С. 3.
34. Veselov S. I. Influence of departmental interests of oil producers on the design, construction and operation of the Khanty-Mansiysk okrug road network (late 1970s – early 1990s). *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2022;4(52):63–75. (In Russian).
15. Stas I. N. Urbanizatsiia kak khoziaistvo: vedomstvennye goroda neftedobyvaiushchikh raionov Zapadnoi Sibiri. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*. 2014;(1):64–71. (In Russian).
16. Kazennoe uchrezhdenie Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry “Gosudarstvennyi arkhiv Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry” (KU “Gosudarstvennyi arkhiv Iugry”). F. R-5. Op. 1. D. 767. (In Russian).
17. Gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti “Gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti” (GBUTO GASPITO). F. 107. Op. 1. D. 2766. (In Russian).
18. Khronicheskaiia bezalabernost. *Surguskaia tribuna*. September 12, 1991. p. 3. (In Russian).
19. Samim okhota uchitsia. *Surguskaia tribuna*. March 28, 1991. p. 3. (In Russian).
20. K svedeniiu roditelei, podavshikh zaiavleniia o prieme detei v gimnaziuu. *Surguskaia tribuna*. April 6, 1991. p. 1. (In Russian).
21. Konovalova N. Chtoby uchitel stal Sokratom. *Surguskaia tribuna*. April 7, 1991. p. 3. (In Russian).
22. Edinstvennaia na ves mikroraion: shkola, gimnaziia? *Surguskaia tribuna*. April 19, 1991. p. 1. (In Russian).
23. Ivannikov N. Pod mitingovuiu orkestrovku. *Surguskaia tribuna*. May 7, 1991. p. 3. (In Russian).
24. Kazmirchuk V. Tolko dlia izbrannykh? *Surguskaia tribuna*. May 7, 1991. p. 3. (In Russian).
25. Berezniiskii L. Gimnaziia nachinaetsia tak. *Surguskaia tribuna*. April 17, 1991. p. 3. (In Russian).
26. Gareeva N. Sredniaia shkola pod oknami, otkuda vykhodiat srednie ucheniki. *Surguskaia tribuna*. May 29, 1991. p. 1. (In Russian).
27. Manakova L. Zhizn ostanovit nelzia.. *Surguskaia tribuna*. May 7, 1991. p. 3. (In Russian).
28. Mitrofanov S. Dumaite sami, reshaite sami. *Surguskaia tribuna*. July 3, 1991. p. 2. (In Russian).
29. Sibirtsev A. Vmesto gimnazii – peduchilishche. *Surguskaia tribuna*. April 3, 1991. p. 2. (In Russian).
30. Serdiukov D. V. Narastanie krizisa sovetskoi partiinogosudarstvennoi sistemy v 1985–1991 gg.: regionalnyi aspekt (na materialakh KhMAO). Extended abstract of Cand. Sci. (History) Thesis. Surgut; 2006. 23 p. (In Russian).
31. Ia byl zalozhnikom Politbiuro. *Surguskaia tribuna*. January 12, 1991. p. 3. (In Russian).
32. Gosudarstvu my ne nuzhny. *Surguskaia tribuna*. January 18, 1991. p. 4. (In Russian).
33. Pityk S. Pravo na bespravie. *Surguskaia tribuna*. February 8, 1991. p. 3. (In Russian).
34. Krechina Z. Bespredel. *Surguskaia tribuna*. February 9, 1991. p. 1. (In Russian).

Кириллук Д. В.
*Идея создания первой гимназии в г. Сургуте в 1990–1991 гг.:
к истории кейса городского и общесоюзного кризисов*

34. Кречина З. Беспредел // Сургутская трибуна. 1991. 9 февр. С. 1.
35. Мельников А. Перестройка не состоялась, это факт // Сургутская трибуна. 1991. 9 февр. С. 2.
36. Бабкин Д. Горько и обидно // Сургутская трибуна. 1991. 12 февр. С. 3.
37. А есть ли комсомол? // Сургутская трибуна. 1991. 16 февр. С. 2.
38. Хотим за бугор // Сургутская трибуна. 1991. 16 февр. С. 3.
39. Родин А. Лишние в бюджете // Сургутская трибуна. 1991. 2 марта. С. 3.
40. Прокопчук Н. Не до нас // Сургутская трибуна. 1991. 2 марта. С. 3.
41. Грязнов В. Кризис очевиден // Сургутская трибуна. 1991. 5 марта. С. 1.
42. Жердев А. Обманет ли власть на этот раз? // Сургутская трибуна. 1991. 5 марта. С. 2.
43. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550.
44. Советская хроника // Сургутская трибуна. 1991. 19 июня. С. 1.
45. Югай Г. Да, мы эгоисты // Сургутская трибуна. 1991. 19 июля. С. 1.
46. На пороге вырождения // Сургутская трибуна. 1991. 19 июля. С. 1.
47. Гареева Н. Драка возле гимназии, за и против гимназии // Сургутская трибуна. 1991. 11 сент. С. 1.
48. Бондарчук Ф. Н. Об инциденте возле гимназии // Сургутская трибуна. 1991. 13 сент. С. 1.
49. Полевые материалы автора. Интервью Д. В. Кириллюка с М. А. Ставрук. 18 ноября 2023 г.
50. В президиуме городского Совета провокация осуждена // Сургутская трибуна. 1991. 14 сент. С. 1.
51. Гареева Н. Сессия одного депутата? // Сургутская трибуна. 1991. 12 окт. С. 1.
52. Ардиль В. Вся власть закону! Или размышления в День Конституции // Сургутская трибуна. 1991. 13 нояб. С. 2.
53. Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П., Голованова О. И. Государственная политика по формированию социокультурного пространства в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. Т. 14. № 3. С. 45–57.
54. Стась И. Н. Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 85–132.
55. Касаткина А. К. К поэтике и практике современного урбанизма: «город-сад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2022. Т. 14. № 1. С. 30–59.
35. Melnikov A. Perestroika ne sostoialas, eto fakt. *Surguskaia tribuna*. February 9, 1991. p. 2. (In Russian).
36. Babkin D. Gorko i obidno. *Surguskaia tribuna*. February 12, 1991. p. 3. (In Russian).
37. A est li komsomol? *Surguskaia tribuna*. February 16, 1991. p. 2. (In Russian).
38. Khotim za bugor. *Surguskaia tribuna*. February 16, 1991. p. 3. (In Russian).
39. Rodin A. Lishnie v biudzhete. *Surguskaia tribuna*. March 2, 1991. p. 3. (In Russian).
40. Prokopchuk N. Ne do nas. *Surguskaia tribuna*. March 2, 1991. p. 3. (In Russian).
41. Griaznov V. Krizis ocheviden. *Surguskaia tribuna*. March 5, 1991. p. 1. (In Russian).
42. Zherdev A. Obmanet li vlast na etot raz? *Surguskaia tribuna*. March 5, 1991. p. 2. (In Russian).
43. MKU “Munitsipalniy arkhiv goroda Surguta”. F. 3. Op. 1. D. 550. (In Russian).
44. Sovetskaia khronika. *Surguskaia tribuna*. June 19, 1991. p. 1. (In Russian).
45. Iugai G. Da, my egoisty. *Surguskaia tribuna*. June 19, 1991. p. 1. (In Russian).
46. Na poroge vyrozhdeniia. *Surguskaia tribuna*. June 19, 1991. p. 1. (In Russian).
47. Gareeva N. Draka vozle gimnazii, za i protiv gimnazii. *Surguskaia tribuna*. September 11, 1991. p. 1. (In Russian).
48. Bondarchuk F. N. Ob intsidente vozle gimnazii. *Surguskaia tribuna*. September 13, 1991. p. 1. (In Russian).
49. Polevy materialy avtora. Interview with M. A. Stavruk. November 18, 2023. (In Russian).
50. V prezidiume gorodskogo Soveta provokatsiia osuzhdena. *Surguskaia tribuna*. September 14, 1991. p. 1. (In Russian).
51. Gareeva N. Sessiia odnogo deputata? *Surguskaia tribuna*. October 12, 1991. p. 1. (In Russian).
52. Ardil V. Vsia vlast zakonu! Ili razmyshleniia v Den Konstitutsii. *Surguskaia tribuna*. November 13, 1991. p. 2. (In Russian).
53. Gavrilova N. Iu., Karpov V. P., Golovanova O. I. State policy on the formation of sociocultural environment in petroleum producing regions of Western Siberia (1960–1980). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*. 2021;14(3):45–57. (In Russian).
54. Stas I. N. Urbanization in people’s minds: Stalin’s “right to the city”, soviet subjectivity and citizenship practices in Khnaty-Mansiysk. *Forum for Anthropology and Culture*. 2022;(52):85–132. (In Russian).
55. Kasatkina A. K. K poetike i praktike modernogo urbanizma: «gorod-sad» kak tekhnologiiia sotsialnoi integratsii v Obninske 1960-kh godov. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2022;14(1):30–59. (In Russian).

Информация об авторе

Д. В. Кириллук – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Denis V. Kirilyuk – Candidate of Sciences (History), Docent.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 4 (56)
2023

Редактор
Л. М. Хисамутдинова

Переводчик
Е. П. Кулишова

Верстка
Е. А. Мельниковой

Дата опубликования 29.12.2023 г.
Формат 60 × 84/8. Уч.-изд. л. 7,5. Заказ 373

Оригинал-макет подготовлен
в Издательском центре СурГУ
Тел. (3462) 76-31-79

Адрес учредителя и издателя:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел. (3462) 76-29-29

Цена свободная